ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гумеров Марсель Марсович

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-е – 1917 ГГ.

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Гусева Юлия Николаевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 4

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ... 17

1.1. Степень изученности исследуемой проблематики ... 17

1.2. Источниковая база ... 40

1.3. Методологическая основа и методы исследования ... 59

ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАПРОСА В МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИНАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ... 67

2.1. Социокультурный и экономический облик мусульманских общин Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века ... 67

2.2. Государственная политика в области образования и «мусульманский вопрос» ... 78

2.3. Акторы и каналы культурно-образовательного трансфера ... 87

ГЛАВА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЖАДИДСКИХ ИДЕЙ В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ... 114

3.1. Сеть новометодных мектебе и медресе Самарской губернии: география, хронология, типология ... 114

3.2. Основные идеи, проникавшие в образовательную среду региона. Вопрос о соотношении светских и религиозных дисциплин ... 129

3.3. Образовательные новации в самарских медресе ... 163

3.4. Джадидские медресе между консервативным духовенством и губернской властью: особенности взаимоотношений ... 176

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 183

ГЛОССАРИЙ ... 190

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... 194

ПРИЛОЖЕНИЯ ... 226

Приложение 1. ... 226

Приложение 2. ... 227

Приложение 3. ... 228

Приложение 4 ... 230

Приложение 5. 231
Приложение 6 232
Приложение 7. 233
Приложение 8. 236
Приложение 9. 252

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется рядом обстоятельств, которые носят теоретический и прикладной характер. В результате работы в этом направлении углубляется понимание закономерностей и динамики исторических процессов (теория), а также возникает дополнительная возможность совершенствования управленческой деятельности в современных условиях (практика).

Наличие *научного аспекта актуальности* избранной темы связано со значимостью изучения общественной жизни в целом, а конкретно – возможностью дополнения гуманитарного знания о её реформировании. Теория модернизации существует, но она, скорее, не единая монолитная теория, а междисциплинарное направление исследований. Чаще всего её развивают в рамках таких социальных наук, как экономика, политология, социология. Но, по нашему мнению, история как наука может и должна вносить больший вклад в дело дальнейшей разработки теории реформирования общества.

Поскольку образование – существенный элемент жизни социума, постольку его модернизация – жизненная необходимость совершенствования качества жизни людей на всех этапах истории. В первую очередь изучение реформ в сфере образования помогает понять особенности и характер модернизации общества на последнем этапе существования Российской империи, проясняет, как именно социальные системы и институты трансформируются, какие барьеры могут при этом возникать и каким образом можно их преодолевать.

В силу особенностей политического устройства Российской империи в тюрко-мусульманской среде эта модернизация приобретала прежде всего экономические и образовательные формы. В связи с этим важно понять, какие именно перемены были характерны для мусульманского образования в Самарской губернии в избранный период, поскольку именно они раскрывают конкретные стратегии адаптации местных мусульман к начавшейся после реформ 1861 года модернизации российского социума. Таким образом, изучение модернизации

образования значимо не только для истории региона, но и для понимания механизмов трансформации общества в целом.

В связи с этим особый интерес приобретает изучение такого исторического феномена, как джадидизм, – движения за образовательные и культурные реформы[1] – и его особенностей в российских условиях.

Постреформенное развитие предпринимательства, изменение социальной структуры и государственная политика формировали новый образовательный запрос в мусульманских общинах Российской империи и в Самарской губернии в частности. Его реализация зависела от ресурсов общин, деятельности духовенства, предпринимателей и интеллигенции, межрегиональных и зарубежных контактов и иных факторов. Таким образом, данная работа углубляет понимание генезиса и развития джадидизма.

Хотя история мусульманского образования в России прошла многовековой путь, в котором доминировала традиция, именно в указанный период в процесс развития мусульманской школы стали постепенно внедряться новации, связанные с резкими модернизационными переменами меняющегося мира, и не только российского. Среди перемен, которые переживали медресе и мектебе России, было вхождение в исламское образовательное поле светского начала. Особенно выраженными эти трансформации были в Крыму и Волго-Уральском регионе. Кроме светского начала, в образовательный процесс внедрялись результаты интеллектуальных обменов внутри мусульманских «полей» Российской империи, а также последствия гуманитарных контактов российских верующих с единоверцами в Османской Турции.

Кроме того, образовательные новации в мусульманских общинах различных регионов Российской империи имели далеко идущие последствия для

[1] В более узком, операциональном, смысле в контексте данной работы под «джадидизмом» мы понимаем проект образовательных, культурных реформ, распространившийся в различных мусульманских ареалах Российской империи (прежде всего в Волго-Уральском регионе и в Крыму) во второй половине XIX – начале XX века. С учетом специфики этого термина в качестве синонимов в данной работе могут быть использованы понятия «реформизм», «обновленчество», «новометодные учебные заведения». Гендерный аспект образования выходит за рамки исследования, которое прежде всего сфокусировано на процессах и новациях идеологического характера.

формирования национальной, гражданской идентичности тюрко-мусульманского населения Российской империи и СССР. Таким образом, вопрос о новациях в образовательной сфере, шире – о генезисе и направленности культурной модернизации, задает вектор понимания исторических процессов формирования национальной элиты, национальной и гражданской идентичностей в многомиллионном тюркоязычном сообществе современной России.

Общественно-политический аспект актуальности диссертационного исследования выражается в ряде позиций.

Непрерывное совершенствование системы мусульманского образования России последних десятилетий требует понимания значимости тех или иных новаций. В настоящее время российские университеты готовят светских специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама и мусульманских теологов – из выпускников исламских вузов – в аспирантурах светских вузов и академических институтов, имеющих диссертационные советы по теологии.

Отечественные богословы должны быть профессиональными знатоками богословских наук и, что не менее важно, иметь широкий взгляд на мир и рациональное мышление благодаря наличию знаний в разных областях, включая светские. Это вопросы государственного значения, так как государство на самом высоком уровне уделяет большое внимание вопросам развития российской богословской школы, системе исламского образования, что связано с противодействием распространению экстремизма и радикализма, а также с социальной адаптацией мусульманской уммы Российской Федерации. Российские политические и религиозные деятели в своем стремлении к формированию более гибких моделей управления могут учесть весьма гибкие подходы джадидов к воспитанию молодых мусульман, что в перспективе может привести к снижению межконфессиональной напряженности.

Наличие ряда проблем в подготовке богословских кадров, рядовых имамов, то есть кадров различного уровня для российских мечетей и духовных управлений мусульман, среди которых: проблема стандартизации исламского

образования в России, низкое качество изучения светских дисциплин в религиозных образовательных учреждениях, отсутствие достаточного количества учебно-методической литературы, учитывающей местные традиции мусульман России[2], – требует особого внимания к изучению истории и современного состояния мусульманского образования. Исследование также может помочь религиозным организациям, государственным органам в поиске оптимальных решений для выстраивания актуальной и эффективной системы мусульманского образования в России[3].

Оно актуализирует возможность изучения исторического опыта, который вполне может быть адаптирован и применим в современных реалиях, помогает обосновать вопрос о «дозволенности» и необходимости изучения не только религиозных, но и светских дисциплин в мусульманских учебных заведениях.

Многоконфессиональность и многоэтничность населения РФ требует дальнейшего осмысления для решения задач в образовательной сфере как представителями власти, так и преподавателями разного рода учебных заведений. Самарская губерния представляет интерес как жизненное пространство, в котором джадидские медресе функционировали в полиэтничной и поликонфессиональной среде, она дает понимание моделей адаптации исламского образования применительно к российскому социокультурному пространству. При должном внимании исследователей к изучению исторического опыта сближения светского и теологического начал будут бесшовно сочетаться подходы отечественной богословской школы и ценности поликонфессиональной и полиэтничной российской цивилизации.

---

[2] Мухаметшин Р. М. Кластеризация образования – это ориентация Татарстана на исламский рынок, который начал активно развиваться [Электронный ресурс] // Миллиард татар – 26.10.2022. URL: https://milliard.tatar/news/klasterizaciya-obrazovaniya-eto-orientaciya-tatarstana-na-islamskii-rynok-kotoryi-nacal-aktivno-razvivatsya-2287 (дата обращения: 21.08.2023).

[3] «…мы находимся на пороге «неоджадидизма» – новых обновленческих процессов в традиционном исламе, в результате которых он должен быть вписан в общественно-политический контекст Российского государства и тем самым он поможет нейтрализовать радикальные элементы внутри мусульманских общин страны», – отмечают авторитетные российские исламоведы (Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018. С. 414).

Объект исследования – мусульманские общины Самарской губернии в 1880-е – 1917 гг.

Предмет исследования – изменения в системе религиозного образования мусульманских общин Самарской губернии в указанный период.

Цель исследования – выявить локальные особенности, условия и механизмы изменений в системе мусульманского образования Самарской губернии в 1880-е – 1917 гг.

Достижение намеченной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить влияние социально-экономического развития Самарской губернии, формирования татарской буржуазии и политики центральных и региональных властей на изменения в мусульманских школах.

2. Исследовать роль богословов и представителей светской интеллигенции в распространении и укоренении идей джадидизма в мусульманских общинах губернии.

3. Выявить и описать механизмы культурного трансфера (хадж, образовательная миграция, периодическая печать, суфийские сети и пр.) в распространении образовательных новаций среди мусульман губернии.

4. На основе архивных и опубликованных материалов реконструировать сеть мусульманских учебных заведений, выявить масштабы и хронологию распространения образовательных нововведений.

5. Охарактеризовать идеи богословов и светских интеллектуалов Российской и Османской империй об изучении светских дисциплин в мусульманских учебных заведениях, формах и содержании образовательных новаций.

6. Проанализировать учебные программы джадидских медресе губернии, определить характер и степень включения в них светских дисциплин.

7. Изучить особенности взаимоотношений сторонников образовательных новшеств с консервативно настроенным духовенством и губернскими органами власти.

Хронологические рамки работы охватывают 1880-е гг. – 1917 г. Нижняя граница связана с появлением новометодных практик в общинах губернии и распространением джадидских идей в Волго-Уральском регионе. Верхняя – с крушением политико-правовой системы Российской империи. Отдельные материалы предшествующих десятилетий второй половины XIX века раскрывают социально-экономические и правовые предпосылки изучаемых изменений.

Территориальные рамки – Самарская губерния в административных границах изучаемого периода. Материалы по другим губерниям Волго-Урала, Крыма и Османской империи привлекаются для сравнения и выявления внешних связей. Понятие «Среднее Поволжье» используется для обозначения более широкого историко-географического пространства, включавшего Самарскую губернию.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что изменения в системе мусульманского образования определялись сочетанием внутренних и внешних факторов. Развитие предпринимательства формировало потребность в светских знаниях при сохранении обучения религиозным дисциплинам. Местные инициативы сочетались с поступлением реформаторских идей из других регионов России и Османской империи по каналам культурного трансфера. Оба фактора ускоряли модернизационные процессы в тюрко-мусульманской среде изучаемого региона и одновременно являлись их выражением.

Методологическая основа и методы исследования.

Для анализа различных уровней проблемы мы опираемся на концепцию множественных современностей (multiple modernities) и незападной модернизации как ее эмпирической составляющей в русле идей Ш. Эйзенштадта[4] и подход культурного трансфера [5] . Концепция Эйзенштадта помогает интерпретировать сочетание религиозной традиции, светских знаний и новых

[4] Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in the Framework of a Comparative Evolutionary Perspective // Understanding Change / Ed. by A. Wimmer, R. Kössler. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 199–218.

[5] Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.

педагогических практик как исторически обусловленный вариант обновления образования, инструмент и выражение «незападной» модернизации. Подход культурного трансфера применяется для выявления акторов-посредников, каналов распространения и способов адаптации реформаторских идей в учебных заведениях Самарской губернии. Подобное сочетание подходов позволяет рассматривать джадидизм в Самарской губернии на идейно-смысловом (как ответ на вызовы современности) и локальном (механизм возникновения) уровнях.

Исследование опирается на принципы историзма и объективности: образовательные изменения рассматриваются в исторических условиях позднеимперской России, оценки чиновников сопоставляются с трудами мусульманских интеллектуалов, прессой и статистикой. Системный подход используется при рассмотрении взаимосвязей учебных программ, методов преподавания, кадрового состава, финансирования и административного положения мектебе и медресе. Диалектический подход позволяет рассмотреть явления в развитии и взаимосвязи, а противоположные тенденции – в их взаимодействии (джадиды и кадимисты с переходными формами между ними). Кроме того, используются анализ и синтез, абстрагирование, сравнительно-исторический, ретроспективный и биографический методы. Сравниваются программы новометодных и кадимистских школ, медресе губернии и центров Волго-Урала; сопоставляются российские и османские проекты реформ. Ретроспективный анализ раскрывает предпосылки и последовательность изменений, биографический – деятельность и связи посредников культурного трансфера.

Методологический инструментарий исследования подробно рассмотрен в параграфе 1.3 главы 1 диссертации.

Степень научной разработанности темы. Диссертантом выявлены и сопоставлены основные направления историографии: исследования джадидизма, системы мусульманского образования Волго-Урала, общин Самарской губернии и российско-османских культурно-образовательных связей. Установлена дискуссионность границ джадидизма, ограничения жесткого противопоставления

реформаторов и традиционалистов, неравномерность изучения каналов передачи идей.

Зафиксировано, что изменения конфессионального образования губернии, деятельность местных участников реформ и способы укоренения новых идей требуют специального исторического исследования. Выявлена недостаточная изученность различных аспектов модернизации мусульманских общин Российской империи и механизмов генезиса джадидизма на локальном уровне, а именно: инструментов, каналов внедрения новаций, а также деятельности сторонников изменений и их взаимодействия с консервативно настроенным духовенством и властями.

Подробный анализ историографии содержится в параграфе 1.1 главы 1 диссертации.

Источники. Использованный массив архивных и опубликованных материалов включает законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическую печать, учебные программы образовательных учреждений, труды мусульманских богословов, просветителей и писателей, материалы всероссийских мусульманских съездов. Комплексно источниковая база рассмотрена в параграфе 1.2 главы 1 диссертации.

Предпринятый диссертантом анализ эвристического потенциала источников показывает, что они репрезентативны для решения задач диссертации, позволяют реконструировать локальные особенности, условия и механизмы реформирования мусульманского образования в регионе.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– Сочетание концепции множественных модернизаций и подхода культурного трансфера применено для выявления локальных механизмов образовательных изменений и их связи с общими процессами развития Российской империи.

– В научный оборот вводится комплекс неопубликованных архивных документов о деятельности джадидских учебных заведений Самарской губернии, а российско-османские интеллектуальные связи исследуются с привлечением опубликованных источников и историографии на турецком языке.

– На материалах Самарской губернии определены участники и каналы передачи реформаторских идей, реконструированы распространение новометодных школ и особенности внедрения образовательных новаций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социокультурные и экономические условия развития Самарской губернии в изучаемый период: полиэтничность, поликонфессиональность, формирование татарской буржуазии, географическая близость к Казани и Уфе, включённость в интеллектуальные сети с другими «мусульманскими» регионами страны и зарубежья – обусловили зарождение и развитие реформаторских образовательных проектов, определили восприимчивость местных мусульманских общин к идеям джадидизма.

2. Внедрение джадидских новаций в губернии осуществлялось через чётко идентифицируемые каналы культурного трансфера (хадж, образовательная миграция в Стамбул, трансграничная книжная торговля, подписка на османскую и российскую джадидскую прессу, личные и суфийские связи). Инициаторами и проводниками изменений становились конкретные личности – местные богословы – выпускники российских и османских джадидских медресе и учителя-мугаллимы, чья деятельность реконструирована по архивным материалам.

3. Реконструкция сети мусульманских учебных заведений Самарской губернии показала постепенное и неравномерное распространение новометодного обучения. К 1915 г. в губернии насчитывалось 408 мусульманских школ: 310

мектебе (начальных) для мальчиков, 12 мектебе для девочек и 86 медресе (средних) для мальчиков. По авторской оценке, из 408 учебных заведений новометодными были 124 (около 30% от общего числа). Темпы перемен определялись финансовыми возможностями общин, подготовкой преподавателей, позицией духовенства, связями с внешними образовательными центрами и административным контролем.

4. В российской богословской традиции допустимость светских наук обосновывалась обращением к Корану, хадисам и истории исламской цивилизации; поддерживали изучение русского языка, истории, географии, математики, естественных дисциплин.

Сопоставление российских и османских проектов реформирования выявило близость аргументов в пользу включения светских дисциплин в мусульманское образование. В Российской империи инициативы исходили преимущественно из мусульманской среды, тогда как в Османской империи значительную роль играло государство. Обмен идеями сочетался с самостоятельной разработкой проектов и их адаптацией к местным обстоятельствам.

5. Учебные программы джадидских медресе Самарской губернии имели гибридный характер: они сочетали новометодные педагогические практики (звуковой метод обучения, классно-урочная система, определённые сроки обучения и пр.), традиционный корпус религиозных дисциплин (Коран, вероучение и основы религии, история ислама и пророков, арабский язык, логика и др.), а также светские предметы (арифметика, алгебра, география, всеобщая история и история России, начальный курс бухгалтерского учёта и экономики и пр.) и элементы, обусловленные российским общественно-политическим контекстом, прежде всего изучение русского языка.

6. Распространение джадидских учебных заведений в Самарской губернии и в регионе в целом напрямую зависело не только от поддержки заинтересованных акторов из числа мусульманских элит, но и от способности сторонников реформ к двусторонней адаптации. С одной стороны, они вели диалог с консервативным духовенством (кадимистами) через апелляцию к исламской традиции иджтихада,

с другой – с имперской администрацией – путем демонстрации лояльности, преподавания русского языка и формирования лояльности к государству подданных. Эта двусторонняя адаптация была ключевым условием легитимации и выживания джадидского проекта в целом и в регионе в частности. Государственные структуры разного уровня, в особенности после событий 1905–1907 гг., сдерживали реформирование мусульманских учебных заведений, ставя под жесткий контроль наиболее активных сторонников реформ.

7. На примере Самарской губернии как части Волго-Уральского мусульманского пространства показано, что джадидизм может рассматриваться как сочетание религиозной традиции, светских знаний и компетенций, необходимых для жизни в полиэтничной и поликонфессиональной среде, и как локальный вариант «незападной» модернизации (по Ш. Эйзенштадту). Изменения в системе конфессиональной школы происходили через отбор и приспособление традиционных подходов и новых идей к меняющимся потребностям мусульманских общин и являлись механизмом модернизации их социальной жизни.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении представлений о локальных механизмах образовательных изменений, генеалогии джадидских идей и функционировании межрегиональных и российско-османских интеллектуальных связей.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы в курсах истории России и региональной истории, краеведческих исследованиях истории мусульманских общин, учебных заведений Самарской губернии, а также при изучении опыта трансформации отечественной мусульманской богословской школы в ответ на вызовы современности.

Апробация исследования. Достоверность исследования обеспечивается использованием научных методов при анализе источников и историографии, а также апробацией результатов исследований. Основные положения и выводы представлены на десяти научных мероприятиях 2021–2026 гг., в том числе на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы распада и

наследия СССР в современном публичном пространстве» (17 и 19 апреля 2021 г., г. Москва. Тема доклада: «Постсоветское наследие для развития российского исламского образования: проблемы и достижения (на примере Самарской области)»), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (1 октября 2021 г., г. Казань. Тема доклада: «Новации в системе образования мусульман Самарской губернии на рубеже XIX–XX вв. и вопросы финансирования новометодных учебных заведений»), IX Ежегодной Всероссийской конференции молодых исламоведов «Ислам в Евразии: проблемы изучения истории и богословского наследия» (18 марта 2023 г., г. Москва, Институт востоковедения РАН. Тема доклада: «Идеи реформирования исламского образования и их реализация в Волго-Уральском регионе: история и современность (на материалах Самарского края)»), Всероссийской конференции с международным участием «Гусевские чтения – 2023» (29–30 марта 2023 г., г. Москва. Тема доклада: «Татарский богослов Халим Сабит Шибай (1883–1946) о реформе исламского образования: оценки отечественной и зарубежной историографии»), XVII Международной теологической научно-образовательной конференции «Чтения имени Галимджана Баруди» (19 сентября 2024 г., г. Москва. Тема доклада: «Российская и турецкая богословская мысль о проблеме изучения светских дисциплин в медресе (вт. пол. XIX – нач. XX в.)»), III межрелигиозном молодежном форуме «Согласие разных»: «Развитие межрелигиозного и межнационального диалога в молодежной среде» (30 сентября 2024 г., г. Москва. Тема доклада: «Проблемы просвещения и образования молодежи в идеях и проектах о реформировании российского исламского образования во вт. пол. XIX – нач. XX в.»), Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные вопросы общественного развития: проблемы и перспективы» (24 октября 2024 г., г. Чебоксары. Тема доклада: «Исламское образование в фокусе внимания российских и турецких богословов второй половины XIX – начала XX в.»), научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (2 декабря 2024 г., г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-

Маклая РАН. Тема доклада: «Проблема внедрения светских дисциплин в учебные программы медресе Волго-Уральского региона во второй половине XIX – начале XXI в. (на примере медресе Самарского края)»), X Всероссийской научно-практической конференции «Фахретдиновские чтения» (3 декабря 2024 г., г. Москва. Тема доклада: «Вопросы воспитания и образования молодежи в трудах Р. Фахретдина и А. Мидхата»). «XV Расулевские чтения» (2-4 июля 2026 г., г. Троицк. Тема доклада: Влияние идей Зайнуллы Расулева на реформирование учебных программ мусульманских учебных заведений Волго-Уральского региона (на примере Самарской губернии)).

Отдельные наработки исследования были апробированы в ходе работы по гранту РНФ «Панисламизм и пантюркизм: исторический, современный и прогностический дискурс в лицах и событиях», № 24-28-00188 (2024–2025).

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Степень изученности исследуемой проблематики

Историографический обзор выстроен по проблемному принципу: 1) общие подходы к изучению джадидизма; 2) исследования мусульманского образования Волго-Уральского региона; 3) работы о мусульманских общинах Самарской губернии; 4) литература о культурных трансферах между российскими и османскими мусульманами. Систематизация по четырем направлениям позволяет выявить аспекты, изученные в историографии, и вопросы, требующие специального исследования, – прежде всего локальные механизмы модернизации образования в Самарской губернии.

На протяжении последних десятилетий феномен джадидизма как многомерного интеллектуального явления и практики реформирования образовательной среды неизменно находится в фокусе внимания ученых. Хотя исследованию джадидизма посвящено много работ, его определение и масштабы до сих пор остаются нерешенными до конца. В настоящее время продолжается полемика о сущности, причинах, персоналиях, локальной специфике этого явления, о корректности дихотомии «джадидизм» – «кадимизм» и соотношении понятий «джадидизм», «исламский реформизм», «исламское просвещение», «исламский модернизм»[6].

Единое понимание роли джадидизма в исламских модернистских обсуждениях затруднено. Критические споры о противодействии джадидизма традиционалистскому исламу и его совместимости со светским знанием еще больше подчеркивают сложность его концептуализации в различных

[6] Lazzerini E. J. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. Oxford, 2023; Almazova L., Kemper M. A Requiem for “Jadidism”? Debates on Islamic Education in Contemporary Tatarstan // Journal of Central Asian History. 2024. Vol. 3(2). P. 199–231; Сенюткина О. Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2. С. 15–29.

современных условиях. Важно отметить, что в современной литературе джадидизм начинает рассматриваться как особая форма исламского модернизма, которая отвечает современности синтезом традиций и реформ [7], избегая европоцентристского редукционизма в русле идей Ш. Эйзенштадта[8]. Этот подход позволяет детально понять джадидизм как современность, укоренившуюся в культуре российских тюрок-мусульман, а не просто как имитацию западных моделей. Так, в статье Д. Мухетдинова «Джадидизм как новый тип религиозности: очерк предварительной концептуализации» объясняется, что джадидизм представлял собой новый тип религиозности, возникший в результате ответа на вызовы современности. Это позволяет рассматривать джадидизм не как пассивное заимствование, а как активную форму переосмысления современности, формирующую свою собственную версию модерна, основанную на специфическом культурном и религиозном контексте[9].

Исследователи связывают джадидизм с формированием национального самосознания мусульманских народов Российской империи и иллюстрируют его влияние на формирование этнической, культурной и политической идентичности в условиях полиэтничной и поликонфессиональной империи[10]. Утверждается, что

---

[7] Закиров А. А., Кашаф Ш. Р., Мухаметшин Р. М. Религиозный реформизм и джадидизм в Волго-Уральском регионе Российской империи (XIX – начало XX в.) // Orientalistica. 2022. Т. 5, № 3. С. 543–556; Абжалов С., Базарбаев К., Нурматов Ж., Абдрасилов Т. Анализ вклада джадидского движения в модернизацию и реформу образования в Центральной Азии // Адам әлемі. 2024. № 1(99). С. 129–142.

[8] Мухетдинов Д. В. Джадидизм как новый тип религиозности: опыт предварительной концептуализации // Ислам в современном мире. 2022. № 18(4). С. 43–64; Jung D. A Theory of “Islamic Modernities”: Religion and Modernisation in Muslim History. Intellectual Discourse. 2024. Vol. 32(1). P. 31–55; Jung D. Islam in Global Modernity: Sociological Theory and the Diversity of Islamic Modernities. Wiesbaden: Springer, 2023; Ben-Rafael, E. From Multiple Modernities to Multiple Globalizations // ProtoSociology. 2018. No. 35. P. 295–313; Ross D. Who’s Afraid of Jadidism?: Reckoning with the Legacy of a Cold War Paradigm // Journal of Central Asian History. 2024. Vol. 3(2). P. 131–169.

[9] Мухетдинов Д. В. Джадидизм как новый тип религиозности: опыт предварительной концептуализации // Ислам в современном мире. 2022. № 18(4). С. 43–64.

[10] Sözer B., Sakhi Z. An overview of research methods and topics used in Turkological studies // Turkic Studies Journal. 2024. Vol. 6, No 3. P. 196–218. DOI: http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-3-196-218; Sadriddinovna S. S. The Role Of The Jadids In Elevating The Spirituality Of The People Of Turkestan // Jurnal ISO: Jurnal Ilmu Sosial, Politik Dan Humaniora. 2024. Vol. 4(2); Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Зарубежная историография о джадидизме // Ориенталистика. 2024. № 7(1). С. 9–26. DOI: https://doi.org/l0.31696/ 2618-7043-2024-7-1-09-26; Сенюткина О. Н.

джадидизм стал влиятельной идеологией мусульманской буржуазии, стремившейся лучше и шире интегрироваться в социально-экономическое пространство Российской империи, но в то же время желавшей сохранить и развить свою национальную и религиозную идентичность. Целью джадидов было превратить мусульман империи в современную нацию и общность со своей религией, языком и культурой; общность, которая обладала равными правами и возможностями с другими народами в Российском государстве[11].

К примеру, в работе Л. М. Владимировой освещены особенности взаимодействия Самарского земства с гласными-мусульманами и мусульманскими сельскими обществами в решении местных социальных и экономических проблем[12]; автор рассмотрела предпосылки, формы проявления и результаты сотрудничества в этой сфере.

В национальных движениях по защите и развитию религиозно-культурных автономий в разных формах участвовали различные социальные слои мусульманского населения: не только предприниматели, но и часть духовенства. На примере округа Оренбургского Духовного магометанского собрания (ОМДС) об этом писал И. К. Загидуллин[13]. Он же изучил отрицательное отношение мусульман к новшествам в сфере образования и государственных властей[14]: проанализировал закрытость крестьянских и религиозных общин к «внешнему

Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2. С. 15–29.

[11] Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. С. 48; Гибадуллин М. З. Благотворительная инициатива предпринимателей – мусульман Поволжья и Урала в сфере образования (вторая половина XIX – начало XX века) // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. ст. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. С. 58–70; Хабутдинов А. Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 214 с.; Салихов Р. Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 66.

[12] Владимирова Л. М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.): монография. Серия «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 256 с.

[13] Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.

[14] Загидуллин И. К. Татары-мусульмане и школьная политика российского правительства в последней трети XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). С. 62–67.

миру», невостребованность в аграрной России для татарских крестьян русской грамоты, влияние мулл-традиционалистов, неумелые действия местной администрации, поступки которых нередко воспринимались мусульманами как подготовка к крещению. Этот анализ дал возможность диссертанту выявить общие и специфические черты отношения татар Самарской губернии к учреждению начальных русско-татарских училищ, открытию русских классов при мусульманских конфессиональных школах в последней трети XIX в., понять причины недоверия консервативно настроенных мулл к обновленчеству.

В ряде трудов (Я. Д. Коблова, Дж. Валидова, Э. М. Гибадуллиной, Д. С. Мухаметзяновой и др.[15]) обращалось внимание на роль государства и позицию политической элиты в деле распространения новаций.

Таким образом, феномен джадидизма получил отражение в значительном корпусе исследований[16], что явилось важной отправной точкой в исследовании процессов обновленчества и изменений образовательного поля Самарской губернии интересующего периода. Однако механизмы его зарождения и развития изучены недостаточно.

Образовательная составляющая джадидизма и его влияние на национальное образование представлены в трудах Р. У. Амирханова, А. Х. Махмутовой, Д. М. Исхакова и др.[17] Ученые подчеркивают преобразующее влияние джадидизма на исламское образование через использование школ «нового метода»,

---

[15] См. подробнее программу обучения в кадимистских медресе: Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 105; Мухаметзянова Д. С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 113–117; Коблов Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань: Типолитография Имп. Казанск. ун-та, 1916. С. 17–19; Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. Казань: Иман, 1998. С. 35–36.

[16] Среди авторитетных исследователей этой темы следует упомянуть Р. С. Хакимова, Д. М. Исхакова, Р. М. Мухаметшина, А. А. Басырова, Р. А. Гимазова, А. Г. Хайрутдинова, С. А. Дюдуаньона, М. Кемпера, Ф. А. Жестовскую, О. Н. Сенюткину и др.

[17] Амирханов Р. У. Система конфессионального образования у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки: сб. ст. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 140–158; Махмутова А. Х. Пора и нам зажечь зарю свободы! (Джадидизм и женское движение). Казань: Тат. кн. изд-во, 2006; Исхаков Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Иман, 1997.

объединяющих светские науки и религиозное обучение в целях содействия культурному обновлению и современному государственному строительству.

История российского мусульманского образования в пределах Волго-Урала во второй половине XIX – начале XX в. нашла отражение в общих трудах по истории российского ислама. В них говорилось о возникновении мусульманских учебных заведений, когда и где они появлялись, об особенностях развития на том или ином этапе их существования, специфике содержания учебных программ, организации структур, об отдельных мугаллимах и пр.[18] Говоря о процессах, происходивших в мусульманском образовательном поле, авторы не могли не заострять внимание на проникновении в учебные программы и планы элементов обновленчества. В этом формате лишь вскользь затрагивалась проблема сближения традиций и новаций.

В меняющейся реальности отсутствие жесткого разделения между богословием и наукой, характерное для мусульманской интеллектуальной традиции, позволяло вести дискуссии о допущении б*о*льшего количества светских элементов в образовательное поле, что и отражает историография. Очевидно, что интеллектуальные процессы и дискуссии, проходившие в России и отдельных мусульманских странах в изучаемый исторический период, осуществлялись во многом синхронно и взаимно обогащали друг друга. Современная историография предоставляет нам возможность рассмотреть отдельные аспекты этого вопроса[19].

Некоторые из исследователей (например, А. Х. Басыров[20]) сближали понятия кадимизм и джадидизм при рассмотрении их роли в образовательной

---

[18] История ислама в России / под общ. ред. Р. М. Мухаметшина. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2022. 616 с.; Хайрутдинов Б. Ю. Сельские новометодные школы и их преподаватели на страницах журнала «Шура» (1910-е гг.) // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. ст. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. С. 195–200; Реформы образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России. Сб. ст. Н. Новгород: Медина, 2008. 232 с. и др.

[19] Жестовская Ф. А. Проблемы татарского просветительства в XIX – начале XX века в историко-политическом измерении: дис. ... кандидата исторических наук: 23.00.01. Казань, 2004. С. 15–29; Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.

[20] Басыров А. Х. Джадидизм: социально-философский анализ: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. Уфа, 2009. 140 с.

сфере. Отдельные исследователи утверждают (М. Кемпер[21], П. Сартори[22] и пр.), что дихотомия между кадимистами и джадидами иллюзорна, так как они писали об одних и тех же проблемах, а сам термин «джадидизм» не объясняет сути протекавших в различных регионах Российской империи интеллектуальных процессов. Утверждается, что джадидизм воплотил дискурс модерна, состояние колониальности, так как описывал ислам в терминологии модерна («отсталый», «цивилизовать» и пр.) и как проект модерна поклонялся рационализму (А. Бустанов[23] и др.).

Вопросы образования также получили отражение в материалах Всероссийских съездов мусульман дореволюционной России и были проанализированы некоторыми историками[24]. Особое внимание вопросам образования и просвещения уделил III съезд (16–21 августа 1906 года, Нижний Новгород), на котором прозвучала мысль о том, что «вопрос реформы школы – дело всей нации»[25].

Образовательные процессы в мусульманской среде Волго-Уральского региона были тесно связаны с происходившим в стране реформированием общественной жизни второй половины XIX века. В одной из работ И. К. Загидуллин[26] проанализировал численный и социокультурный потенциал этно-конфессиональных общин, особенно Оренбурга и Уфы, которые наряду с Казанью стали ведущими центрами культуры татарской нации. Это важно, так как понимание масштабов образовательного поля в формате региона на том или ином

---

[21] Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 656 с.

[22] Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.

[23] Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. М.: Марджани, 2013. 264 с. О современном состоянии дискуссии см. также: История ислама в России: [коллективная монография] / под общ. ред. Р. М. Мухаметшина. Казань: Российский исламский ин-т; Киров: Кировская обл. тип., 2022. 616 с.

[24] Сенюткина О. Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Н. Новгород: Махинур, 2005. 76 с.; Хабутдинов А. Ю. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород: Махинур, 2005. 60 с.

[25] Сенюткина О. Н. Третий съезд мусульман России (к 100-летию становления парламентаризма в России). Н. Новгород: Махинур, 2006. С. 17.

[26] Загидуллин И. К. О динамике численности мусульман в городах Волго-Уральского региона в 1897–1910 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. № 7. С. 61–80.

этапе его существования невозможно без общего представления о численности мусульман и тенденциях развития городов и сел в связи с укреплением губернских центров т. н. «мусульманских регионов» России. Он же в одной из своих научных статей[27] обратил внимание на роль Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в совершенствовании работы мусульманских учебных заведений[28].

На материалах Казанского учебного округа (КУО), в который входили мусульманские учебные заведения Самарской губернии, Ч. Х. Саматова исследовала школьную политику имперской власти России в отношении мусульманского населения с 1860-х годов до 1917 года. В частности, ею были охарактеризованы механизмы реализации этой политики в отношении татарских конфессиональных школ на территории округа. Для диссертанта представляет интерес рассмотренный Ч. Х. Саматовой вопрос о недоверии татар-мусульман к чиновникам, которые видели в ревизиях конфессиональных школ вмешательство в дела уммы. Опираясь на материалы Национального архива Республики Татарстан (донесения директоров начальных училищ и др.), автор монографии[29] констатировала, что «татары Казанской и Астраханской губерний не проявляют открытого недовольства посещением мектебе и медресе представителями учебной инспекции, в то время как мусульманское население ряда уездов Саратовской, Самарской, Вятской, Симбирской губерний видят в таких посещениях “посягательство на веру”»[30].

По материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года [31] Ч. Х. Саматова оперирует данными по Самарской губернии,

---

[27] Загидуллин И. К. Оренбургское Магометанское Духовное собрание и вопросы обновления содержания конфессиональных школ (конец XIX – начало XX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. № 3. С. 146–161.
[28] Там же. С. 146.
[29] Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). Казань: Тат. кн. изд-во, 2013. С. 170–171.
[30] Там же. С. 36.
[31] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года в 89 т. СПб., 1904. Т. II. С. 2–3, 42–43, 46–47; Т. X. С. 2–3, 88–89; Т. XIV. С. 2–3, 102–103, 106–107; Т. XXXVI. С. 2–3, 58–59, 62–63; Т. XXXVIII. С. 2–3, 80–81, 84–85; Т. XXXIX. С. 2–3, 62–63, 66–67.

касающимися конфессионального и этнического состава населения[32], приводит информацию о количестве новометодных школ губернии: в 1912 году (37), что составляло 19,7% от общего количества конфессиональных школ[33].

Отдельную группу составляют работы, посвящённые развитию образования и общественных институтов Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Они позволяют рассмотреть мусульманские мектебе и медресе не изолированно, а в контексте общей региональной образовательной среды, земской активности, административной политики и социально-экономической модернизации губернии.

Что касается конкретики развития мусульманского образования в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в., то Ч. Х. Саматова утверждала, по сделанному ею подсчету, что в Самарской губернии число джадидских школ в 1910–1913 гг. возросло по сравнению с 1901 годом в 1,3 раза, что меньше, чем в Казанской (в 6 раз), Астраханской (в 3 раза), Симбирской (в 2 раза)[34].

Среди работ по мусульманской проблематике Самарской губернии можно выделить труды о государственно-исламских отношениях[35], о мусульманской благотворительности[36], общественно-политической жизни мусульман[37]. Они

---

[32] Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). Казань: Тат. кн. изд-во, 2013. С. 228, 229.
[33] Там же. С. 239.
[34] Там же. С. 202.
[35] Гарипов Н. К. Политика российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2002. 176 с.
[36] Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. Очерки. Казань, 2002; Салихов Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – XX в. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2004; Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
[37] Татарские села Самарского края. Исторические очерки / Самарская областная татарская национально-культурная автономия; под общей редакцией Ш. Х. Галимова. Самара: Слово, 2020. 199 с.; Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки / Самар. обл. татар. нац.-культур. автономия; под общ. ред. Ш.Х. Галимова. Самара: Книжное изд-во, 2017. 615 с.; Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. 262 с.; Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. 112 с.; Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 559 с.; Саматова Ч. Х. Школьная политика

позволяют описать отдельные элементы социально-экономического, политического, духовного развития местных общин.

Своей целью при написании монографии исследователь Э. М. Гибадуллина ставила изучение тенденций развития мусульманских приходов Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.[38] Раскрывая эту тему, она дала небольшой материал по вопросам просвещения, что важно диссертанту при изучении социальных аспектов организации конфессиональных институтов, а также при аргументации возможностей их реформирования.

Образовательные процессы в мектебе и медресе Самарской губернии в указанной монографии затронуты Э. М. Гибадуллиной лишь фрагментарно, так как труд посвящен комплексному изучению мусульманских приходов Самарской губернии как социокультурному явлению, а не вопросам деятельности татарских школ. Вопросам образования отводится лишь незначительный по объему параграф 3.3 «Учебные заведения в приходах»[39]. Вместе с тем в тексте параграфа делается вывод, с которым нельзя не согласиться: мусульманские учебные заведения Самарской губернии были неотъемлемой частью приходов (махаллей).

Проанализировав деятельность самарских мусульманских приходов, Э. М. Гибадуллина пришла к выводу, что умма Самарской губернии отличалась сравнительно высоким уровнем охвата начальным конфессиональным образованием при невысоком уровне владения русским языком, при этом в губернии медленно увеличивалось количество новометодных школ, а финансирование образования осуществлялось в основном на средства прихожан[40]. Ею же на основе данных Первой всеобщей переписи населения Российской

самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Казанского учебного округа): дис. … канд. ист. наук. Казань, 2010. 263 с.

[38] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. 262 с.

[39] Там же. С. 102–118.

[40] Там же. С. 117–118.

империи[41] сделан подсчет распределения мусульманского населения Самары по родному языку, сословиям и состояниям в 1897 году[42].

Определенные сведения относительно программ обучения в старометодных и новометодных мусульманских учебных заведениях имеются в работе российского богослова, исламоведа, представителя казанской миссионерской школы Я. Д. Коблова[43]. Автор приводит много фактов о развитии исламского образования в Волго-Уральском регионе, но в работе, в связи с миссионерской позицией автора заметна оценочность по отношению к новометодной системе обучения мусульман. В частности, Коблов считал, что достичь равномерных успехов в светских и богословских дисциплинах одновременно невозможно, и потому полагал нецелесообразным вводить светские предметы в условиях углублённого преподавания богословия[44]. Однако у мусульман в то время не было других способов обеспечить разностороннее развитие подрастающего поколения с сохранением собственной идентичности.

Проблема интенсивности межрегиональных интеллектуальных обменов и культурных трансферов также важна в данном исследовании: среди прочего, она интересна в силу специфики ментальности представителей исламской части российского населения, признающих святыни Мекки и Медины (тогда они находились под контролем Османской империи), но вместе с тем являющихся подданными Российской империи. Зарубежные авторы посчитали, что реформаторы Волго-Уральского региона были вдохновлены опытом Османской империи и брали их программы светских школ за основу[45]. Но надо отметить, что в отечественной историографии существует и другая точка зрения. Так, например, Р. Ф. Мухаметдинов обратил внимание на наблюдения турецкого политического и

---

[41] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб.: Изд. центр. Стат. комитета, 1904. С. 184–185.

[42] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 248–249.

[43] Коблов Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916. 119 с.

[44] Там же. С. 106.

[45] Tuna M. Madrasa reform as a secularizing process: A view from the late Russian empire // Comparative Studies in Society and History. 2011. Vol. 53, No. 3. P. 568.

общественного деятеля татарского происхождения Ю. Акчуры (1876–1935)[46], который преподавал политическую историю и историю тюркского мира в медресе «Мухаммадия». С учетом того, что Ю. Акчура был тесно связан с двумя культурными зонами: Османской и Российской империй, он мог видеть определенные преимущества и достоинства обеих моделей реформирования системы исламского образования. Ю. Акчура считал, что турки должны учиться у мусульман России многим вещам, в том числе и более гибкому и реформированному исламу, более модернизированным учебным заведениям российских тюрок-мусульман[47].

Определенные идеи уже разрабатывались внутри Российской империи до открытия новометодного мектебе И. Гаспринским[48] в Бахчисарае в 1884 г. Например, А. Н. Юзеев зафиксировал, что творчество Ш. Марджани[49] на реформаторском поприще шло параллельно с деятельностью реформатора с мировым именем М. Абдо (1849–1905)[50].

В сущности, противоположные точки зрения турецкого автора М. Тюны и российского исследователя А. Н. Юзеева могут быть одновременно справедливыми. Представляется, что опыт и идеи османских педагогов и

---

[46] Юсуф Акчура (1876–1935) – журналист, историк из рода симбирских купцов Акчуриных. В 1904–1908 гг. Ю. Акчура обучал шакирдов в медресе «Мухаммадия». В 1911 г. в Стамбуле Акчура стал редактором журнала «Тюрк йорду» («Тюркский мир»).

[47] Мухаметдинов Р. Ф. Юсуф Акчура, эпоха перемен и формирование турецкой нации // Тюркологические исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 35.

[48] Исмаил Гаспринский (1851–1914) – крымско-татарский общественный и политический деятель, педагог-реформатор, родился в 1851 г. в Крыму. Учился в Симферопольской мужской гимназии (1861–1863), в Воронежском кадетском корпусе, во Второй Московской военной гимназии (1864–1868). Вернувшись в родные края, служил делу народного образования: преподавал в знаменитом медресе «Зинджирлы», а затем в медресе д. Дурекой в предместье Ялты русский язык. В 1871 году Исмаил Гаспринский уехал во Францию, где обучался в Сорбонне (Парижском университете), в 1874–1875 годах жил в Турции. Возвратившись на родину, работал учителем.

[49] Шигабутдин Марджани (1818–1889) – мусульманский просветитель, богослов, философ и историк. Его просветительские идеи включают в себя мысли о необходимости получения мусульманами светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого от античной и арабской мысли, а также настоящего от русской и западноевропейской культур. Заложил основы реформы преподавания в медресе для доступа мусульман к передовым достижениям мировой культуры и науки.

[50] Юзеев А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков: эволюция, основные направления и представители: дис. ... доктора философских наук: 09.00.03. М., 1998. С. 95.

просветителей могли оказывать влияние на российских мусульман в деле реформирования системы исламского образования. Но в дальнейшем с появлением крупных центров джадидизма (Уфа, Казань, Троицк, Иж-Буби, Оренбург) отечественные мусульманские педагоги и просветители смогли развить предшествующий опыт османских и египетских реформаторов посредством разработки новых идей и открытия новометодных школ. Впоследствии российские джадиды смогли занять ведущие позиции в распространении идей, связанных с новометодным образованием.

В историографии имеются работы, которые исследуют вопрос о механизмах передачи реформаторских идей. Это отдельная тема, которая представляет интерес для диссертанта, но пока не изучалась комплексно через оптику «мягкой силы». Например, Д. С. Брилева[51], М. Н. Фархшатов[52], А. З. Кулбахтина[53], Р. Ф. Курмакаев [54] , Р. М. Зябиров [55] , А. Т. Сибгатуллина [56] выявили целый пул мусульманских газет, циркулировавших в разных регионах Российской империи: газеты «Вакыт» («Время»), «ад-Дин ва аль-адаб» («Религия и нравственность»), «Шура» («Совет»), «Мектеб» («Школа»), «Мугаллим» («Учитель»), «Турмуш» («Жизнь»), «Юлдуз» («Звезда»), «Дин ва магишат» («Религия и жизнь»), в которых рассматривались вопросы воспитания подрастающего поколения. Обращалось внимание авторами на некоторые джадидские газеты и журналы, публиковавшиеся в Крыму и имевшие хождение в Волго-Уральском регионе: особенно «Тарджиман» («Переводчик»). Исследователи, изучившие эти журналы

---

[51] Брилева Д. С. Концепция «нового мусульманина» между двумя революциями (по материалам журнала «Шура», 1908–1917) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 417–433.

[52] Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1994. 144 с.

[53] Кулбахтина А. З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX веков. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. 149 с.

[54] Курмакаев Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала: 1888–1917: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Челябинск, 2004. 208 с.

[55] Зябиров Р. М. Интеллектуальные поиски путей развития татарского общества конца XIX – начала XX в. в контексте проблемы «Восток – Запад»: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Казань, 2014. 171 с.

[56] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.

и газеты, смогли выделить ряд дискуссионных идей о реформировании исламского образования. Например, о наличии мыслей на ориентацию обучения желающих студентов за рубежом, а также позитивное отношение при обращении к иностранному опыту в области образования, в особенности к наработкам, имеющимся в Османской империи[57].

Подчеркивалась роль печатных СМИ – газет, журналов, учебников – в распространении идей джадидизма в связи с ускорением культурной модернизации. Например, в работах некоторых авторов было показано, как технический прогресс способствовал реформистским программам и формированию идентичности[58].

В опубликованных работах освещались и другие механизмы коммуникации: обучение мусульман Волго-Уральского региона в Османской империи[59], встречи светских и духовных интеллектуалов[60], хадж[61] и путешествия[62], наличие суфийских сетей[63]. Конкретные механизмы взаимодействия мусульман Российской империи с единоверцами из Османской империи рассматривает А. Т. Сибгатуллина[64]. В частности, исследователь отмечает хадж[65] и путешествия[66],

---

[57] Брилева Д. С. Концепция «нового мусульманина» между двумя революциями (по материалам журнала «Шура», 1908–1917). С. 433.

[58] Amurtayeva K. The Impact of Jadidism as an Enlightenment Movement to the Status and Role of Women in Society in late 19th and early 20th centuries // Proceedings of the XIX International Scientific Conference of Students and Young Scholars «ǴYLYM JÁNE BILIM – 2024» (Astana, April 12, 2024). Astana: L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2024. P. 2750–2754.

[59] Фахреддин Р. Кутуб ситта и их составители. М.: Собрание, 2023. С. 61.

[60] Курмакаев Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала: 1888–1917: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Челябинск, 2004. С. 105; Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 106.

[61] Нуриманов И. А. Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2019. № 2. С. 80.

[62] Гатин А. А. Фатих Карими: педагогическая и общественно-политическая деятельность: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина]. Казань, 2008. С. 32.

[63] История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / под ред. Л. И. Алмазовой, Г. Г. Идиятуллиной, А. Г. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. С. 201; Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 98.

[64] Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.

обучение российских мусульман в Османской империи[67], суфийские сети[68], периодическую печать[69].

Методология названных исследователей во многом совпадает: они опирались на системный анализ и принципы историзма и объективности[70]. За редким исключением: некоторые авторы прибегали к более сложной методологии. В частности, Д. С. Брилева обращалась в своей работе к цивилизационному[71] и антропологическому[72] подходам, а также к концепции А. Тойнби «вызов – ответ»[73].

Названные труды раскрывают некоторые механизмы передачи идей реформирования системы религиозного образования акторами трансфера. У зарубежных авторов детальнее изучен вопрос об акторах трансфера из Османской империи. Там также отмечается важность периодической печати, которая служила важным источником по передаче идей реформирования исламского образования. Даниэль Росс обратила внимание на то, что в середине XIX в. газеты из Османской империи имели хождение в мусульманских регионах России[74]. Их привозили казанские книготорговцы, регулярно посещавшие Стамбул с целью последующей продажи новейшей литературы на турецком и арабском языках[75]. В казанское Апанаевское медресе также поступали публикации османских

---

[65] Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 8.
[66] Там же. С. 84.
[67] Там же. С. 9, 100.
[68] Там же. С. 98.
[69] Там же. С. 142.
[70] Биктемирова Э. И. Указ. соч. С. 10; Зябиров Р. М. Интеллектуальные поиски путей развития татарского общества конца XIX – начала XX в. в контексте проблемы «Восток – Запад». С. 16; Хисамутдинова Л. С. Общественно-политические взгляды татарского просветителя Галимджана Баруди: дис. ... кандидата исторических наук: 23.00.01. Казань, 2004. С. 23 и др.
[71] Брилева Д. С. Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века: на материалах журнала «Шура» 1908–1917: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 / [Место защиты: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан]. Казань, 2012. С. 21.
[72] Там же. С. 22.
[73] Там же.
[74] Ross D. Tatar Empire: Kazan’s Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 142.
[75] Ibid. P. 156.

эмигрантов из Парижа и Каира[76]. Среди таких османских газет и журналов могли быть «Тюрк Юрду» («Тюркская Родина»), «Сырат уль-мустаким» («Истинный путь»), «Ислам меджмуасы» («Исламский журнал») и др.

В результате исследователи, погружаясь в обновленческую тематику мусульманской образовательной сферы, доказывали значимую роль печатных СМИ в распространении джадидских идей, подчеркивали важность коммуникационных технологий и межрегиональных интеллектуальных обменов в формировании исламских реформаторских дискурсов[77]. Однако имеющиеся публикации крайне неравномерно освещают подобные новации в разных частях Российской империи, затрудняя анализ межрегиональных интеллектуальных сетей[78].

Еще менее проработанной представляется тематика межгосударственного, российско-турецкого, взаимодействия в этой области[79]. Транснациональный поток идей между русскими, османскими и мусульманскими реформаторами, динамика культурного трансфера и сложные взаимодействия, формирующие

---

[76] Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 156.

[77] Французский историк, исламовед Стефан Дюдуаньон в 1996 г. защитил диссертацию «Учения о модерности в центральноазиатском исламе. Реформа образовательных институтов в области этики, теологии и юриспруденции в татарском мире и Трансоксании, с «первого возрождения» до советизации (1767–1937)» в Университете Новая Сорбонна (Париж III), специализирующемся на исследованиях культуры. Огромная по объёму работа составила 2 тома и включала в себя обзор различных реформистских движений в Поволжье и Центральной Азии – см. Ихсанов А. Р. Дюдуаньон Стефан [Электронный ресурс]. URL: znanierussia.ru/articles/Большая_российская_энциклопедия (дата обращения: 03.02.2026).

[78] Наврузов А. Р. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. // Orientalistica. 2024. № 7 (4-5). С. 743–757; Sibgatullina G. When the Other Speaks: Ismāʿīl Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation // Journal of The Economic and Social History of The Orient. 2022. Vol. 65, No. 1–2. P. 214–247.

[79] Исключения составляют работы А. Сибгатуллиной. Сибгатуллина А. Т. В гостях у султана: Стамбул как часть паломнического маршрута из России. Ислам в современном мире. 2024. № 20(2). С. 87–97; Ее же. Человек на минбаре. Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.) = Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.). М.: Садра, 2018. 271 с.; Ее же. Суфизм в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX – начале XX в. // История татар с древнейших времен в 7 томах. Т. VI. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013; Ее же. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.

джадидский дискурс, еще предстоит, на наш взгляд, разрабатывать применительно к образовательным процессам.

Выделим группу исследователей, дающих материал о наиболее значимых акторах в деле распространения идей реформирования религиозного образования. Имеется обширная историография о российских и турецких действующих лицах, среди которых исследователи называют следующие имена: Ш. Марджани[80], Х. Фаизханов[81], А. Баязитов[82], Р. Фахретдин[83], М. Бигиев[84], Х. Габаши[85], З. Расулев[86], Г. Баруди[87], И. Гаспринский[88], Дж. Валиди[89],

---

[80] Шагавиев Д. А. Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / [Место защиты: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан]. Казань, 2010. 187 с.; Башаран В. И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1, № 4. С. 116–122.

[81] Фаизханов Х. Высшее медресе / под общей ред. Д. В. Мухетдинова. М.: Медина, 2023. С. 23; Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В., Сенюткина О. Н. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. Н. Новгород: Махинур, 2006. 96 с.

[82] Гафаров А. А., Набиев Р. А. Модернистский дискурс в трудах А. Баязитова (80–90-е годы XIX века) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 3. С. 86.

[83] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 107; Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX в.). Казань, 2014. С. 402; Амирханов Р. У. Ризаэддин Фахреддин как историк // Ризаэддин Фахреддин: наследие и современность: материалы научной конференции. Казань, 16 ноября 1999 года. Казань: Изд-во Ин-та истории, 2003. С. 32–54.

[84] Хайрутдинов А. Г. Социально-философские аспекты татарского мусульманского религиозного реформаторства: На материалах творческого наследия Мусы Джаруллаха Бигиева: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Казань, 2004. С. 13; Бигиев М. Концепция исламского научного университета / под общ. ред. Д. В. Фролова, Д. В. Мухетдинова; пер. с араб., введ. и коммент. И. А. Зарипова. М.: Медина, 2024. 68 с.

[85] Тухватуллин А. Х. К проблеме вклада Х.-Г. Габаши (1863–1936) в модернизацию духовной культуры татарского народа в конце XIX – начале XX века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. Т. 38, № 3-4. С. 76; Марданова Д. З. Русский язык в рукописи Хасан-Гата Габаши «Нур ал-хакика» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 1. С. 152–163.

[86] Гимазова Р., Сафиуллина Р. Сочинение Зайнуллы Расулева «Ученые Троицка и новый метод» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. № 3/4. С. 214; Хамидов Е. Н. Новаторство Зайнуллы Расулева в педагогической деятельности // Minbar. Islamic Studies. 2012. Т. 5, № 1. С. 8–10; Зайнуллина Д. Р. Реформаторская деятельность Зайнуллы Расулева в просвещении // Материалы Республиканской научно-практической конференции (г. Уфа, 11 декабря 2018 г.) / сост.: Д. М. Абдрахманов, З. С. Зинурова, К. Х. Шахметова. Уфа: Мир печати, 2018. С. 27; Algar H. Shaykh Zaynulla Rasulev: The Last Great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Urals Region // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham and London: Duke University Press, 1992. P. 112–133.

Ф. Карими[90], Г. Исхаки[91], Ф. Амирхан[92], Г. Тукай[93], Х. С. Шибай[94]), так и представителей Османской империи (А. Гюмюшханеви[95], Муса Казым Эфенди[96], С. Сабит[97], А. Мидхат[98], М. Дж. Нури Илери[99]).

---

[87] Биктемирова Э. И. Педагогические воззрения и деятельность Галимджана Баруди: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. Казань, 2002. С. 146; Мухаметшин А. Г. Просветительская и педагогическая деятельность Галимджана Баруди (Галиев Галимджан) (1857–1921) // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11, № 2. С. 131–135; Самигулин М. Г. Баруди и медресе «Мухаммадия» // Minbar. Islamic Studies. 2017. Т. 10, № 2. С. 69–74; Гимадеев Р. Р. Педагогическая деятельность Галимджана Баруди в контексте формирования российской мусульманской богословской мысли // Исламоведение и исламская теология в современной системе образования: проблемы и перспективы. Болгар: Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», 2022. С. 300–307.

[88] Муртазина Л. Р. «Единство языка, мысли и действий»: Вклад Исмаила Гаспринского в развитие просвещения мусульманских народов // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15, № 3. С. 638; Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 108.

[89] Миркасыйм Госманов: тарихи-биографик, фәнни-документаль җыентык. Казан: Җыен, 2014. Б. 342–272.

[90] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 108.

[91] Мухаметдинов Р. Ф. Татары в общественно-политическом движении Османской империи // Тюркологические исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 13; Сайфулина Ф. С. Татарско-турецкие культурные и научные взаимосвязи: история и современность // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 2 (36). С. 322.

[92] Закирова Л. Р. Художественные детали в «Современных рассказах» Фатиха Амирхана (1886–1926) // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13, № 1. С. 137–142.

[93] Маликов Р. Ш., Галиакберова А. А. Педагогическая деятельность просветителя конца XIX – начала XX в. Габдуллы Тукая и борьба за обновление образования // Педагогика и просвещение. 2022. № 2. С. 67.

[94] Гильмутдинов Д. Р. Российские муллы в Османской империи (1685–1924 гг.) по данным татарских историко-биографических энциклопедий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 730.

[95] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 98; Азаматов Р. И. Краткая биография духовного наставника башкирского суфийского шейха Зайнуллы ишана Расулева (1833–1917) Ахмада Зияуддина Гюмюшханеви (1813–1893) // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев: материалы Международной научной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 23; Зайцев И. В. Суфизм без границ. М.: Восточная литература, 2020. С. 14.

[96] Насыров И. Р. Хильми Зия Улькен о мусульманском реформаторе Мусе Бигиеве // Ислам в современном мире. 2022. Т. 18, № 3. С. 61.

[97] Муртазина Л. Р. «Единство языка, мысли и действий»: Вклад Исмаила Гаспринского в развитие просвещения мусульманских народов. С. 638.

[98] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 106; Зябиров Р. М. Интеллектуальные

Д. Р. Гильмутдинов, изучая проблему модернизации в Османской империи, назвал писателя Ахмеда Мидхата-пашу одним из отцов европеизма и модернизма в Османской империи, являвшегося учителем татарских имамов. Локомотивом движения мухаджиров из числа татар в Османскую империю Д. Р. Гильмутдинов отнес мударриса Апанаевской мечети Мухаммадкарима бин Мухаммадрахима бин Гаида (1805–1865), который стал мюридом шейха Ахмеда Зияутдина[100] ал-Гюмюшханеви[101]. Одним из его учеников был Атаулла бин Мухаммад бин Файзулла бин Абдулла бин Юсуф бин Уразмет бин Шамша бин Шауша бин Юсуф ал-Курсави (1819–1894)[102]. Из числа же имамов, связавших свою жизнь с Османской империей начала XX в., Д. Р. Гильмутдинов отметил богослова-просветителя Симбирской губернии Халима Сабита Шибая и Абдуррашида бин Умара Ибрагима (1857–1944)[103], известного также как Абдурашид Ибрагимов – одного из приближенных к младотуркам, который был редактором газет «Взаимное познание мусульман» и «Мир ислама»[104]. Другие исследователи также отметили, что на рубеже XIX–XX вв. были зафиксированы случаи переселения мусульман (мухаджирство) из Самарской, Казанской и Уфимской губерний в различные области Османской империи[105].

поиски путей развития татарского общества конца XIX – начала XX в. в контексте проблемы «Восток – Запад»: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Казань, 2014. С. 97.

[99] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 8.

[100] Ахмад Зияуддин ибн Мустафа Гюмюшханеви (1813–1893) – известный суфий ордена Накшбандия.

[101] Гильмутдинов Д. Р. Российские муллы в Османской империи (1685–1924 гг.) по данным татарских историко-биографических энциклопедий. С. 724.

[102] Там же. С. 725.

[103] Абдуррашид Ибрагимов (1857–1944) – мусульманский религиозный деятель, проповедник, имам, кади и публицист. Член партии «Иттифак аль-Муслимин» (Союз мусульман). А. Ибрагимов был приближен к младотуркам, являлся редактором газет «Взаимное познание мусульман» и «Мир ислама». См. подробнее: Гильмутдинов Д. Р. Российские муллы в Османской империи (1685–1924 гг.) по данным татарских историко-биографических энциклопедий. С. 730.

[104] Там же.

[105] Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. Самара: Офорт, 2013. С. 195; Гумеров М. М. Трансфер идей о реформировании исламского образования в Волго-Уральском регионе в Российской и Османской империях во второй половине XIX – начале XX в.: историографический обзор // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 2 (56). С. 67.

Важную роль в развитии культурных контактов татар и турок сыграл Ш. Марджани. Важную заслугу Ш. Марджани в изменении сознания мусульман в деле реформирования системы исламского образования Д. М. Исхаков увидел в том, что богослов выступал за изъятие из медресе старых книг схоластического содержания, предложил вести преподавание светских наук и русского языка[106].

В. И. Башаран отметила, что во время поездки в Стамбул в 1880 г. Ш. Марджани виделся с министром иностранных дел Османской империи Асымом Мехмедом Пашой (1840–1886), который задавал вопросы о российских мусульманах и образовательной системе страны[107]. Анализируя труды Г. Камала и Ф. Карими, в своей работе российский исследователь отметил, что с конца XIX в. школы и университеты в Османской империи предлагали как достойное религиозное образование, так и соответствующие своему времени светские знания. Надо понимать, что последнее суждение было актуально лишь до прихода к власти младотурок, которые были не согласны с этим утверждением и поручили Х. Шибаю подготовить новый проект реформы религиозного образования. Впоследствии татарская молодежь по возвращении на Родину вела занятия в мусульманских школах по турецким книгам и учебникам[108].

Однако эти работы не в полной мере позволяют выявить всех действующих лиц. Сильной стороной трудов указанных авторов является то, что они лучше изучили российских светских и духовных интеллектуалов. Турецкие агенты трансфера рассматривались в меньшей степени.

Благодаря работам зарубежных авторов мы смогли лучше исследовать деятельность таких зарубежных и некоторых российских акторов культурного трансфера, как Муса Казым Эфенди[109], Х.С. Шибай[110], С. Сабит[111].

---

[106] Исхаков Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Иман, 1997. С. 14.
[107] Башаран В. И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект. С. 117.
[108] Там же. С. 118.
[109] Koca F. Mûsâ Kâzım Efendi // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. 2020. C. 31. S. 114.
[110] Gökçek M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Şibay. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2008. P. 151;

Роль С. Сабита как реформатора исламского образования глубже анализируется, в отличие от российских, турецкими исследователями. В целом С. Сабита назвали первопроходцем в развитии современной педагогической науки в Турции[112]. Однако имеются и критические замечания в его адрес[113]. Так или иначе, С. Сабит сыграл важную роль в развитии джадидизма, идеи которого воспринял И. Гаспринский, способствовавший распространению идеи реформирования исламского образования на теоретическом и практическом уровнях, что позволило стать исламской общине России прогрессивнее [114] и прийти к лучшему будущему[115].

Идейное наследие Х. С. Шибая преимущественно изучалось зарубежными исследователями [116] . Подробный анализ проекта реформирования программы

Uyanık N. Halim Sabit (Şibay) ve Türk Milliyetçiliğndeki Yeri (1883–1946) // Türkler. C. 14. Ankara, 2002. S. 871.

[111] Yiğit Y. Selim Sabit'in Naĥv-i Oŝmānî Adli Eseri ve Türk Gramerciliğine Getirdiği Yenilikler: Yüksek Lisans Tezi. Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. 2015. S. 12; Öztürk Cemil. "Selim Sâbit Efendi" // DİA, Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları. İstanbul, 2009. Vol. 36. S. 429; Ata B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. Bahar 2009. № 7 (2). S. 380.

[112] Öztürk Cemil. "Selim Sâbit Efendi" // DİA, Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları. İstanbul, 2009. Vol. 36. S. 429.

[113] Так, например, некоторые турецкие исследователи отмечают, что современники С. Сабита рекомендовали использование классной доски, картин, школьных музеев, карт и рисунков, драмы и ролевых игр в историческом образовании, а концепция исторического образования турецкого педагога была ограничена биографиями султанов, чтением книг, вопросно-ответной формой работы (См. подробнее: Ata B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. Bahar 2009. № 7 (2). S. 377–392).

[114] Lazzerini E. J. Defining the Orient: A Nineteenth-Century Russo-Tatar Polemic over Identity and Cultural Representation // Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by Andreas Kappeler, et al. Durham: Duke University Press, 1994. P. 42.

[115] Lazzerini E. Rethinking the advent of jadidism // Казанское исламоведение/Kazan Islamic Review. 2015. T. 1. P. 144.

[116] Gökçek M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Şibay. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2008. P. 296; Çalkan M. Halim Sabit Şibay'ın İslâm Hukuku İle İlgili Görüşleri (Yüksek Lisans Tezi). Çorum: Hitit Üniversitesi, 2013. 261 s.; Nesrin Aktaran. II. Meşrutiyet Dönemi İslamcilik Akiminin Medrese Algisi (1908–1918). (Doktora Tezi). İstanbul, 2021. 345 s.; Uyanık N. Halim Sabit (Şibay) ve Türk Milliyetçiliğndeki Yeri (1883–1946) // Türkler. C. 14. Ankara, 2002. S. 870 и др.

обучения в исламских учебных заведениях Х. С. Шибая представлен в работах М. Гокчека и Э. Булута[117].

На наш взгляд, именно татарский богослов-просветитель Х. С. Шибай является одним из наиболее значимых акторов трансфера. Его в 1911 г. шейх-уль-ислам Османской империи Муса Казым Эфенди лично пригласил войти в состав комитета по реформе медресе[118].

В 1914–1918 гг. при финансовой поддержке партии «Единение и прогресс» Х. С. Шибай выпускал журнал «Ислам меджмуасы»[119], в котором печатались известные татарские и турецкие богословы, политики и общественные деятели – Р. Фахретдин, М. Бигиев, шейх-уль-ислам М. Кязым, З. Гекальп (1876–1924)[120] и др. Сам он активно публиковался в различных турецких журналах «Ислам меджмуасы», «Сират-ы мустакыйм», «Йени меджмуа» («Новый журнал»), «Тюрк йурду», газетах «Вакыт» («Время»), «Джумхурият» («Республика») и др. Есть сведения также о том, что он публиковался в журнале «Шура»[121], что также подтверждает тезис об активном межкультурном обмене.

Анализ отечественной и зарубежной историографии по вопросу реформирования исламского образования в Волго-Уральском регионе России (на материалах Самарской губернии) во второй половине XIX – начале XX в. привел нас к следующим выводам.

Изученная диссертантом историография убедительно показывает, что джадидизм способствовал согласованию местных исламских традиций и глобальных модернистских идей, в частности, посредством образовательных

---

[117] Bulut E. Sırât-ı Müstakîm ve Sebilürreşad Dergilerinde Yayımlanan Makaleler Bağlamında Son Dönem Osmanlı Medreseleri ve Islâh-ı Medâris Hakkındaki Düşünceler (Yüksek Lisans Tezi). Sakarya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2011. 152 s.

[118] Gökçek M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Şibay. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2008. P. 151.

[119] Birinci A., Çavdar T. Halim Sabit Şibay // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. 1997. C. 15. S. 337.

[120] Зия Гёкальп (1876–1924) – турецкий социолог, писатель, поэт и общественный деятель. Считается одним из главных идеологов современного турецкого национализма: его работы оказали значительное влияние на формирование турецкой национальной идентичности в период поздней Османской империи и ранней Турецкой Республики.

[121] Gökçek M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Şibay. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2008. P. 152.

реформ, что вело к распространению новых знаний и формированию российской мусульманской идентичности. (Это фиксировалось некоторыми исследователями[122].)

Противоречие между джадидизмом и консервативной исламской мыслью иногда изображалось в чрезмерно дихотомических терминах, при этом игнорировалась изменчивость и гибридность этих взаимодействий[123]. Тем не менее критические историографические дебаты показывают, что джадидизм нельзя свести к простой оппозиции традиционалистскому исламу; скорее, он представляет собой сложное социально-религиозное реформаторское движение, которое переосмысливает исламские доктрины через рационалистическую и гуманистическую призму, тем самым способствуя развитию представлений о религиозности и современной субъективности в мусульманском контексте[124].

Историки в России и за рубежом ввели в научный оборот ряд источников, которые отражают широкий спектр идей и мыслей джадидов, возможных для внедрения в образовательные процессы.

Исследователи отмечали, что основными способами передачи этих идей были: обучение мусульман Волго-Уральского региона в России и Османской империи, периодическая печать, практика хаджа, наличие суфийской сети, а также личные встречи светских и духовных интеллектуалов. Российские исследователи, акцентируя свое внимание на изучении периодики Волго-Урала о реформировании исламского образования, сфокусировались на работах отечественных джадидов, выделяя отдельные связи с представителями Османской империи. Турецкие авторы прежде всего обратились к османской периодике, но

---

[122] Amurtayeva K. The Impulses of Modern Jadidism and the Role of Printing [Electronic resource]. URL: https://bulletin-irr.ablaikhan.kz/index.php/j1/article/view/488/307 (accessed: 17.01.2026); Sadriddinovna S. S. The Role of the Jadids in Elevating the Spirituality of the People of Turkestan // Jurnal ISO: Jurnal Ilmu Sosial, Politik Dan Humaniora. 2024. Vol. 4(2).

[123] Lazzerini E. J. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. Oxford, 2023; Almazova L., Kemper M. A Requiem for "Jadidism"? Debates on Islamic Education in Contemporary Tatarstan // Journal of Central Asian History. 2024. Vol. 3(2). P. 199–231.

[124] Kemper M., Sibgatullina G. Liberal Islamic Theology in Conservative Russia: Taufik Ibragim's "Qurʾānic Humanism" // Die Welt Des Islams. 2021; Lazzerini E. J. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia. Oxford Research Encyclopedia of Asian History. Oxford, 2023.

при этом ключевое внимание уделяют тем личностям, которые публиковали свои статьи на родине. При этом зарубежные авторы часто подчеркивали публикационную активность российских джадидов (например, М. Бигиев, Р. Фахретдин), заметную по османской периодике. Иногда сами мыслители (например, Х. С. Шибай) персонифицировали культурные трансферы между Россией и Турцией.

Анализ российской и зарубежной историографии позволяет выявить основных акторов идей реформирования религиозного образования: богословы Волго-Урала: Х. Фаизханов, Ш. Марджани, А. Баязитов, Р. Фахретдин, М. Бигиев, Х. Габаши, З. Расулев, Г. Баруди, Х. С. Шибай и интеллигенция: И. Гаспринский, Дж. Валиди, Ф. Карими, Г. Исхаки, Ф. Амирхан, Г. Тукай, К. Насыри, а также Османской империи (духовенство): А. Гюмюшханеви, Муса Казым Эфенди и светские интеллектуалы: С. Сабит, А. Мидхат и М. Дж. Нури Илери. Среди вышеперечисленных лиц уроженцами Самарской губернии были Ризаэтдин Фахретдин и Фатих Карими. Активную роль в распространении обновленческих идей сыграли такие богословы, как Мухаммет-Фатых Муртазин, Шигабутдин Минюшев, Мухамметгариф Рахманкулов, Шакир Ибрагимов, Хамза Вахитов, Гакиль Ашмасов и представители интеллигенции – Хади Атласи, Мухамед-Сабир Хасанов[125].

Отметим, что исследований, посвященных процессу модернизации мусульманского образования конкретно в Самарской губернии и анализу обстоятельств и направленности адаптации мусульманских общин к социально-экономическим, политическим, культурным переменам в России второй половины XIX – начала XX в. в оптике концепции Ш. Эйзенштадта и подхода культурного трансфера, не имеется.

Таким образом, предмет исследования – трансформация религиозного образования мусульманских общин Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в контексте модернизационных процессов в Российской империи и

[125] Выбор и классификация авторов для анализа их трудов обоснован в следующем параграфе данной главы.

странах мусульманского мира – к настоящему времени исследован в незначительной степени.

1.2. Источниковая база

Для решения поставленных задач были изучены неопубликованные и опубликованные источники. Использованный массив материалов включает законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическую печать, учебные программы образовательных учреждений, труды мусульманских богословов, просветителей и общественных деятелей, материалы Всероссийских мусульманских съездов.

В первую очередь назовем источники, относящиеся к нормативно-правовым актам и официальным документам.

Нормативно-правовую базу исследования составили законодательные акты (в том числе «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. и правила о начальных училищах для инородцев, принятые в 1906, 1907 и 1913 гг. [126]), регулирующие положение иноверческих и мусульманских учебных заведений [127] , деятельность органов управления образованием и порядок контроля над конфессиональными школами [128] . Материалы сборника документов, составленного Д. Ю. Араповым [129] , также использованы при изучении правовой основы взаимодействия власти и мусульманских подданных. Сведения о правовом положении нерусских народов

---

[126] Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев: [утверждены 26 марта 1870 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1874. Т. 45, отд-ние 1. № 48185; Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. и 2 января 1907 г. Оренбург: Паровая типография т-ва печати Каримов, Хусаинов и К, 1907. 8 с.; Правила о начальных училищах для инородцев: [утверждены министром народного просвещения 14 июня 1913 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1913. Новая серия. Ч. 47, № 9 (сентябрь). Отд. 1 (Правительственные распоряжения). 7 с.

[127] Полное собрание законов Российской империи. 2 собр. (ПСЗ- II). Т. 49. Отд. 2, № 54087.

[128] Полное собрание законов Российской империи. 3 собр. (ПСЗ- III). Т. 8. Отд. 2, № 5390–5395.

[129] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.

содержатся в сборнике «Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях» и др.[130]

Особое значение для анализа имперской образовательной политики имеет постановление «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», опубликованное в «Сборнике постановлений Министерства народного просвещения». Данный источник отражает официальные подходы Министерства народного просвещения к организации обучения нерусского населения империи, в том числе в вопросах соотношения общеобразовательных задач, языковой политики и административного контроля[131]. Для настоящего исследования этот документ важен как нормативный контекст, позволяющий проследить, в каких рамках формировалась государственная политика по отношению к мусульманским учебным заведениям и образовательным инициативам в регионах Российской империи.

Кроме законодательных актов были рассмотрены материалы делопроизводственной документации. Так, например, полезным в рамках данного исследования оказался фонд 360 (Дирекция народных училищ Самарской губернии), где имеются циркуляры, распоряжения, приказы, директивы Министерства народного просвещения, Казанского учебного округа (которому были подотчетны учебные заведения Самарской губернии), дирекции училищ, отчеты и статистические данные о начальных и городских училищах по уездам[132]. В фонде хранятся протоколы заседаний педагогических советов училищ, приходо-расходные книги и сметы, журналы бухгалтерии, переписка дирекции с Казанским учебным округом, штатными смотрителями училищ, Самарским губернатором, городской думой об увольнении, перемещении и приеме учителей, утверждении педагогических советов, открытии педагогических курсов, двухклассных училищ, женских пансионов, переписка учителей с дирекцией о

---

[130] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях / сост., автор вступ. статей и примечаний Ф. Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. 568 с.

[131] О мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Сборник постановлений Министерства народного просвещения: в 17 т. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. Т. IV. Стб. 1556–1557.

[132] ЦГАСО. Ф. 360 (Дирекция народных училищ Самарской губернии, 1851–1917). Оп. 42. Д. 57.

принятии на работу, ведомости о числе преподавателей и учащихся в училищах; об успеваемости, способностях и поведении учеников; на выдачу зарплаты. Есть также материалы об открытии новых и преобразовании существующих училищ, о смотрах и ревизиях, о награждении чиновников и преподавателей; об испытаниях учителей и частных лиц на звание домашних учителей, учителей приходских, сельских и начальных народных училищ; о поведении учителей, об освобождении бедных учеников от оплаты за обучение, открытии частных учебных заведений, о пожертвованиях, списки преподавателей и формулярные списки.

В фонде отложились: рапорты о состоянии уездных училищ за 1848–1849 гг.; переписка с Дирекцией училищ Симбирской губернии и Казанским учебным округом за 1848–1850 гг.; документы по личному составу за 1848–1850 гг.; ведомости об успеваемости, способностях и поведении учеников за 1848–1850 гг.; приходо-расходные ведомости Ставропольского и Самарского уездных училищ за 1848–1849 гг.

Имена руководителей приходов и учителей мектебе и медресе можно выявлять в документах, раскрывающих в общем положение дел в приходах, а также извлекать из «клятвенных обещаний» отдельных персон о верной службе государству[133].

Данные сведения позволяют определить влияние политики центральных и региональных властей на изменения в мусульманских школах и охарактеризовать административный контроль за ними. Особенно полезными являются отчёты дирекции народных училищ, в которых имеются сведения относительно испытаний учителей мусульманской веры на знание русского языка в Самарской губернии[134].

Значительный комплекс делопроизводственных документов, характеризующих стремление реформировать учебные программы мусульман посредством добавления светских дисциплин, динамику развития новометодного образования, распространения джадидской периодики, противостояния

[133] Клятвенное обещание учеников магометанских школ // ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 46. Д. 3.
[134] ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 42. Д. 57. Л. 3.

сторонников нового и традиционного методов, сведения об основных агентах трансфера, контактах джадидов внутри Российской империи, а также с Османской империей, хранится в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО)[135].

Аспект имперской региональной политики в отношении мусульман можно раскрыть на основании изучения местных делопроизводственных материалов разной видовой принадлежности. В частности, интересны документы ЦГАСО (фонд 5. Самарская губернская земская управа), содержащие ведомости о национальном составе учащихся начальных народных училищ за 1871, 1880, 1890, 1900 гг. Эти документы дают, в частности, основу поразмышлять о развитии обучения мусульман не только теологии, но и светским дисциплинам. Отчёты земств о развитии народного образования, ведомости о числе и состоянии училищ, переписка об открытии народных библиотек позволяют определить влияние земских структур на условия функционирования мусульманских школ. Образовательные процессы находят частичное отражение в Журналах Земских собраний [136] . В них можно обнаружить высказывания гласных-мусульман,

---

[135] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618; Оп. 2. Д. 114; О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 625.

[136] Журналы 2-й очередной сессии Самарского губернского земского собрания 12–23 декабря 1866 г. Самара: Земская тип-я, 1867; Журналы 5-й очередной сессии Самарского губернского земского собрания за сентябрь 1869 г. Самара: Земская тип-я, 1869; Журналы 6-й очередной сессии Самарского губернского земского собрания. Самара: Земская тип-я, 1870; Журналы экстренного Самарского губернского земского собрания 1879 г. Самара: Земская тип-я, 1879; Журналы XV очередного Самарского губернского земского собрания 1879 г. Самара: Земская тип-я, 1880; Журналы чрезвычайного Самарского губернского земского собрания 1880 г. Самара: Земская тип-я, 1880; Журналы XVI очередного Самарского губернского земского собрания 1880 г. Самара: Земская тип-я, 1881; Журналы XVII очередного Самарского губернского земского собрания 1881 г. Самара: Земская тип-я, 1882; Журналы экстренного Самарского уездного земского собрания 23 октября 1881 г. Самара: Земская тип-я, 1882; Журналы XVIII очередного Самарского губернского земского собрания 1882 г. Самара: Земская тип-я, 1883; Журналы 19 очередного и двух экстренных уездных земских собраний с приложениями за 1883 г. Самара: Земская тип-я, 1883; Журналы Самарского губернского земского собрания XXIII очередной сессии за сентябрь 1887 г. Самара: Земская тип-я, 1887; Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 1 июня 1888 г. Самара: Земская тип-я, 1888; Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 11 октября 1888 г. Самара: Земская тип-я, 1889; Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 15 сентября 1891 г. Самара: Земская тип-я, 1891 и др.

отстаивающих интересы своих единоверцев, определить степень их активности в обсуждении социальных проблем, установить численность и персонифицировать их по конфессиональному признаку и т. д.

Отложившиеся в фондах Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) единицы хранения дают возможность исследовать положение губернии в оптике жизни всей страны в целом, а также с учётом государственно-конфессиональных взаимодействий. Так, материалы фонда «Канцелярии Самарского губернатора» (1851–1917)[137] показывают, как местная власть решала задачи социально-экономического и правового положения мусульман, задачи реализации образовательной политики. Сведения о хозяйственной деятельности сельских обществ мусульман (экономические условия влияли на возможности образовательной деятельности), о содействии земских учреждений мусульманам в сфере образования (как по губернии, так и по уездам) и другие документы отложились в фонде Самарской губернской земской управы[138].

Особое место среди источников занимают материалы фонда Самарского губернского жандармского управления (1867–1917)[139]. Именно документы о политической (не)благонадежности подданных (рядовых мусульман и их мулл), тщательно проанализированные властью, говорят о ситуации внутри мусульманских приходов губернии и деятельности их учителей-мугаллимов, их внутрироссийских и международных контактах, образовательных и общественно-политических взаимодействиях внутри губернии и за ее пределами. Они необходимы для изучения взаимоотношений сторонников образовательных новшеств с консервативным духовенством и губернскими органами власти. Фонд богат на описания джадидских журналов и литературы, переводимой имперскими цензорами МВД. Однако выносимые оценки и характеристики, содержащиеся в материалах этого фонда, нуждаются в критическом анализе, тщательном сопоставлении с «голосами» самих мусульман.

---

[137] ЦГАСО. Фонд 3. Канцелярия Самарского губернатора (1851–1917).
[138] ЦГАСО. Ф. 5. Самарская губернская земская управа.
[139] ЦГАСО. Ф. 468. Самарское губернское жандармское управление.

Из материалов фонда мы узнаем о сложных взаимоотношениях мулл и мугаллимов с властью, как высшей, имперской, так и губернской. В частности, получаем информацию об этом из дел, заведенных по поводу политической благонадежности азанчи деревни Каратая Бугульминского уезда Закира Каримова Тоикина и муллы деревни Карабаш Галима Габдулганиева, якобы совершавших денежные сборы на поддержку турецкого флота [140] ; по исследованию политической благонадежности муллы деревни Нового-Тириса Сарайгирской волости Бугурусланского уезда Мухамед-Гирея Барангулова[141], по обвинению муллы деревни Кудашевой Микулинской волости Бугульминского уезда Хариса Фархутдинова [142] , муллы второй мечети деревни Лашманкиной Верхне-Кармальской волости Бугульминского уезда Фатыха Бильданова[143] и др.

Массив важных источников сосредоточен в фонде 3 ЦГАСО (Канцелярия Самарского губернатора). В данном фонде хранятся императорские Манифесты, Указы Сената, предписания, распоряжения и циркуляры Министерства внутренних дел, департамента полиции, Министерства государственных имуществ, Самарского губернатора, приказы Самарской городской полиции, отчеты губернатора о состоянии губернии (1851–1917), которые позволяют определить правовые отношения между государством и мусульманскими общинами при решении вопросов, связанных с исламским образованием. Здесь имеются материалы об учреждении благотворительных обществ, в частности переписка с Самарским губернатором об учреждении Бузулукского мусульманского благотворительного общества, об учреждении Байраковского общества мусульман. Особенно ценным для нашего исследования оказалось дело

---

[140]Дело по исследованию политической благонадежности азанчи дер. Каратая Бугульминского уезда Закира Каримова Тоикина и муллы д. Карабаш Галима Габдулганиева // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1511. Л. 7–7об., 13, 32–32об. В этом же контексте интересно дело того же фонда под номером 1508.

[141] Дело по исследованию политической благонадежности муллы д. Нового-Тириса Сарайгирской волости Бугурусланского уезда Мухамед-Гирея Барангулова // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2271. Л. 40.

[142] Дело по обвинению муллы д. Кудашевой Микулинской волости Бугульминского уезда Хариса Фархутдинова // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1508. Л. 3, 31. 1911 г.

[143] Дело по обвинению муллы второй мечети д. Лашманкиной Верхне-Кармальской волости Бугульминского уезда Фатыха Бильданова // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1766. Л. 2, 33. 1913 г.

«О прошении бугурусланского ахуна Гарыфа Хумутдинова Рахманкулова об открытии при бугурусланской татарской медресе читальни»[144].

Статистические материалы представлены прежде всего материалами фонда 171 «Самарский губернский статистический комитет» (1860–1917 гг.). Из них диссертант почерпнул сведения о количестве мусульман в Самарской губернии в начале XX в.[145], о руководителях приходов[146]. Эти и другие цифровые данные[147] диссертант подвергал проверке на достоверность, сопоставляя со статистическим материалом из опубликованных источников, составляемых специалистами в разные годы[148].

Исторически сложилось так, что до начала XX в. мусульманский облик Самарской губернии определяли татары, башкиры, в меньшей степени тептяри и «мещеряки». По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., численность татар составляла 165 191 человек, башкир – 57 242, тептярей – 47 684, «мещерцев» – 6 580 [149] . Сопоставление данных переписи по вероисповеданию и родному языку показывает, что мусульманская умма Самарской губернии была преимущественно тюркоязычной, но не сводилась механически к одной этнической группе. В целом по губернии было зафиксировано 288 655 «магометан», а численность турецко-татарской языковой

---

[144] По прошению бугурусланского ахуна Гарыфа Хумутдинова Рахманкулова об открытии при бугурусланской татарской медресе читальни // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1979.

[145] О сообщении сведений о числе магометан в Самарской губернии. 1908 // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 288. Л. 2–3, 5.

[146] Там же. Л. 37, 38, 69, 73, 77, 110, 111.

[147] ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1, Д. 288, 292, 404, 741; Приложение 8; Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 107.

[148] Адрес-календарь на 1872 год. Самара: Губ. тип-я, 1871; Адрес-календарь и памятная книжка на 1874 год. Самара: Губ. тип-я, 1873 год; Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1888 год. Самара: Губ. тип-я, 1887; Адрес-календарь Самарской губернии на 1893 год. Самара: Губ. тип., 1892; Адрес-календарь на 1891 год и памятная книжка Самарской губернии. Самара: тип. И.П. Новикова, 1890. Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. Самара: Губ. тип., 1911. Сборник статистических сведений по Самарской губернии / под ред. И. М. Красноперова. В 8 т. М., 1883–1892; Статистические таблицы Самарской губернии. Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. Отдел I. Самара: Тип. Вульфа, 1869.

[149] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI: Самарская губерния. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1904. С. 61.

группы составляла 375 474 человека[150]. При этом 71 576 мусульман были отнесены переписью к грамотным, что позволяет говорить о наличии внутри уммы достаточно заметной группы потенциальных читателей и посредников в распространении печатных реформаторских идей. Материалы указанной переписи 1897 года дают возможность изучить грамотность мусульманского населения в уездных городах Самарской губернии конца XIX века[151]. Особую ценность для настоящего исследования имеют таблицы XIV и XV указанного издания[152]. Таблица XIV позволяет соотнести вероисповедание и родной язык населения, а также выявить число грамотных среди мусульман («магометан») Самарской губернии: 38 348 мужчин и 33 228 женщин. Таблица XV дает возможность уточнить языковой характер грамотности: среди турецко-татарской языковой группы губернии грамотных «на других языках» насчитывалось 35 212 мужчин и 32 812 женщин, что позволяет оценивать не только русскоязычную, но и татароязычную / арабографическую читательскую среду. Эти данные важны для анализа каналов распространения печати, учебной литературы и реформаторских идей в мусульманских общинах губернии.

Важным источником по истории мусульманских общин являются статистические материалы ЦГАСО. В фонде 171 (Самарский губернский статистический комитет) циркуляры, инструкции, распоряжения, приказы Министерства внутренних дел, Центрального статистического комитета, Самарского губернатора, отчеты статистического комитета, ведомости о расходах и доходах, статистические сведения о численности населения губернии и количестве зданий в городах губернии, о количестве учебных заведений и

---

[150] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI: Самарская губерния. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1904. С. 63.

[151] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб.: Изд. Центр. стат. комитета, 1904. С. 96–103. См. также анализ демографических тенденций тюркского населения губернии в работе: Ведерникова Т. И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии в XVIII–XIX вв. // Проблемы истории СССР. Вып. 12. М.,1982. С. 87–95.

[152] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI: Самарская губерния. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1904. С. 63, 81.

учащихся, которые позволяют сравнивать с данными из других источников. Из документов мы узнаем о числе мусульманских учебных заведений в губернии (например, в 1908 году школ – 42, учащихся – 2 738[153]), о количестве учащихся в них[154], о том, на чьи средства содержались мектебе, медресе, муллы и учащиеся, а также сколько средств расходовалось на их содержание[155] и т. д.

При написании текста диссертации источниками явились труды тех мыслителей, которые размышляли о вопросах образования и особенно включения в образовательный процесс светских дисциплин. В свою очередь, эту группу источников можно разделить на четыре подгруппы[156], соответствующие логике написания нашего исследования:

– труды отечественных богословов Волго-Уральского региона;

– произведения светской тюркской интеллигенции Российской империи;

– работы турецких богословов;

– сочинения светских интеллектуалов Османской империи.

Сначала назовем те работы, которые вышли из-под пера отечественных богословов.

Известный востоковед и просветитель Х. Фаизханов[157] стал автором проекта реформы медресе, написанного в 1861–1863 гг.[158] Данный проект представляет собой систематизированный взгляд известного богослова относительно улучшения системы образования в медресе. Для нас представляются интересными

---

[153] Ведомость о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 404.

[154] Там же. Д. 292.

[155] Там же. Д. 741. Л. 1, 2.

[156] Выбор данных персон диссертантом для анализа их трудов обоснован следующими причинами. Практически все обозначенные выше представители духовных и светских интеллектуалов Российской и Османской империй находились в тесной взаимосвязи друг с другом: в ходе обучения, путешествий, хаджа, проведения общественно-политических мероприятий и др. Они были активны в деле написания теоретических работ и в практической деятельности. Представленные акторы культурного трансфера (в большинстве своем) оставили после себя письменное наследие. В настоящем исследовании эти тексты рассматриваются как письменные источники, играющие важную роль в распространении идей о «дозволенности» и необходимости изучения светских дисциплин.

[157] Хусаин Фаизханов (1823–1866) – татарский историк, востоковед-тюрколог, богослов, общественный деятель, педагог.

[158] Благодаря переводу И. Ф. Гимадеева, он стал доступен на русском языке: Фаизханов Х. Высшее медресе. С. 23.

взгляды Х. Фаизханова в отношении светских наук. В его проекте можно найти обоснование «дозволенности» и необходимости изучения естественных, точных и гуманитарных наук[159].

Эта проблема интересовала Ш. Марджани, который написал труд «Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф» («Верность предшественникам и приветствие потомкам», 1883)[160]. В нем автор доказывал «дозволенность» изучения некоторых светских дисциплин с опорой на положения Корана и хадисов. В другой работе[161] Ш. Марджани дал описание не только биографии Х. Фаизханова, но и его проекта по реформе медресе. Также Ш. Марджани привёл свои аргументы в пользу изучения некоторых светских дисциплин.

Особенно полезными в рамках нашего исследования были труды А. Баязитова, написанные на русском языке: «Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука» (1883), «Ислам и прогресс» (1898), «Отношение Ислама к науке и иноверцам» (1906), в которых автор дал свое видение возможности изучения светских наук мусульманами. Первоначально все эти работы были опубликованы в Санкт-Петербурге. Позже в 2007 г. упомянутые произведения А. Баязитова вошли в единый сборник, который стал доступен благодаря казанским исследователям[162].

Попыткой обоснования необходимости изучения светских наук занимался также известный религиозный деятель Р. Фахретдин (1859–1936)[163]. В первом томе своей книги «Асар» («Памятники», 1900–1904) автор упомянул наиболее

---

[159] Фаизханов Х. Реформа медресе / пер. со старотат. И. Ф. Гимадеева; под ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород: Медина, 2007. С. 20.

[160] Марджани Ш. Введение к библиографическому словарю «Верность предшественникам и приветствие потомкам» (Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф) / пер. на рус. яз. с араб. и прим. Р. А. Гиззатуллина и А. М. Салахова. Казань: Магариф-Вакыт, 2022. 360 с.

[161] Шигабутдин Марджани. «Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк». М.: Медина, 2023. 112 с.

[162] Баязитов Атаулла. Избранные труды / сост. А. Ш. Гафурова; отв. ред. И. Г. Хадиев. Казань: Милли китап, 2007. 193 с.

[163] Ризаитдин Фахретдин (1859–1936) – богослов, муфтий Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири (1922–1936), редактор журнала «Шура» («Совет»). Активно выступал за просвещение мусульман, реформирование образования, разрабатывал вопросы истории, культуры татарского народа, занимался широким кругом актуальных проблем российских мусульман.

важные светские дисциплины[164]. В своей знаменитой работе «Нәсихәттәр» («Наставления») автор обратил внимание на важность экономики как науки[165]. Эту же мысль отразил в своем труде Габдельгаллям Фаизханов[166], брат упомянутого ранее Хусаина Фаизханова.

Не менее интересными с точки зрения практического воплощения идей, которые были реализованы в медресе «Расулия», стали рассуждения известного ишана и основателя данного учебного заведения З. Расулева (1833–1917). Его взгляды по вопросу изучения светских дисциплин отражены в брошюре «Троицки голямасы вә ысулы жәдид» («Ученые Троицка и новый метод»[167], 1909).

Особую популярность на рубеже XIX–XX вв. завоевало медресе «Мухаммадия», основатель которого Г. Баруди[168] значительно расширил программу обучения в своем учебном заведении, во многом благодаря введению светских дисциплин. Некоторые свои взгляды, которые были полезны при написании данной диссертации, Г. Баруди изложил в своем дневнике «Хәтер дәфтәре» («Памятная книжка», 1920)[169].

Важную роль в развитии джадидизма сыграл исламский философ-богослов М. Бигиев[170], который в 1912 г. опубликовал в Казани книгу «Халык назарына

---

[164] Фахруддин Р. Асар. Казань: Типолитография Императорского университета, 1900. Т. 1. С. 31.

[165] Фәхретдинов Р. Нәсихәттәр / Автор-төзөүсеhe һәм тәржемәсеhe Әхәт Сәлихов. М.: Мир знаний, 2018. Б. 12.

[166] Габдельгаллям Фаизханов (1850–1910) – историк, филолог, переводчик, публицист. Один из основоположников татарской экономической мысли (Фаизханов Г.Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей). Н. Новгород: Махинур, 2006. 64 с.)

[167] Гимазова Р., Сафиуллина Р. Сочинение Зайнуллы Расулева «Ученые Троицка и новый метод». С. 214.

[168] Галимджан Баруди (1857–1921) – известный богослов, религиозный и общественный деятель, автор учебников для мусульманских учебных заведений, педагог, основатель медресе «Мухаммадия». Г. Баруди стремился утвердить мысль о важности светского образования. Являлся основателем и редактором журнала «Ад-Дин ва аль-адаб» («Религия и нравственность»), который был направлен на распространение идей джадидизма и светского образования.

[169] Баруди Г. М. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре). Казань: Иман, 2000. С. 147.

[170] Муса Бигиев (1875–1949) – известный исламский философ-богослов, автор многочисленных работ по различным проблемам развития мусульманского богословия, а также педагогики. Является автором трактата «Исламский научный университет» на арабском языке, напечатанном в 1946 году в Бомбее, который является обязательным чтением в современных мусульманских учебных заведениях.

берничэ мэсьэлэ» («Несколько вопросов вниманию народа», 1912), где имеется статья «Почему Запад прогрессировал, а мир Ислама пришел в упадок?»[171]. В книге автор изложил свое видение тех учебных занятий, которые необходимы для успешной жизнедеятельности.

Другой представитель новометодного образования Хасан-Гата Габаши[172] в своей книге «Муфассал тарих каум торки» («Всеобщая история тюркских народов», 1909) пытался популяризировать светские науки, упоминая об известных личностях среди тюркского мира, которые прославились в различных областях духовных и светских наук[173].

Еще одна группа трудов обращает внимание на то, что при возникновении и развитии джадидизма и в Казани, и в Дагестане была велика роль межрегиональных и межгосударственных контактов. Известно, что широкие сети татарских медресе имелись в Медине, в Турции, в странах Ближнего Востока, где проживали башкирские и татарские диаспоры. В воспоминаниях Абдельмаджида аль-Кадари (1881–1962) имеется материал о широких контактах татар в странах Ближнего Востока, о татарских диаспорах в различных регионах[174].

Источниковую базу проведенного исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные труды интеллектуалов Волго-Уральского региона Российской империи и Османской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Во вторую очередь рассмотрим труды тюркской интеллигенции Российской империи – российских мусульман тюркского происхождения.

---

[171] Хайрутдинов А. Г. Наследие Муса Джаруллаха Бигиева: сборник документов и материалов. Казань: Иман, 2000. Ч. II. С. 73.

[172] Хасан-Гата Габаши (1863–1936) – мусульманский богослов, тюрколог, религиозный и общественный деятель, преподавал в медресе «Мухаммадия» в Казани. В 1890 году стал имам-хатибом мечети деревни Малый Сулабаш Казанского уезда Казанской губернии. В 1895–1899 годах занимал пост кадия (судьи) ОМДС, а также преподавал в медресе «Галия» и «Усмания». Он рассматривается нами в данной работе как богослов ввиду того, что он занимал духовные посты и активно участвовал в религиозно-проповеднической деятельности.

[173] Габяши Х.-Г. М. Всеобщая история тюркских народов. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 223.

[174] Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri / Ed. by Alfrid Bustanov, Vener Usmanov. Paderborn: Brill | Schöningh, 2022. 448 p.

Свою точку зрения относительно просвещения, образования, науки высказывал Г. Тукай[175], который в своей статье «Милли хисләр» («Национальные чувства», 1906) писал о необходимости увеличения количества мусульманской интеллигенции, приводя в пример известных русских поэтов и писателей[176]. В стихотворении «Мәдрәсәдән чыккан шәкертләр ни диләр» («Что рассказывают шакирды, вышедшие из медресе», 1907) поэт критиковал традиционную систему образования мусульман и призывал к реформе.

Важные мысли касательно необходимости изучения светских дисциплин изложил Ф. Карими[177]. В своем произведении «Җиһангир мәхдүм» («Сын муллы Джигангир», 1900) автор обрушил свою критику на кадимистскую систему обучения, перечисляя непрактичную литературу, которую изучали шакирды. Осваивая ненужную литературу, «истинный» мусульманин лишался возможности изучить такие важные предметы, как счет, история и география[178]. Необходимо понимать, что Ф. Карими преувеличивал необразованность сторонников традиционного метода обучения, поскольку являлся ярым противником кадимистов.

Ф. Карими также стал автором нескольких произведений, написанных в стиле записок путешественника (саяхатнаме). В книге «Яуропа сәяхәтнамәсе» («Путешествие по Европе», 1902)[179] он писал о своей поездке, состоявшейся в 1899 г., сравнивая образ жизни и культуру татар и европейцев и восхищаясь достижениями последних. Причину отсталости татар он увидел в их нежелании

---

[175] Габдулла Тукай (1886–1913) – татарский народный поэт, журналист, переводчик, литературный критик, публицист и общественный деятель.

[176] Ганиева Р. Габдулла Тукай в контексте мировой литературы [Электронный ресурс] // Официальный сайт, посвященный татарскому поэту «Мир Тукая». URL: https://gabdullatukay.ru/news/news-tat/gabdulla-tukaj-v-kontekste-mirovoj-literatury (дата обращения: 04.09.2023).

[177] Фатих Карими (1870–1937) – татарский писатель, педагог-просветитель, общественный деятель, редактор газеты «Вакыт» («Время»). Получил образование в Стамбульском университете. В 1899 г. совершил путешествие по Европе.

[178] Кәрими Ф. Җиһангир Мәхдүмнең Авыл Мәктәбендә Укуы [Электронный ресурс]. URL: https://speak.tatar/en/lit/tat/text/jihangir-mahdumnen-avyl-maktabenda-ukuy/ (дата обращения: 29.03.2023).

[179] Карими Ф. Фатима, дочь мурзы. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. С. 226. (на тат. яз.)

реформировать систему образования, вводить в учебные программы светские дисциплины. Аналогичные мысли содержались и в книге «Кырымга сәяхәт» («Путешествие в Крым», 1904), в основу которой легли собственные впечатления от поездки в 1903 г. в город Бахчисарай на празднование 20-летия газеты «Тарджиман»[180]. В сатирической повести «Бер шәкерт илә бер студент» («Шакирд и студент», 1899) Ф. Карими стремился показать невежество мулл, которые оставались приверженцами традиционной системы образования.

Одним из наиболее известных просветителей своего времени был также К. Насыри[181]. Он рассуждал о необходимых требованиях, предъявляемых к всесторонне образованной и воспитанной личности[182]. Предполагалось, что адибы – люди, отвечающие требованиям адаба – знают философию, астрономию, математику, умеют вести беседу, демонстрируя знания в литературе, истории, географии.

Благодаря работе одного из ярких представителей джадидизма Дж. Валиди[183] «Очерк истории образованности и литературы татар»[184] (1923) мы смогли получить сведения о некоторых механизмах передачи знаний: например, обучение мусульман Волго-Уральского региона в Османской империи[185].

Татарский писатель Г. Исхаки[186] в своем произведении «Ике йөз елдан соң инкыйраз» («Вырождение двести лет спустя», 1903) раскритиковал

---

[180] Жизнь и творчество Ф. Карими [Электронный ресурс] // Официальный сайт Татарской энциклопедии. URL: https://tatar.org.ru/_educ/virt-gimn/books/9adabcyr/44.html (дата обращения: 04.09.2023).

[181] Каюм Насыри (1825–1902) – известный татарский просветитель, языковед, писатель, историк, этнограф. Насыри уделял первостепенное внимание педагогике, распространению новых знаний. Автор ряда учебников по различным наукам: арифметике, геометрии, географии и др.

[182] Насыри К. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1977. С. 72.

[183] Джамал Валиди (1887–1932) – татарский мыслитель и просветитель, языковед, историк татарской общественной мысли. Получил образование в медресе д. Иж-Буби, преподавал в медресе «Хусаиния».

[184] Вышла в Петрограде на русском языке.

[185] Валидов Дж. Указ. соч. С. 88.

[186] Гаяз Исхаки (1878–1954) – татарский публицист, политик, писатель, подробно описавший быт и мироощущения шакирдов медресе.

схоластическую систему образования в медресе Волго-Уральского региона и предложил обучать мусульман светским дисциплинам[187].

Другой писатель Фатих Амирхан[188] через свои произведения «Фаттхулла хазрат»[189] (1910), «Милләтне тәрәкъкый иттерү» («Как способствовать прогрессу нации», 1908)[190], «Хәзрәт үгетләргә килде» («Мулла пришел поучать», 1912)[191], «Хаят»[192] (1911)[193] пытался обратить внимание на актуальные проблемы общества и привлечь внимание читателей к необходимости изучения светских дисциплин.

Для выявления специфических элементов во взглядах мусульманских учебных заведений Российской и Османской империй, мы обратили внимание также и на идеи турецких богословов и светских интеллектуалов о «дозволенности» и необходимости изучения светских дисциплин мусульманам, а также о включении этих предметов в исламские учебные заведения.

Одной из наиболее ярких личностей, сыгравших важную роль в реформировании системы мусульманского образования в Османской империи, был шейх-уль-ислам Муса Казым Эфенди, который отличался склонностью к реформам и инновациям[194]. При написании работы мы обратили внимание на его идеи об изменении программы обучения, которые были опубликованы турецким исследователем Ферхатом Коджа[195].

---

[187] Исхаки Г. Г. Вырождение двести лет спустя [Электронный ресурс] / пер. Р. М. Кадыров. URL: https://www.bulgartimes.hu/BULGAR/ishaki/gajaz/kitab/Vyrozhdenie_200_let_spustya.pdf (дата обращения: 26.03.2023).

[188] Фатих Амирхан (1886–1926) – крупный татарский писатель, публицист и литературный критик, выпускник медресе «Мухаммадия». В 1907–1909 годах был редактором газеты «Аль-Ислах» («Реформа»).

[189] Әмирхан Ф. Фәтхулла хәзрәт [Электронный ресурс]. URL: https://belgech.ru/proizvedeniya/fatkhulla-khazrat (дата обращения: 29.03.2023).

[190] Амирхан Ф. Избранное. Рассказы и повести / пер. с татарского Г. Хантемировой. М.: Художественная литература, 1975. С. 33.

[191] Там же. С. 117.

[192] Имя девушки.

[193] Амирхан Ф. Указ. соч. С. 250.

[194] См. подробнее: Çetinkaya B. A. Musa Kazım Efendi'nin Dini, Siyasi ve Felsefi Düşüncesi // Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 2007. С. 11, issue 2. S. 75–141.

[195] Şeyhülislâm Musa Kazım Efendi. Külliyât – Dini ve İctimai Makaleler. Hazırlayan: Doç. Dr. Ferhat Koca. Ankara: Ankara okulu yayınları. 2002. 399 s.

Среди светских интеллектуалов особо следует отметить фигуру педагога Селима Сабита (1829–1911) [196] . Произведение, принесшее ему настоящую известность, называется «Rehnümâ-yi Muallimin» («Руководство для учителей»), в котором он высказывал свое мнение о преподавании истории в начальной школе[197]. Эта книга представляет собой 48-страничный отчет о регулировании начальных школ в 1869 г., который он отправил в Министерство образования. Он же является автором первого учебника по истории для начальных школ «Muhtasar Târîh-i Osmânî» («Краткая история Осман», 1884).

Одной из самых почитаемых фигур для зарубежных и российских мусульман был Ахмед Мидхат[198]. За свою жизнь он написал и перевел на разные языки сотни статей по математике, химии, экономике, философии, истории, географии, праву и образованию. Одной из его работ является произведение «Kissadan hisse» («Выводы из притч», 1870), в котором автор отразил понимание образования и морали своего времени [199] . Кроме этого, А. Мидхат написал множество романов, в ряде которых через образы главных героев автор пытался обратить внимание на необходимость изучения светских наук[200].

---

[196] Селим Сабит Эфенди (1829–1911) – турецкий учёный-педагог, сыгравший важную роль в зарождении современного османского образования. После завершения начального образования в родном городе он отправился в Стамбул для продолжения обучения как в медресе, так и в Дарулмуаллиме. Он завершил свое образование в Дарулмуаллиме, первой мужской педагогической школе Османской империи, в 1855 году. Он был одним из ее первых выпускников. После окончания учебы его со стипендией отправили в Париж. Он преподавал турецкий язык в школе Мектеб-и Османи и школе Мурадяна в Париже, где пробыл шесть лет. В эти годы он находился под влиянием французской системы образования и перенял научные методы, применявшиеся в школах. Он вернулся в Стамбул в 1861 году. Вернувшись домой, он работал во многих учебных заведениях. Его первая работа была в школе в районе Сулеймании. Впервые он реализовал созданный им новый стиль преподавания в этой школе.

[197] Ata B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. Bahar 2009. № 7 (2). S. 379.

[198] Ахмед Мидхат (1844–1913) – турецкий журналист черкесского происхождения, писатель, переводчик и издатель Османской империи периода Танзимата, делал переводы на 18 языков, включая адыгейский, арабский, азербайджанский, каталанский, немецкий, фарси, итальянский, казахский, египетский, узбекский, румынский, русский, финский, шведский, турецкий, украинский и китайский.

[199] Ahmet Mithat Efendi. Kissadan hisse. Derleyen: Mehmet Ümit Çekin. Ankara: Kapra Yayıncılık. 2021. S. 96.

[200] Такими работами являются «Paris'te Bir Türk» («Турок в Париже», 1876), «Jön Türk. Millî, İçtimai ve Siyasi Roman» («Младотурок. Национальный, гражданский и политический роман», 1910), «Acâib-i Âlem» (Dünyanın Olağanüstülükleri) («Чудеса света», 1882), «Rikalda yahut

Свое мнение по интересующему нас вопросу высказывал турецкий писатель Мехмет Джеляль Нури Илери[201], который в 1912 г. путешествовал по территории Российской империи и скандинавским странам. В 1913 г. он опубликовал работу «Şimal Hatıraları» («Воспоминания о севере»)[202], в котором отметил достижения российских мусульман, связав их, в том числе, с изучением торговли и экономики.

В рамках нашего исследования мы не могли не обратить внимание на периодическую печать, в особенности на статьи из газеты «Тарджиман» («Переводчик») И. Гаспринского, в которых автор популяризировал необходимость изучения светских наук[203]. Но это же издание отражало иные точки зрения. В частности, в газете «Тарджиман» («Переводчик») упоминалось, что для получения светского образования имеются правительственные школы и гимназии, но их мусульмане посещают слабо[204]. Поэтому поднимаемый вопрос имеет значимость как предмет обсуждения в российском обществе.

Идеи богослова Х. С. Шибая (1883–1946) сыграли важную роль в реформировании исламского образования, который являлся одним из активных членов «Тюрк оджагы»[205] («Турецкий очаг») и секретарем исламского отделения «Тюркского научного общества»[206], интересовался проблемами тюркских мусульман России в интересах младотурок. Публиковался в различных турецких

Amerika'da Vahşet Âlemi» («Рикальда или Царство дикости в Америке», 1890) и «Fennî Bir Roman yahut Amerika Doktorları» («Научный роман или Американские доктора», 1889).

[201] Мехмет Джеляль Нури Илери (1881–1938) – турецкий журналист, писатель, политик, юрист. Был владельцем газеты «İleri» («Будущее»).

[202] Celal Nuri. Şimal Hatıraları. Hazırlayan: İbrahim Demirci. Ankara: Atlas kitap. 2016. S. 128.

[203] Переводчик. 1883, № 15 (8 сент.); Переводчик. 1883, № 16 (16 сент.); Переводчик. 1883, № 22 (4 нояб.); Переводчик. 1883, № 23 (18 нояб.) и др.

[204] Переводчик. 1884, № 20 (31 мая).

[205] Официально основной целью общества «Тюрк оджагы» (образовалась в 1912 г.) являлось содействие развитию культурных связей между тюркскими народами, а также их сближению и взаимопомощи. Одной из реальных целей организации было стремление повлиять на мусульман Волго-Уральского региона, формируя у них лояльное отношение к младотуркам и их политическому курсу.

[206] Организация, образованная в 1913 г. группой османских интеллектуалов для содействия политике общества «Тюрк оджагы» и проводившая исследования по изучению тюркского языка, литературы и истории.

журналах «Ислам меджмуасы»[207], «Сират-ы мустакыйм»[208] («Истинный путь»), «Йени меджмуа»[209] («Новый журнал»), «Тюрк йурду»[210] («Тюркская Родина»), газетах «Вакыт»[211] («Время») и «Джумхурият»[212] («Республика») и др.

Важным событием в жизни Х. С. Шибая стало то, что он в 1910 г. вернулся на родину и принялся изучать деятельность новометодных школ в России. За этот год ему удалось посетить Одессу, Симбирск, Уфу, Казань, Челябинск, Омск, побывать на берегах Черного моря, в европейской части России, на Алтае, в Сибири и Туркестане[213].

По итогу этого путешествия с 1912 по 1917 г., в журнале «Тюрк Юрду» он опубликовал свои путевые заметки под названием «По дороге в Алтай»[214]. В нашем распоряжении имеется систематизированная книга со всеми заметками богослова в ходе этого путешествия под названием «Altaylar'a Doğru», опубликованная в 2017 г. в Турции. Данный источник отражает видение богослова относительно таких тем, как география тюрок Волго-Уральского

---

[207] Целью журнала является примирение тюркской мысли и ислама, которая пропагандировалась младотурками, финансируемого посредством Комитета единения и прогресса. Особенность, которая отличает его от других мусульманских журналов того периода, заключается в том, что он рассматривает концепцию нации и исламской мысли вместе и фокусируется на вопросах, связанных с социальным аспектом и функцией ислама. Журнал выходил под девизом «Религиозная жизнь, живая религия» под руководством Халима Сабита Шибая в Стамбуле в период с 12 февраля 1914 г. по 30 октября 1918 г.

[208] Риторикой журнала было «служение на благо пробуждения и возвышения исламского мира». Поэтому там публиковались статьи, которые знакомили читателя с общественной жизнью исламских стран, представителей которых также, в свою очередь, активно приглашали публиковаться. Его основателями являются Эбюльула Зейнелабидин (Эбюльла Мардин) и Х. Эшреф Эдип (Ферган). Журнал выходил в Стамбуле в период с 1908 по 1914 г.

[209] Журнал выходил в Стамбуле в период с 12 июля 1917 по 26 октября 1918 г. Публиковал статьи о науке, искусстве и литературе. Редактором журнала был Х. Шибай.

[210] Журнал выходил в Стамбуле в период с ноября 1911 по август 1918 г., пропагандировал идеи пантюркизма. Основателями журнала были Юсуф Акчура, Ахмет Агаоглу, Али Гусейн-заде.

[211] Газета издавалась с 1875 г. по 1949 г. в Стамбуле под редакцией главы Государственного совета Кемаль-заде Ластик Саид Бея.

[212] Газета основана журналистом Юнусом Нади Абалыоглу в 1924 г. в Стамбуле, пропагандировала идеи секуляризма, республиканского строя и националистических идей М. К. Ататюрка. Издается и сегодня.

[213] Вильданова Р. К. Симбирский татарин Халим Сабитов // Краеведческие записки. 2018. Вып. 16. С. 176.

[214] См. подробнее: Гечер О. Г., Эшел Г. Из Стамбула «По дороге в Алтай»: путешествие по Туркестану // Материалы конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Вып. 5. Казань, 2015. С. 72–82.

региона, их быт, язык, образование, школы, медресе, экономика и т. д.[215] Важно отметить, что это путешествие Х. С. Шибая приходится на момент распространения новометодных школ в Российской империи.

В пятом номере журнала «Sırât-ı Müstakîm» («Истинный путь») появилась статья под названием «Islah-ı Medaris Münasebetiyle» («К вопросу о реформе медресе», 1911), где богослов отразил свои основные взгляды на причины упадка религиозного образования, цели, программы обучения и т. д.[216] В ней богослов старался обосновать необходимость изучения тех или иных предметов.

На необходимость новаций в сфере образования обратила внимание буржуазия, которая была не удовлетворена программой обучения в кадимистских [217] учебных заведениях. Позиция предпринимателей нашла отражение в прессе. Например, в материалах статьи «Два течения» первого научного исламоведческого журнала России «Мир ислама» кадимисты и джадиды охарактеризованы как консерваторы и либералы.

Взгляды на введение светских дисциплин в мусульманские учебные заведения нашли отражение в прессе этого периода и документах Всероссийских съездов мусульман начала прошлого столетия. Материалы Всероссийских мусульманских съездов начала XX столетия[218], наряду с трудами интеллектуалов и прессой, также являются важным источником при написании данной работы. Сторонники реформирования исламского образования позитивно смотрели на изучение светских дисциплин, включая русский язык. Положительное отношение к русскому языку в начале XX в. было актуальным для джадидов. Практически все участники Третьего мусульманского съезда, проходившего в Нижнем Новгороде с 16 по 21 августа 1906 г., единогласно поддержали предложение Абдуррешида Ибрагимова сделать русский язык в джадидских школах

---

[215] Halim Sâbit Şibay. Altaylar'a doğru. Ankara. Cümle. Hazırlayan Selma Günaydın. 2016. S. 33.
[216] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle. S. 324.
[217] См. подробнее: Два течения // Мир ислама: Издание императорского Общества Востоковедения / под редакцией Димитрия Позднеева. СПб.: Изд. О-ва востоковедения, 1913. Т. 2, вып. 1. С. 31.
[218] Программа Союза («Иттифак») мусульман России. Раздел VII «Образование» // Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород: Махинур, 2005. С. 57–58.

обязательным предметом[219]. Необходимо отметить, что впоследствии русский стал обязательным лишь в наиболее крупных медресе: «Мухаммадия», «Галия», «Хусаиния» и др. В сельских и менее известных медресе такая возможность из-за финансовых или кадровых трудностей, как правило, отсутствовала.

Таким образом, источников для решения поставленных в данной диссертации задач достаточно: они разнообразны и помогают отвечать на задачи исследования.

1.3. Методологическая основа и методы исследования

Исследование рассматривает модернизацию мусульманского образования в Самарской губернии как результат сочетания социально-экономических и политических факторов, а также каналов культурного трансфера.

В качестве общей исследовательской рамки используется модернизационный подход, позволяющий рассматривать изменения в мусульманском образовании как часть более широких социально-экономических, культурных и институциональных преобразований позднеимперской России. В отличие от трактовок модернизации как вестернизации (простого заимствования западных образцов), в работе она понимается как многоуровневый процесс адаптации традиционных институтов к новым условиям общественной жизни.

Для анализа различных уровней проблемы мы опираемся на концепцию множественных современностей (multiple modernities) и незападной модернизации как ее эмпирической составляющей в русле идей Ш. Эйзенштадта[220] и подход культурного трансфера[221], которые совокупно

---

[219] Meyer J. H. Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. Oxford University Press, 2015. P. 125.

[220] Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in the Framework of a Comparative Evolutionary Perspective // Understanding Change / Ed. by A. Wimmer, R. Kössler. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 199–218.

[221] Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.

помогают комплексно рассмотреть изучаемое явление на глобальном (смыслы) и локальном (механизмы) уровнях.

Теория множественных современностей Эйзенштадта рассматривает современность (modernity) как набор различных путей модернизации, каждый из которых формируется под влиянием собственной истории и культурных предпосылок, а не как единый универсальный процесс западной модернизации. В отличие от однолинейного развития, предполагаемого традиционной западной современностью, исследователь считает, что разные общества по-разному реагируют на актуальные вызовы, что приводит к появлению разнообразных форм современности, отражающих их историческое и культурное наследие. Предлагаемое автором концепции понятие «множественных современностей» (multiple modernities) подразумевает, что незападные общества (Япония, Китай, исламский мир, Индия) не просто «догоняют» Запад, а создают собственные аутентичные формы современности [222] . Согласно Эйзенштадту, незападные современности формируются путем синтеза западных институтов (рынок, технологии) с собственными традициями и «осевыми» ценностями, что делает их полноценными, но отличными от западного типа[223].

Теория множественных модернизаций используется в диссертации для трактовки джадидизма как формы незападной современности, модернизации «незападного» типа, в которой реформирование образования рассматривается не как простое копирование западных образцов, а как адаптация исламской традиции к новым социальным и культурным условиям позднеимперской России[224].

---

[222] Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization // Grenzenlose Gesellschaft? / C. Honegger, S. Hradil, F. Traxler (eds). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1999. P. 37–50; Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in the Framework of a Comparative Evolutionary Perspective // Understanding Change / Ed. by A. Wimmer, R. Kössler. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 199–218.

[223] «Множественные современности, согласно Эйзенштадту, являются порождением трансляции европейского образца, полученного на почве ее собственной культуры, и дальнейшего синтеза имеющихся образцов в других странах и регионах» (Федотова В. Г. Роль модернизации в цивилизационном проекте для России // Вопросы социальной теории. 2020. Т. XII. С. 227, С. 222–236).

[224] Мухетдинов Д. В. Джадидизм как новый тип религиозности: опыт предварительной концептуализации // Ислам в современном мире. 2022. № 18(4). С. 43–64; Jung D. A Theory of “Islamic Modernities:” Religion and Modernisation in Muslim History // Intellectual Discourse. 2024.

Данный подход позволяет выявить причины возникновения джадидизма в российских условиях, определить его идейную альтернативность западной модели модернизации, раскрыть сочетание религиозного реформаторства, национального самосознания и гражданской интеграции на примере локального, самарского, кейса.

В подходе культурного трансфера [225] акцент делается на «культурном перемещении» идей, на семантических сдвигах, возникающих при их «импортировании» из одной культуры в другую[226]. В нашем случае акцентируется внимание на зарождении конкретных идей в конкретных регионах и механизмах их распространения на локальных уровнях. В исследовании мы будем оперировать следующими понятиями данного подхода.

Культурный трансфер – это особое методологическое направление, целью которого является установление специфики «взаимосвязей и взаимопроникновений национальных культурных пространств» и «механизмов, при помощи которых сходные формы культуры способны воспринимать внешнее воздействие»[227]. В данной работе под этим понятием мы подразумеваем процесс взаимного обогащения идеями, представлениями между разными культурами[228].

Vol. 32(1). P. 31–55; Jung D. Islam in Global Modernity: Sociological Theory and the Diversity of Islamic Modernities. Wiesbaden: Springer, 2023; Ben-Rafael E. From Multiple Modernities to Multiple Globalizations // ProtoSociology. 2018. No. 35. P. 295–313; Lazzerini E. J. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. Oxford, 2023; Ross D. Who's Afraid of Jadidism?: Reckoning with the Legacy of a Cold War Paradigm // Journal of Central Asian History. 2024. Vol. 3(2). P. 131–169; Almazova L., Kemper M. A Requiem for "Jadidism"? Debates on Islamic Education in Contemporary Tatarstan // Journal of Central Asian History. 2024. Vol. 3(2). P. 199–231.

[225] Впервые понятие культурный трансфер ввели в научный оборот французские исследователи М. Эспань и М. Вернер в 1980-е гг.

[226] Данная методология предполагает, что всякое усвоение культурного феномена (в нашем случае – идея о введении светских дисциплин в мусульманские учебные заведения из одной культуры в другую) есть уже само по себе перевод дефиниций на свой культурный язык, при котором что-то изменяется и в принимающей культуре, но непременно что-то трансформируется и в культуре воздействующей (см. подробнее: Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.).

[227] Минеева И. Н. Культурный трансфер: от истории идеи к методологии // Профили III: «Космос братьев Гримм: немецкое слово в культуре современности»: материалы Международной научно-практической конференции (г. Петрозаводск, 22–23 мая 2014 г.):

Актор трансфера – это субъект процесса циркуляции идей, который служил проводником передачи определенных мыслей из одной культурной зоны в другую[229]. В контексте нашего исследования отметим, что выделяются несколько категорий людей, которые были сторонниками реформы мусульманского образования: мусульманская буржуазия, которая нуждалась в накоплении, практике и передаче знаний, необходимых для ведения торгово-промышленной деятельности в соответствии с новыми условиями; часть мусульманского духовенства, которая не смирилась с утратой монополии в системе образования в связи с созданием государственных начальных народных училищ; нарождающаяся светская интеллигенция, которая стремилась осуществить переход от русскоязычной светской школы к национальной светской школе[230].

Циркуляция идей – процесс перемещения идей между определенными культурными зонами [231], а также реинтерпретация, переосмысление, переозначивание этих мыслей.

Применение элементов методологии культурного трансфера в рамках данного исследования представляется обоснованным по следующим причинам:

1. Джадидизм является продуктом творчества различных культур и не может быть «присвоен» кем-то в одностороннем порядке. Применяемая нами методология позволяет лучше понять характер взаимовлияния культуры

сборник научных статей / отв. ред. Л. И. Мальчуков; ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 135.

[228] Schmale W. Cultural Transfer [Electronic resource]. 05.12.2012. URL: http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/cultural-transfer#MacroHistoryandMicroHistoryofCulturalTransfers (accessed: 24.08.2023); Легчилин А. А. Теория культурного трансфера – новый взгляд на межкультурную коммуникацию. С. 243.

[229] Якушенко О. Мишель Эспань. Что такое культурный трансфер? [Электронный ресурс]. URL: https://republic.ru/posts/l/1109349 (дата обращения: 23.02.2023).

[230] См. подробнее: Хабутдинов А. Ю. Реформы образования у мусульман Российской империи нового времени: от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 1. С. 14–15.

[231] Минеева И. Н. Культурный трансфер: от истории идеи к методологии. С. 133–144; Gordon P. E. What Is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field [Electronic resource]. URL: https://ces.fas.harvard.edu/uploads/files/Reports-Articles/What-is-Intellectual-History-Essay-by-Peter-Gordon.pdf (accessed: 23.02.2023).

различных российских тюркских народов и османской культуры[232]. Она позволяет сконцентрироваться на конкретном аспекте джадидизма как объемного, длительного процесса выработки представлений о реформировании системы мусульманского образования.

2. Помогает выстроить генеалогию идей с учетом микроистории [233] (творчество, судьба конкретных персоналий-акторов трансфера) и макроистории (глобальных социально-экономических, политических, коммуникативных процессов, происходивших в пространстве обеих империй). Таким образом, позволяет сосредоточиться на акторах изменений.

3. Объясняет характер и направленность действия механизмов и сетей интеллектуального обмена, а именно: каким образом идеи, педагогические практики, учебники, организационные модели перемещались внутри Волго-Уральского региона, приходили извне в конкретные медресе Самарской губернии, как адаптировались, перерабатывались и, возможно, перетекали в другие регионы.

Таким образом, подходы культурного трансфера позволяют более глубоко понять механизмы, генезис и межрегиональную динамику развития джадидизма, так как представляют собой инструментарий для эмпирического исследования конкретных процессов культурного, интеллектуального обмена, заимствования и адаптации.

Итак, исходя из основной цели исследования – выявить обстоятельства, направленность, механизмы и акторов трансформации мусульманского образования в Самарской губернии, – в работе используется сочетание модернизационного подхода, концепции множественных модернизаций и подхода культурного трансфера.

Также философской основой исследования служит диалектический подход: явления рассматриваются в развитии и взаимосвязи, а противоположные

---

[232] Gordon Peter E. What Is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field [Electronic resource]. URL: https://ces.fas.harvard.edu/uploads/files/Reports-Articles/What-is-Intellectual-History-Essay-by-Peter-Gordon.pdf (accessed: 23.02.2023).

[233] Schmale W. Cultural Transfer [Electronic resource]. 05.12.2012. URL: http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/cultural-transfer#MacroHistoryandMicroHistoryofCulturalTransfers (accessed: 24.08.2023).

тенденции – в их взаимодействии (джадиды и кадимисты с переходными формами между ними).

В основу написания данного исследования также были положены общенаучные (анализ и синтез, абстрагирование, системный подход) и частные (сравнительный и синхронный) методы теоретического исследования. Анализ и синтез применены при сопоставлении различных групп материалов: это позволило проверить выводы, полученные на основании отдельных документов, и избежать зависимости от одного типа свидетельств. Сравнительный метод применен при сопоставлении учебных планов новометодных и кадимистских школ, а также программ бугульминских медресе и «Мухаммадии». Синхронный метод показал почти одновременное развитие идей о «дозволенности» светских дисциплин в Российской и Османской империях. Ретроспективный анализ позволил рассмотреть историю джадидизма на локальном уровне в условиях позднеимперской России как явление, существовавшее на протяжении определённого промежутка времени. Биографический метод применен при изучении персоналий – акторов культурного трансфера. Мусульманское образование губернии рассматривается как система взаимосвязанных элементов: учебные заведения, источники доходов (вакфы, земства, приходы), учебные программы, отношения с властью и консервативным духовенством.

Применение методологии, сочетающей микроанализ механизмов культурного трансфера с макросоциологической рамкой теории множественных современностей (multiple modernities), выявило свою эвристическую ценность. Этот подход позволил, с одной стороны, детально проследить пути проникновения и адаптации идей, а с другой – осмыслить проявления джадидизма в Самарской губернии как системный и осмысленный локальный ответ на глобальные вызовы модерна, а также рассмотреть не только результат реформ (как это принято в современной историографии), но и процесс их становления и развития.

Работа с источниками строилась по принципу сопоставления и обобщения данных различных групп материалов. Делопроизводственные материалы губернских учреждений использовались для реконструкции административного

контроля, правового положения мусульманских учебных заведений и практик взаимодействия местных мусульманских общин с властью. Статистические материалы применялись для выявления динамики численности мектебе и медресе, их географии и соотношения традиционных и новометодных форм обучения. Периодическая печать и труды мусульманских интеллектуалов анализировались как источники по истории общественной мысли и как каналы распространения реформаторских идей. Учебные планы и программы – для определения характера образовательных новаций, которые опубликованы исследователями [234] . Сопоставление этих групп источников позволило проверить выводы, полученные на основании отдельных документов, и избежать зависимости от одного типа свидетельств.

Сравнительно-историческим методом сопоставлялись программы новометодных и кадимистских школ, медресе губернии и центров Волго-Урала, а также российские и османские проекты реформ. Ретроспективный анализ позволил раскрыть предпосылки и последовательность образовательных изменений, биографический метод – деятельность и связи посредников культурного трансфера.

Терминологические пояснения

В работе используется форма «мектебе» как закрепившийся в отечественной историографии вариант обозначения начальной мусульманской школы, а при цитировании источников сохраняется авторская форма написания.

Название газеты И. Гаспринского передаётся как «Тарджиман» («Переводчик»), иные варианты транслитерации приводятся только при цитировании.

Прилагательное «джадидский» используется применительно к институтам, практикам и идеям, связанным с джадидизмом. Форма «джадидистский» сохраняется преимущественно в цитатах и историографических контекстах.

Выявленный комплекс источников – законодательные и нормативно-правовые акты, неопубликованная делопроизводственная документация фондов

[234] См. приложения 1, 2, 3.

ЦГАСО и ОГАОО, статистические материалы, труды мусульманских богословов и светских интеллектуалов Волго-Уральского региона и Османской империи, периодическая печать и материалы всероссийских мусульманских съездов – обладает необходимой полнотой для решения задач диссертации.

Анализ отечественной и зарубежной историографии показал, что при значительном объеме знаний о джадидизме, его акторах и механизмах распространения реформаторских идей специальное исследование модернизации мусульманского образования на материалах Самарской губернии – как локального, системного ответа на культурный трансфер и множественную модернизацию – отсутствует: существующие труды либо обобщающие, либо касаются губернии в ином, демографическом или приходском, ракурсе, что и определяет отчасти научную новизну исследования.

Обоснованная методология – сочетание концепции множественных современностей Ш. Эйзенштадта и подхода культурного трансфера с общенаучными и специально-историческими методами (сравнительно-исторический, ретроспективный, биографический) – позволяет рассматривать джадидизм в Самарской губернии одновременно на глобальном и локальном уровнях, как процесс, а не только результат образовательных реформ.

ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАПРОСА В МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИНАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

2.1. Социокультурный и экономический облик мусульманских общин Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века

Современное полиэтноконфессиональное пространство Среднего Поволжья[235] – результат длительной истории ряда этнических общностей и их взаимопереплетений. Полиэтничность и поликонфессиональность подтверждаются наличием среди жителей Самарской губернии татар, башкир (преимущественно мусульман), чувашей, мордвы, русских (православных) и др.[236]

В процессе формирования мусульманского населения самарского Поволжья исследователь Э. М. Гибадуллина выделяет три этапа[237]:

- вторая половина XVI – середина XVII века (формирование казачества, большую часть которого составляли отколовшиеся от своих орд крымцы, ногаи, казанцы);
- середина XVII – первая треть XVIII века (строительство государством оборонительных линий, сопровождавшееся заселением территорий будущих Самарского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и Ставропольского уездов);
- XVIII век. «К 30-м годам XVIII века переселенцы достигли Бугульминско-Белебеевской возвышенности, являвшейся границей между

---

[235] 225 этносов из 800 национальностей, этнических групп и различных самоназваний, выявленных переписью населения 2002 года, представлено в Самарской области. См.: Колесникова Л. А. История появления и формирования этнических общин, традиционно проживающих в Самарской области // Вестник СамГУ. 2009. № 7(73). С. 131–138.

[236] Подробный обзор процесса возникновения мусульманских общин сделан Э. М. Гибадуллиной: Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 22–42.

[237] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 23.

кочевым и оседлым населением, и вышли на южную окраину лесостепной зоны»[238].

Предки татар проживали на территории Самарской губернии в составе Волжской Булгарии с XI века. Их поселения заложили историко-культурную основу формирования мусульманского населения региона.

В дальнейшем при переселении тюрки занимали часть башкирских родовых земель, а в XVIII веке (1736 год) получили право покупки башкирских земель, вследствие чего количество татар-переселенцев увеличивалось.

В интересующий диссертанта период (вторая половина XIX – начало XX в.) население Самарской губернии отличалось многоэтничностью. Данные вступительной статьи к сборнику Ф. Х. Гумерова позволяют конкретизировать башкирский компонент этого многоэтничного пространства: по переписи 1897 г. в Самарской губернии проживало 57 242 башкира, или 4,29% от общей численности башкир Российской империи [239] . Причиной тому длительные переселенческие процессы, включающие разные этнические потоки. Однако контуры расселения мусульман в целом к 1917 году были определены: мусульманские общины не представляли собой четко выраженные анклавы. К тому же переселения продолжались (плодородные почвы и возможности включения в социальные слои торговцев и управленцев манили людей, меняющих место проживания).

«Наиболее пестрой в этническом плане умма была в Бузулукском уезде (татары, башкиры, казахи). Подобный этнический состав, за исключением казахов, имели Бугульминский и Бугурусланский уезды. Однородностью этнического состава отличалось население в Ставропольском и Самарском уездах, где татары составляли соответственно 77,7 и 59,8% уммы»[240].

---

[238] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 29.

[239] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях / сост., автор вступ. статей и примечаний Ф. Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. С. 4.

[240] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 50.

Дополнительную пестроту населению губернии придавало наличие немусульманских этноконфессиональных общностей: православных русских и др., как в селах, так и в городах[241].

Социокультурный и экономический облик Самарской губернии складывался постепенно, начиная со строительства крепости Самара в 1586 году, когда территория края была практически незаселенной[242], по мере освоения представителями разных этносов средневолжских земель.

Многие из служилых и ясачных татар, переселившиеся в XVI–XVIII веках на северо-западные и северо-восточные земли будущей Самарской губернии (Самарский, Ставропольский, Бугурусланский уезды) после строительства оборонительных черт, были выходцами из Темниковского, Алатырского и Симбирского уездов, из различных частей Казанского уезда[243]. В формировании тюркского облика Самары в XVI–XVIII веках свою роль сыграли татары-выходцы из Касимовского уезда.

В итоге в середине XIX века на территории созданной в 1851 году губернии устойчиво развивались три тюрко-мусульманских ареала. По мнению Ю. Н. Гусевой, татаро-башкирские деревни могут быть локализованы по историко-географическому признаку следующим образом: 1) «симбирский» куст – деревни бывших служилых людей, возникшие во второй половине XV века в междуречье Большого Черемшана и Кондурчи; 2) «кинельский» ареал – поселения служилых татар с начала XVII века в бассейне Большого Кинеля и его притоков; 3) «байтугано-сокский» куст вызревал как крупное тюркское ядро в XVII–XVIII веках, испытывая сильное влияние процессов, происходивших в Казанском крае,

---

[241] Колесникова Л. А. История появления и формирования этнических общин, традиционно проживающих в Самарской области // Вестник СамГУ. 2009. № 7(73). С. 131–138; Гусева Ю. Н., Козловская Г. Е., Трибунский С. А. Генезис и динамика развития татарских селений Самарского Поволжья в середине XVI – начале XX в. / под ред. П. С. Кабытова. СПб., 2021. 271 с.

[242] Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (ист.-стат. очерк). Самара: Самарский статистический комитет, 1877. С. 73; Ведерникова Т. И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII–XIX вв. // Проблемы истории СССР. Выпуск XII. М., Изд-во МГУ, 1982. С. 87–95.

[243] Насыров Р. Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 23.

и являлся наиболее густонаселенным с точки зрения мусульманского компонента[244].

Вопросом учета количества мусульман в Самарской губернии занимался губернский статистический комитет, созданный 26 июля 1854 года на основании циркуляра Министра внутренних дел. По данным этого комитета на 1 января 1908 года в губернии насчитывалось 348 773 «магометан обоего пола, в том числе в городе (Самара – М. Г.) 8 717 человек обоего пола»[245]. По подсчетам Ю. Н. Гусевой, в 1915 году в сельских районах действовало 166 мечетей[246].

Регион был крупным производителем сельскохозяйственной продукции и торговым центром[247]. Благоприятные природные условия, плодородные степные почвы дали возможность выращивать особый вид твердой пшеницы. В конце XIX в. – начале XX в. Самарская губерния входила в число немногих российских регионов, бывших тогда главными житницами страны.

Природно-географический фактор основательно влиял на социально-экономические особенности развития Самарской губернии[248]. Достаточно перечислить неурожайные годы в интересующий диссертанта период, чтобы понять интенсивность влияния названного фактора[249]: 1864–1865, 1873–1874, 1877–1879, 1880, 1882–1883, 1885–1888, 1890–1892, 1898, 1901, 1905, 1906, 1911. Существовала постоянная сильнейшая зависимость от случайностей погоды и

---

[244] Гусева Ю. Н., Козловская Г. Е., Трибунский С. А. Генезис и динамика развития татарских селений Самарского Поволжья в середине XVI – начале XX в. / под ред. П. С. Кабытова. СПб., 2021. С. 225–226.

[245] Ведомость XI о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 288. Л. 5.

[246] Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. С. 39.

[247] Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. Москва: в вольной типографии Федора Любия, 1807. С. 594–597.

[248] Самарская губерния – административно-территориальная единица Российской империи, РСФСР и СССР, существовавшая в 1850–1928 годах. Губернский город – Самара.

[249] Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е гг. XIX в. Казань: Тат. кн. изд-во, 1973. С. 76.

климата [250] . Именно Самарская земля стала эпицентром голода, вызванного засухой и неурожаями, в России в 1891–1892 гг.

Влияние погодных условий на экономику региона имело серьезные последствия, среди прочего, и потому, что Самарская губерния была, прежде всего, крупным центром зернового земледелия. Экстенсивный характер ведения хозяйства делал экономику более уязвимой к природно-климатическим переменам и к неэффективному управлению со стороны региональной (а шире и общероссийской) власти. Размеры пашни постоянно росли: так, в 1860-е гг. площадь пашни Самарской губернии составляла 2,2 млн га, а к 1887 году выросла до 7,3 млн га[251].

Ситуация в тюркских селениях бывшего Самарского и Ставропольского уездов с точки зрения достаточного земельного фонда выглядела весьма проблематично. Исследователи отмечают, что «продолжавшиеся на всем протяжении подселения из различных уездов Симбирской губернии обостряли и без того заметный земельный «голод». Это во многом стимулировало сравнительно более активный «выход» симбирских татар в торговлю и в развитие кустарной промышленности». В северо-восточном ареале в экономическом смысле ситуация была более благоприятной: этому способствовали качество и объемы земельного фонда. Проблема малоземелья была практически неизвестна жителям «байтугано-сокского» и «кинельского» кустов[252].

Преобладание сельского хозяйства определило развитие в регионе перерабатывающих отраслей промышленности. Так, мукомольное дело, которое являлось ведущей отраслью промышленности региона, значительно увеличило свой удельный вес в общем объёме промышленного производства (с 51 до 62%) с середины 80-х годов XIX века до 1904 года. Крупные паровые и водяные

---

[250] Кабытов П. С., Храмков Л. В. Земля Самарская: очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: Куйбыш. кн. изд-во, 1990. С. 149.

[251] Сюков А. В. Безенчукская опытная станция: история создания и первые годы деятельности // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 82 (109). С. 159–164.

[252] Гусева Ю. Н., Кабытов П. С., Козловская Г. Е. Социально-демографический и этнический облик тюркских поселений Южного Средневолжья в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3-2. С. 592.

мельницы были необходимым элементом выработки муки-крупчатки. Так, на мельницах губернии вырабатывалось 62% всего промышленного производства этого продукта[253]. В этот процесс включались и жители татарских селений губернии[254].

К 1900 году в губернии было 1110 предприятий с числом рабочих 9980 человек, с общей стоимостью промышленной продукции в год 20,06 млн рублей. В 1911 году в Самарской губернии были введены в строй крупные оборонные предприятия: Трубочный завод в Самаре и Сергиевский Самарский завод взрывчатых веществ[255]. Еще в 1861 году в Самаре был учреждён Городской общественный банк, а в 1864 году – отделение Государственного банка. В 1893 году была создана Самарская биржа, которая способствовала появлению новых форм коммерческой деятельности и регулировала местную торговлю.

Развитие промышленности позволяло мусульманам, наряду с представителями других конфессий Самарской губернии, постепенно включаться в процессы модернизации экономики региона. В более широком Волго-Уральском контексте связь между торгово-предпринимательской средой и образовательной модернизацией прослеживается как устойчивая тенденция. И. Ж. Салахов отмечает, что джадидизм был направлен не только на изменение методов обучения, но и на модернизацию общества, а новая система образования должна была давать «реальные результаты» в виде подготовки кадров, востребованных прежде всего буржуазией[256]. Поэтому применительно к Самарской губернии участие мусульман в торговле и промышленности важно рассматривать не как изолированный экономический факт, а как один из факторов формирования запроса на практико-ориентированное образование.

---

[253] История Среднего Поволжья [Электронный ресурс]. URL: https://povolzje.yartel.ru/biblioteka/samarskaya-letopis/275-2010-11-05-15-27-44 (дата обращения: 21.02.2026).

[254] Гусева Ю. Н., Кабытов П. С., Козловская Г. Е. Социально-демографический и этнический облик тюркских поселений Южного Средневолжья в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3-2. С. 592.

[255] Там же.

[256] Салахов И. Ж. Модернистские тенденции в татарском обществе в XIX – начале XX в.: историко-политический анализ: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 93–94.

Расположение на Волжском торговом пути определяло развитие Самарской губернии как крупнейшего торгового центра Поволжья. В оптике этноконфессиональности следует отметить, что если до начала XX века абсолютное превосходство имели купцы русского происхождения, то впоследствии появились представители других конфессий (иудеи, мусульмане)[257].

Тем не менее природно-географические характеристики и тенденции в развитии социума Самарского региона позволяли татарам-мусульманам реализовывать свои наклонности к предпринимательской деятельности, в том числе к торговле. Еще «Словарь географический», изданный в 1807 году, отмечал, что в Самаре «зимою собираются… *касимовские* (курсив здесь и далее авт.) татары, которые напередь при Урале выменивают *у киргизов и калмыков* мерлушки и сюда привозят. Потом разбирают они оныя, и находящимся близ города калмыкам отдают выделывать и шить из них тулупы; а после сего уже отвозят их в Москву и другие города…»[258]. Активно развивалась торговля самарских купцов с купцами казахских и среднеазиатских земель[259].

В 1893 г. в Самарской губернии по официальным данным насчитывалось 2 366 «торговых татар»: 1 117 мужчин и 1 249 женщин, входящих в состав их семей[260]. Что касается тенденций развития предпринимательской деятельности татар-мусульман, то они были направлены на усиление интенсивности. Сравнительный материал по Волго-Уральскому региону показывает, что торгово-предпринимательская среда у тюрок-мусульман могла выступать не только экономическим, но и образовательным актором. Р. Р. Салихов относит к первому поколению сторонников джадидских преобразований среди татарской буржуазии М. И. Галеева, А. Я. Сайдашева, А. Ф. Рахматуллина и М.-С. Галикеева, начавших

---

[257] Гусева Ю. Н., Кабытов П. С., Козловская Г. Е. Социально-демографический и этнический облик тюркских поселений Южного Средневолжья в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3-2. С. 592.

[258] Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. М.: Вольная типография Федора Любия, 1807. С. 594–597. Информация была взята из сочинения П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (Часть первая. СПб.: Академия Наук, 1773. С. 226).

[259] Гибадуллина Э. М. Участие татар в периодической торговле Казахстана. XVIII – начало XX в. Казань: Школа, 2017. 384 с.

[260] Адрес-календарь Самарской губернии на 1893 год. Самара: губ. тип., 1892. С. 103.

финансирование реформы мусульманских школ[261]. По его выводу, к 1917 г. усилиями национальной реформаторской буржуазии в Казани была реформирована на джадидских началах вся система приходских конфессиональных школ[262].

В конце XIX – начале XX в. отдельные представители татарского населения Самарской губернии сохраняли заметное участие в торгово-предпринимательской деятельности. Рост промышленного производства и торговли в Самарской губернии создавал более широкие экономические возможности для различных групп населения. Отдельные представители мусульманской торгово-предпринимательской среды также включались в эти процессы, что подтверждается данными о татарских торговцах и предпринимателях губернии. В 1890 году в списке «Наиболее значительных по производству промышленных заведений» в разделе «суконная» значилось: Алеев Хасян – купец Ставропольского уезда, села Мулловка. На его фабрике имелось 2 паровых мельницы в 17 и 18 саженей, 2 водяные, 7 чесальных аппаратов, 5 прядилок по 300 веретен, 7 ручных и 7 ткацких станков. На попечении Х. Алеева находились школа и больница[263]. Пример Х. Алеева следует рассматривать как региональное проявление более широкой для Волго-Уральского региона модели взаимосвязи предпринимательства, благотворительности и образования. Аналогичная связка прослеживается в Чистополе, где Л. Г. Гафиатуллина анализирует деятельность купца и имам-хатыба Мухамед-Закира Камалова, содержавшего медресе «Камалия», а также приходит к выводу о высокой роли чистопольских купцов в развитии образования и просвещения[264].

---

[261] Салихов Р. Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани, вторая половина XIX – начало XX в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 150.
[262] Там же.
[263] Адрес-календарь на 1891 год и памятная книжка Самарской губернии. Самара: Тип. И. П. Новикова, 1890. С. 36.
[264] Гафиатуллина Л. Г. Торгово-экономическая жизнь Чистополя во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2007. С. 212, 228.

Прямых данных о массовом участии самарских мусульманских купцов в торговле на Нижегородской ярмарке нами не выявлено[265]. Поэтому данный сюжет в работе используется не как доказанный факт, а как возможный контекст торговых связей мусульманского предпринимательства Волго-Уральского региона. Кроме того, на территории губернии происходили многочисленные торги губернского уровня. Например, в деревне Альметьево «много (людей – М. Г.) съезжается из других деревень на базар»[266]. Большую роль в хлебной торговле играли Мелекесс, Чистополь, Сызрань и еще 23 городских и сельских пункта. В урожайные годы из Самары вывозилось до 90 млн пудов зерна и муки[267].

На рубеже XVIII–XIX вв. в самой Самаре было три рынка – на Алексеевской и Троицкой площадях (хлебные и дровяные) и на берегу Волги между Воскресенской и Успенской т. н. Бурлацкий, на набережной[268]. На рынках, помимо прочих товаров, активно торговали фруктами Дебердеев, Маннафов, Рахматуллин, Саттаров, Хуснетдинов и др. Они же имели магазины на крупных улицах губернского центра – Дворянской и Панской[269].

В деревнях действовали общества потребителей, позволявшие использовать кооперативные формы хозяйственной деятельности. Так, крестьяне деревни Верхне-Ново-Кутлембетевой Емельяновской волости Бугурусланского уезда создали общество потребителей из жителей своего селения. Учредителями выступили местные крестьяне: Кагармановы Фахрутдин, Хабибулла, Салахутдин,

---

[265] Сенюткина О. Н., Загидуллин И. К. Нижегородская ярмарочная мечеть: [центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – нач. XX в.)]: к 180-летию со дня открытия Нижегородской ярмарочной мечети и к 785-летию со дня основания Нижнего Новгорода / Духовное упр. мусульман Нижегородской обл., Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханова. Н. Новгород: Медина, 2006. 176 с.

[266] О мусульманских организациях проповедующих учение панисламизма // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 3.

[267] Морозов В. Ю. Ориентиры в истории Самары [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «История и археология». 2014. № 3. URL: https://history.snauka.ru/2014/03/931 (дата обращения: 15.02.2026).

[268] Описание планов Самарского уезда, г. Самары, выгонной земли и пр. // ЦГАСО. Ф. 815. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–10об.

[269] Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. Самара: Губ. тип., 1911. С. 34–37.

Гильметов Мингазетдин, Гизитуллин Муса и др.[270] Аналогичный процесс видим в том же уезде в деревне Старой Кутлумбетевой: там было создано «Сельскохозяйственное общество» (председатель Аширов Абдул-Фатих). «Кредитное общество» сформировалось в деревне Мочалейка Подбельской волости Бугурусланского уезда (председатель – Суббеев Мухамет-Вафа)[271].

Развитие экономики позволяло расширять благотворительность. В начале XX века она получала дальнейшее развитие, приобрела новые формы и виды. Сложилась сеть общедоступных больниц, школ, приютов, столовых, мастерских, училищ. Сходные процессы происходили и в мусульманской среде как части полиэтничного населения губернии. Примером может служить институциональное оформление Бузулукского мусульманского благотворительного общества, образовавшегося в 1906 году[272]. В архивном деле содержатся документы, позволяющие установить сам факт создания общества и его связь с образовательными и социальными инициативами мусульманской общины. Подобные формы были вполне характерны для татарской предпринимательской среды Волго-Уральского региона: Л. А. Ямаева отмечает финансирование новометодных школ представителями мусульманской буржуазии при условии введения светских дисциплин, а также участие предпринимателей в финансировании татарской периодики[273].

Анализ хозяйственного освоения края показывает значимость природного фактора. Изначально именно природа (лесостепь, степь, равнины и возвышенности, а также реки – Волга и др.) диктовала мусульманам, какой будет специфика их экономической жизни. Однако, не вставая на позицию географического детерминизма, подчеркнем, что большое значение имели и социальные моменты, связанные с традициями накопления опыта хозяйственного

---

[270] О мусульманских организациях проповедующих учение панисловизма // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 59.
[271] Там же. Л. 60.
[272] Переписка с Самарским губернатором об учреждении Бузулукского мусульманского благотворительного общества // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 122. Д. 7.
[273] Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. С. 108, 113.

освоения тех или иных пространств (татары и частично башкиры вели оседлый образ жизни; башкиры в большинстве своем сочетали кочевой и оседлый; а казахи склонялись к кочевому стилю жизни). Кроме того, в ходе развития городов усиливалась предпринимательская деятельность мусульман, прежде всего, в сфере торговли.

Изменение социальной структуры общества и развитие капиталистических отношений во второй половине XIX в. требовали от мусульман изменения системы образования в соответствии с тенденциями эпохи. На это обращала внимание буржуазия, которая была не удовлетворена программой обучения в традиционных учебных заведениях[274]. Представители мусульманской буржуазии финансировали новометодные школы при условии введения в них светских дисциплин. Хорошо известен негативный ученический опыт знаменитого оренбургского купца А. Хусаинова (1837–1906): за четыре года пребывания в кадимистской школе будущий купец не смог научиться читать и писать свое имя из-за отсутствия порядка и системы обучения[275].

Откликнувшиеся на этот социальный запрос богословы, педагоги-новаторы полагали, что знание русского языка являлось необходимым для всех категорий мусульманского населения: духовенства, купечества и крестьянства[276]. На русском языке выходили государственные и частные газеты, публиковалась деловая и правовая информация, законодательные новации. Знающие русский язык муллы могли бы представлять интересы своих сообществ в органах

---

[274] Данный вывод подтверждается и более широкими наблюдениями по Волго-Уральскому региону: Л. А. Ямаева прямо связывает финансовую поддержку новометодных школ с требованием включения светских дисциплин, а Д. Росс показывает, что братья Хусаиновы финансировали строительство школ и оплату труда учителей не только в Казанской, Оренбургской и Уфимской губерниях, но и в ряде городов Средней Азии, где имели торговые интересы (Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. С. 108; Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 153).

[275] Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. С. 108.

[276] Юзеев А. Н. Проект реформы мусульманского образования Х. Фаизхана // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12, № 1. С. 186; Хабутдинов А. Ю. Реформы образования у мусульман Российской империи нового времени: от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского. С. 13.

светского сельского самоуправления, сохраняя свою легитимность в глазах верующих[277].

Социальные изменения пореформенного периода – рост торгово-предпринимательской активности, включение мусульман в новые формы хозяйственной и общественной жизни, расширение контактов с губернской администрацией и земскими институтами – формировали запрос на иной тип образования. Мусульманская школа должна была не только сохранять религиозную традицию, но и давать навыки, необходимые для участия в меняющемся социально-экономическом пространстве империи: знание русского языка, счёта, основ географии, истории и деловой коммуникации.

Таким образом, новый образовательный запрос возник не изолированно, а как следствие изменений в социальной и экономической структуре мусульманских общин губернии. Развитие торговли, предпринимательства, благотворительных практик и контактов с административными институтами требовало от выпускников мусульманских школ не только религиозной подготовки, но и практических знаний, необходимых для ориентации в позднеимперском обществе. Именно это обстоятельство создавало почву для восприятия джадидских идей.

2.2. Государственная политика в области образования и «мусульманский вопрос»

Имперская образовательная политика создавала для мусульманских общин двойственную ситуацию: с одной стороны, государство стремилось контролировать конфессиональную школу, с другой – новые социальные условия требовали расширения образовательного содержания за счет светских знаний. Именно в этом пространстве между государственным контролем, внутренними запросами мусульманских общин и деятельностью реформаторов формировалась почва для распространения новометодного обучения.

---

[277] Ross D. Tatar Empire: Kazan’s Muslims and the Making of Imperial Russia. P. 193.

Так называемый мусульманский вопрос – это вопрос о положении уммы и её роли в российском многоконфессиональном обществе и Российском государстве. Он ставился, осмысливался властью и получал со стороны политических кругов ответы, соответствующие меняющимся историческим обстоятельствам. На разных этапах отечественной истории они касались организации образования мусульман, управления мусульманскими общинами и политики государства в отношении мусульманского населения[278]. Нормативное оформление государственного контроля над мусульманскими общинами началось в конце XVIII в.: указ 22 сентября 1788 г. предписывал определять мулл и иных духовных чинов магометанского закона только после надлежащего испытания и утверждения наместническим правлением. Одновременно в Уфе учреждалось духовное собрание, ведавшее мусульманским духовенством, за исключением Таврической области[279].

С конца XVIII в. ислам стал важным фактором внутренней и внешней политики Российской империи. Государственные указы Екатерины II, согласно которым ислам из гонимой религии перешел в разряд терпимых, впервые провозгласили в империи веротерпимость по отношению к исламу и буддизму[280]. В то же время этот поворот к веротерпимости не означал отказа от административного надзора: уже в рамках екатерининской политики мусульманские институты включались в систему государственного управления, а создание духовных собраний рассматривалось как механизм контроля за религиозной жизнью мусульманских подданных[281].

Оценки этого изменения статуса ислама в империи порой прямо противоположны. Так, академик В. В. Бартольд отмечал политику

---

[278] Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н., Христофоров В. С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). М.: Медина, 2021. 460 с.

[279] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. С. 50–52.

[280] Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. (ПСЗ-I). Т. 19. № 13996; Ногманов А. И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13, № 4. С. 35–48.

[281] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. С. 20.

веротерпимости, проводимую со времен Екатерины II по отношению к татарам, как значимую и позитивную, и оптимистично высказывался в отношении будущего ислама [282] . А. Е. Крымский, напротив, скептически относился к возможностям исламского возрождения, считая мусульманские народы по природе малоодаренными, консервативными и фанатичными. Оценивая позицию российских властей, исследователь говорил о цивилизаторской роли империи по отношению к подданным-мусульманам, которые «пользуясь спокойствием и благами нашей культуры, понемногу примиряются с русским господством, утрачивают фанатизм и цивилизуются»[283].

Переход правящих кругов империи на путь диалога с мусульманским обществом, по мнению некоторых исследователей, был обусловлен многими причинами. Эти причины выделяет в своем исследовании Т. М. Голубкина: «Во-первых, влиянием развивающейся мировой капиталистической системы и попытками царских правителей повернуть полуазиатскую Россию лицом к Европе. Во-вторых, жесткая линия по отношению к исламу оказалась малоэффективной и бесперспективной: она создавала постоянное напряжение в обществе, приводя к открытым вооруженным выступлениям масс. В-третьих, дальнейшее приращение земель и присоединение народов, прежде всего мусульманских, вынуждало самодержавное правительство искать новые формы и приемы управления мусульманскими ареалами; поиск этот продолжался и в начале XX столетия»[284]. От себя добавим, что если это и был диалог, то самое его начало, первые шаги, которые при историческом доминировании Русской православной церкви не могли вывести на ситуацию участников диалога на равных.

---

[282] Бартольд В. В. От редакции (журнал «Мир ислама») // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 265–386.

[283] Крымский А. Е. Мусульманство и его будущность. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1899. С. 118; Его же. Школа, образованность и литература у российских мусульман // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 1–22.

[284] Голубкина Т. М. Самодержавие и мусульмане Среднего Поволжья в конце XIX в. – 1917 г.: по материалам Казанской, Самарской, Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2005. 207 с.

Поиск оптимальных решений мусульманского вопроса имел непосредственную связь со сферой образования. Показательно, что в Оренбургском крае к середине XIX в. государственные образовательные проекты уже учитывали мусульманские и тюркские группы региона: в Неплюевское военное училище принимались дети киргизов[285], мещеряков, тептярей и других «азиатцев» Оренбургского края, а в «азиатском отделении» преподавались русский, персидский, татарский и арабский языки, арифметика, геометрия, география, история и естествознание[286].

В Самарской губернии в области образования в целом и мусульманского образования, в частности, происходили серьезные изменения, которые можно обозначить частью той политики, которая проводилась во второй половине XIX – начале XX в. имперской властью. Ещё до реформ Александра II власть использовала образование как инструмент подготовки лояльных специалистов из мусульманского населения: в 1840-х гг. на счёт государственного казначейства были отнесены расходы на отправление двадцати «магометанских детей» Оренбургской губернии в Первую Казанскую гимназию и Казанский университет для обучения медицине[287].

Назревшие ко времени правления императора Александра II реформы, получившие в историографии название Великих, включали в себя резкие сдвиги в сфере просвещения и образования. Правовые основы школьной политики, в том числе по отношению к мусульманам, были документированы на самом «верху» 26 марта 1870 года в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» [288] . «Правила» были утверждены императором Александром II. Принятие первого и наиболее значимого акта – «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870) сопровождалось длительным

[285] Исторический этноним «киргизы» в источниках XIX в. обозначал казахов.
[286] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях / сост., автор вступ. статей и примечаний Ф. Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. С. 384–385.
[287] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. С. 135.
[288] О мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Сборник постановлений Министерства народного просвещения: в 17 т. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. Т. IV. Стб. 1556–1557.

обсуждением (началось в 1867 году), в котором принимали участие чиновники Министерства народного просвещения, попечители учебных округов, представители прогрессивной общественности, религиозные деятели, миссионеры и педагоги, объединенные в специальную комиссию[289].

Появление этого документа было обусловлено задачами государственной политики: по мнению властей, предстояло решать вопросы сближения российских мусульман с другими подданными империи, интегрируя их в единое социокультурное пространство. Механизм этого процесса мыслился посредством изменений в образовательной сфере[290]. При этом государственная политика не сводилась только к принуждению: законодательство признавало существование мусульманских училищ как особых учреждений; например, в 1850 году дома, где с разрешения правительства размещались магометанские училища Оренбургского края, были освобождены от натуральной квартирной повинности[291].

Устоявшаяся система мусульманских духовных учреждений имела специфические региональные черты, связанные с особенностями вхождения разных территорий с мусульманским населением в состав империи. Например, духовные управления (как суннитское, так и шиитское), подведомственные государственной администрации края, руководили образовательными процессами на территории Кавказа. В Туркестанском крае специального органа по управлению мусульманами не создавалось, важные вопросы жизни

---

[289] Городенко Д. В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 62–67.

[290] Процесс регулирования деятельности инородческих школ продолжился впоследствии: Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев: [утверждены 26 марта 1870 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1874. Т. 45, отд-ние 1. № 48185; Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. и 2 января 1907 г. Оренбург: Паровая типография т-ва печати Каримов, Хусаинов и К, 1907. 8 с.; Правила о начальных училищах для инородцев: [утверждены министром народного просвещения 14 июня 1913 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1913. Новая серия. Ч. 47, № 9 (сентябрь). Отд. 1 (Правительственные распоряжения). 7 с. См.: Ценюга С. Н. Нормативно-правовое обеспечение деятельности национальных школ в России в пореформенный период (1860–1917 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 2. С. 30–39.

[291] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях / сост., автор вступ. статей и примечаний Ф. Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. С. 392.

мусульманской общины определялись местными властями, которые подчинялись Военному министерству Российской империи. На территории Европейской части страны и в Сибири духовная жизнь мусульман управлялась Оренбургским и Таврическим муфтиятами, которые курировались Министерством внутренних дел[292].

Следует отметить, что к интересующему диссертанта периоду российская система образования характеризовалась разделением религиозного и светского компонентов[293]. В мусульманском образовании организация процесса начиналась с уровня мектебе и далее переходила к медресе. Но нельзя не учитывать воспитание в семьях, осуществляемое в духе мусульманской традиции, особенно в тех семьях, где был соответствующий уровень исламской грамотности (в первую очередь, семьи имамов). Часть обучающихся в мектебе переходила в медресе, а наиболее способные к усвоению знаний имели возможность обучения у мусульманских ученых либо в России, либо за её пределами.

Мусульманская часть населения России обучалась в XIX – начале XX в. в учебных заведениях ряда учебных округов[294]. Ранее, согласно Указу императора Александра I от 24 января 1803 г. «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний» среди вновь созданных шести округов был Казанский, в который входили учебные заведения Самарской губернии. В год основания учебных округов их насчитывалось 6, в начале XX в. – 12, а в 1915 г. – 15. Понятно, что мусульмане, обучающиеся в Самарской

---

[292] Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX века). М.: Изд-во МГЛУ, 2004. С. 254–297.

[293] Под разделением религиозного и светского компонентов в образовательной политике понимается существование разных институциональных режимов обучения: конфессиональная школа сохраняла религиозно-правовую и языковую традицию, тогда как государственные и земские учебные заведения ориентировались на общеобразовательные дисциплины, русский язык и административно контролируемую программу обучения.

[294] Учебные округа как административно-территориальные единицы возглавлялись попечителями из числа членов Главного правления училищ, представлявшего собой совет Министерства народного просвещения, и были призваны осуществлять управление учебными заведениями Министерства народного просвещения; функция оперативного управления округом была возложена на училищный комитет.

губернии, находились под контролем соответствующих государственных структур.

Никаких радикальных мер (например, слом старой традиционной системы обучения в медресе и мектебе) по отношению к исламу властями не предполагалось. Речь шла об учреждении начальных сельских и городских русско-татарских училищ на государственные средства. В них обучающиеся должны были заниматься изучением русского языка и арифметики. В русско-татарских училищах обучение русскому языку включало разговорную практику, чтение и письмо. При этом в учебном процессе сохранялось вспомогательное использование родного языка учащихся, что позволяло сочетать задачи русификационной образовательной политики[295] с практической необходимостью объяснения учебного материала мусульманским детям. Частично средства на развитие мусульманских школ поступали от земств, созданных в условиях реформирования. Поскольку в мектебе и медресе традиционно преподавалось мусульманское вероучение, сохранение старого порядка обучения по-прежнему возлагалось на плечи приходов-махалля.

Безусловно, реформирование было бы невозможно без согласия властей, которые изначально были заинтересованы в модернизации культурной жизни тюркского населения на территории Российской империи, полагая, что этот процесс будет происходить в пророссийском ключе.

В политике властей по отношению к мусульманским образовательным институтам прослеживалась тенденция к постепенному ужесточению административного контроля. Сначала представители власти начинали вникать в возможности внедрения русского языка в мусульманскую сферу образования и отчасти поддерживали светские элементы в учебных программах медресе, что соответствовало государственным интересам. Однако после подавления Первой Российской революции от вопросов веры и образования власть перешла к рассмотрению вопросов противодействия новациям в жизни мусульманских

[295] Русификационная образовательная политика – это сочетание обучения русскому языку и чтению с вспомогательным использованием родного языка.

общин. В оценках мусульманской уммы России стали проявляться фобии. «Молодых мугаллимов» относили к смутьянам, в т. ч. при поддержке части консервативно настроенных мулл[296].

Всестороннее развитие будущей национальной интеллигенции беспокоило официальную власть, которая установила полицейский надзор за джадидами и признала их неблагонадежными[297]. Во многом такое отношение к джадидам со стороны властей можно объяснить тем, что государство не контролировало полностью всю деятельность новометодных школ. Это было новое явление в рамках религиозного образования мусульман. Светски образованные мусульмане могли более осознанно участвовать при решении ряда не только духовных, но и политических и социально-экономических вопросов жизни уммы.

Косвенно на это указывают архивные материалы жандармских управлений, позволяющие говорить о некотором уровне политической активности самарских мусульман. Например, в работе Государственной Думы проявили себя два татарина-самарца: 1) Атласов Хади Мифтахутдинович (1876–1938), который работал в Госдуме второго созыва в составе фракции «Мусульманская трудовая»; по происхождению крестьянин, окончил Буинское медресе, был муллой и 2) Миннигалеев Мингазетдин Галиаскарович (1857–?), работавший в Госдуме четвертого созыва, из крестьян, землевладелец, получивший образование в медресе. Оба депутата не входили в состав руководства фракцией, но затрагивали интересы крестьян-мусульман Самарской губернии. Для доказательности этот тезис следует связать не с оценкой персональной активности депутатов, а с общеимперской повесткой мусульманского депутатского корпуса. Р. Ф. Курмакаев, анализируя стенографические отчёты Государственной Думы, показывает, что мусульманские депутаты поднимали вопросы преподавания на родном языке, развития женского образования, отмены ограничений в отношении учительского персонала, учебников и пособий, передачи мектебе и медресе в

---

[296] См. подробнее: Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Дискурс о российских мусульманах в материалах особых совещаний 1905–1914 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 231–254.

[297] Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 51.

ведение реорганизованного ОМДС и финансирования исламских учебных заведений из государственной казны[298].

Самарские мусульмане были представлены на юбилейных торжествах по случаю многолетней службы (25 лет) муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания Мухамедьяра Султанова, что свидетельствует об их включённости в общеимперское пространство мусульманских коммуникаций, поставленных в повестку дня (образование, просвещение и благотворительность). В этом мероприятии 1911 года, уровня общероссийской уммы, участвовали известный самарский имам-просветитель Мухамет-Фатых Муртазин, самарский мещанин Сунгатулла Ханфеев и Мухамет Зариф Фахрутдинов[299]. Сам факт участия самарских представителей в таком мероприятии не доказывает их персональную позицию по каждому вопросу повестки, однако свидетельствует об их включённости в общеимперские мусульманские коммуникации. Сходный механизм обсуждения образовательной повестки виден на материалах III Всероссийского мусульманского съезда и последующих собраний учителей мектебе и медресе, где, по Р. Ф. Курмакаеву, обсуждались религиозные и школьные вопросы, введение светского образования и выработка программ для мектебе[300].

Определенную опасность власть видела также в том, что новометодные школы могли распространять пантюркистские идеи, так как одним из центров распространения реформистских идей был Константинополь, многие шакирды получали образование в Турции, в программу обучения мог включаться турецкий язык, а также предметы, которые изучались по турецким книгам[301].

---

[298] Курмакаев Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала: 1888–1917: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 55–56.
[299] Сенюткина О. Н. Архивные документы по истории взаимоотношений государственной власти и мусульманского сообщества на примере 25-летнего юбилея служения муфтия М. М. Султанова (1911 г.) // Отечественные архивы. 2022. № 6. С. 50–59.
[300] Курмакаев Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала: 1888–1917: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 101–105.
[301] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 32.

2.3. Акторы и каналы культурно-образовательного трансфера

Распространение джадидских идей осуществлялось посредством деятельности конкретных акторов: социальных групп и отдельных личностей, выступавших носителями и проводниками реформаторских идей. Выделены три взаимосвязанные группы участников перемен.

Первую влиятельную группу акторов составляла местная мусульманская буржуазия [302]. Как отмечалось ранее, пореформенный период был временем адаптации татарского купечества к новым капиталистическим условиям [303]. Предприниматели Троицка, Бугуруслана и других торгово-промышленных центров, включая самарские, осознавали, что традиционная схоластическая система образования (кадимизм) не способна подготовить кадры, необходимые для ведения современной предпринимательской деятельности. Их интерес к реформам был в первую очередь прагматическим: для успешной торгово-промышленной деятельности требовались специалисты, владеющие русским языком, арифметикой, бухгалтерским учетом, основами права и географии. Именно буржуазия стала главной движущей силой и материальной опорой джадидизма «на местах». Представители купечества (например, бугурусланские купцы М. Хасанов, Г. Хамидуллин) финансировали строительство новометодных школ, обеспечивали их учебниками, оплачивали труд учителей и учреждали благотворительные общества для поддержки образования. Показательным примером является создание в 1906 г. в Бугуруслане по инициативе торговцев попечительского общества, одной из целей которого было открытие читального зала с доступом к татарской и русской периодике, что напрямую способствовало распространению новых идей[304].

---

[302] См. глоссарий.

[303] Гибадуллина Э. М. Специфика предпринимательских практик татарского купечества г. Троицка Оренбургской губернии в условиях модернизации России (60-е годы XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 83.

[304] Гибадуллина Э. М. Мусульманская община г. Бугуруслана Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. № 1-2. С. 174.

Вторую группу составляли ведущие мусульманские интеллектуалы Российской и Османской империй, чьи труды и идеи становились известны в Самарской губернии благодаря механизмам культурного трансфера, описанным нами ранее. Идеи таких богословов и просветителей, как Ш. Марджани, Х. Фаизханов, И. Гаспринский, Р. Фахретдин, М. Бигиев, Г. Баруди, а также турецких мыслителей, например, Ахмеда Мидхата, циркулировали в регионе через периодическую печать (в частности, газету «Тарджиман» И. Гаспринского), трансграничную книжную торговлю, образовательную миграцию и личные контакты. Их работы, обосновывавшие необходимость синтеза исламских традиций и светских знаний, находили отклик у наиболее образованной части самарских мусульман.

Анализ творческого наследия российской светской интеллигенции и его оценок в историографии позволяет утверждать, что наиболее влиятельными акторами изучаемого трансфера общероссийского масштаба являлись И. Гаспринский, Дж. Валиди, Ф. Карими, Ф. Амирхан, Г. Исхаки, К. Насыри, Г. Тукай, М. Бигиев, а также Х. С. Шибай.

Назовем в первую очередь известного просветителя Исмаила Гаспринского, который в 1884 г. основал первую джадидскую школу в крымском г. Бахчисарае[305]. Свои идеи по поводу образования и общественных новаций тиражировал через популярную в мусульманской среде газету «*Тарджиман*» («Переводчик»), с материалами которой знакомились и духовные, и светские интеллектуалы региона и Самарской губернии в частности (об этом мы скажем далее).

Рассмотрим некоторые идеи И. Гаспринского в контексте проблематики диссертации. В статье «Труд и прогресс» И. Гаспринский утверждал, что науки позволяют прийти к нужным результатам в процессе трудовой деятельности[306]. В другой статье «Ислам и цивилизация» он писал о необходимости изучения наук мусульманами, о полезном влиянии ислама на развитие науки и искусства.

[305] Абдирашидов З. Ш. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. Ташкент, 2011. С. 7.
[306] Переводчик. 1883. № 15 (8 сент.).

Первый тезис И. Гаспринский пытался аргументировать посредством ссылок на хадисы: то, что мусульманин должен «учиться от колыбели до гроба», «искать знания даже в Китае»[307], а также через высказывания сподвижников пророка Мухаммада (570–632), в частности, халифа Абу Бакра (573–634) о том, что постижение наук – обязанность для каждого мусульманина.

И. Гаспринский призвал мусульман занять достойное место на поприще умственной и культурной жизни, при этом критикуя слабое владение мусульманами русским языком и отсутствие исламской интеллигенции[308]. В качестве образца для подражания И. Гаспринский привел евреев, которые сумели использовать полученные в гимназиях знания в различных областях наук, в торговле и ремесле[309]. Он настаивал на открытии «высших медресе» в Бахчисарае, Тифлисе, Казани, Оренбурге, Астрахани и др., где муллы могли бы изучать на родном языке математику, географию, историю, литературу, а также русский язык[310].

Просветитель поддерживал предложение отметить 100-летие образования Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе в 1888 г. открытием нового медресе, где кроме богословских дисциплин преподавались бы на татарском языке арифметика, география, история, основы естественных наук и российского права, а также русский язык. Оно могло бы стать образцом для преобразования всей системы религиозного просвещения России[311]. Он также предлагал открыть мусульманское ремесленное училище с обучением русскому и родному языку, а также шариату[312].

Светские представители Османской империи также внесли определенный вклад в популяризацию немусульманских учебных дисциплин. Наиболее известными акторами культурного трансфера среди турецкой светской интеллигенции были Селим Сабит Эфенди, Ахмед Мидхат, М. Дж. Нури Илери.

---

[307] Переводчик. 1883. № 16 (16 сент.).
[308] Переводчик. 1883. № 23 (18 нояб.).
[309] Переводчик. 1883. № 23 (18 нояб.).
[310] Переводчик. 1883. № 23 (18 нояб.).
[311] Переводчик. 1884. № 14 (16 апр.).
[312] Переводчик. 1884. № 29 (17 авг.).

Многие из них стали своего рода путеводителями для российских интеллектуалов. Например, идеи С. Сабита воспринял И. Гаспринский. Среди российских мусульман, имевших связи с А. Мидхатом, были Ф. Карими, которого турецкий просветитель считал своим «духовным сыном», Р. Фахретдин, который виделся лично с ним и написал книгу «*Әхмәт Мидхәт әфәнде*», а также Г. Баруди и др. Произведения А. Мидхата пользовались большой популярностью среди духовных и светских интеллектуалов Российской империи. Его работы старались издавать в крупных городах с компактным проживанием мусульман.

Следует также упомянуть уроженца Самарской губернии Фатиха Карими, который после путешествий по Европе и Османской империи и встреч с ведущими интеллектуалами своего времени, включая А. Мидхата, через свои публицистические и литературные произведения транслировал реформаторские идеи непосредственно в родном регионе.

Важное место среди внешних агентов занимает богослов-просветитель Халим Сабит Шибай[313]. Несмотря на его тесную связь с Османской империей, его идеи имели прямое отношение и к Самарской губернии. Во-первых, он был уроженцем соседней Симбирской губернии и в 1910 г. совершил большое путешествие по Волго-Уральскому региону, посетив Уфу, Самару, Казань и Симбирск, то есть центры, с которыми самарские мусульмане поддерживали теснейшие интеллектуальные и духовные связи.

Во-вторых, Х. С. Шибай активно публиковался в мусульманских журналах «Шура» и газете «Вакыт», имевших широкое хождение среди читателей в Самарской губернии. Наконец, его преподавательская деятельность в оренбургском медресе «Хусаиния», где обучались выходцы из Самарской губернии, делала его педагогические воззрения частью общего образовательного пространства региона[314]. Таким образом, Х. С. Шибая следует рассматривать как

---

[313] Халим Сабит Шибай (1883–1946) – известный учёный-богослов, педагог и журналист татарского происхождения. Автор проекта реформы исламского образования. См. подробнее биографию Х. Шибая: Сибгатуллина А. Т. «Тюркист в чалме»: Халим Сабит Шибай // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. № 2. С. 98–101.

[314] Гумеров М. М. Татарский богослов Халим Сабит Шибай (1883–1946) о реформе исламского образования: оценки отечественной и зарубежной историографии // Гусевские чтения. 2023.

важного актора трансфера, чьи идеи о реформе медресе были хорошо известны и обсуждаемы в среде местного просвещенного духовенства и буржуазии.

Третью группу формировали местные религиозные деятели, учителя и представители нарождающейся интеллигенции, которые выступали непосредственными ретрансляторами джадидских идей. Ярчайшим представителем этой группы в Самаре был имам Мухаммад-Фатих Муртазин (1886–1938)[315]. Как отмечают Ю. Н. Гусева и И. А. Зарипов, М.-Ф. Муртазин был не просто священнослужителем, но и выдающимся общественным деятелем[316]. Он являлся преподавателем в самарском новометодном медресе, председателем мусульманского благотворительного общества, а главное – основателем и издателем первого в России журнала по исламской экономике «Икътисад» (1908–1913). Будучи идеологом татарской буржуазии и членом правления кредитного банка, он на страницах своего журнала, издававшегося в Самаре, но распространявшегося по всему Волго-Уральскому региону, стремился синтезировать классическую экономическую теорию и исламское право, адаптируя их к условиям капиталистической России. Его деятельность – наглядный пример того, как внешний интеллектуальный импульс преломлялся с учётом локальных нужд и воплощался в конкретные проекты.

К этой же группе следует отнести и таких деятелей, как Хади Атласи[317] (1876–1938). Будучи депутатом Государственной Думы от Самарской губернии,

---

Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). М.: МГПУ, 2023. С. 473–482.

[315] Мухаммад-Фатих Шихабуддинович Муртазин (1886–1938) – религиозный и общественный деятель, педагог и просветитель. Получив образование в медресе Буинска, он занял пост имама Соборной мечети Самары и мударриса Самарского медресе, которое под его руководством стало одним из ведущих учебных заведений Поволжья благодаря введению светских дисциплин. Активно занимался издательской деятельностью, редактируя первый экономический журнал на татарском языке «Икътисад», и возглавлял Татарское мусульманское общество.

[316] Гусева Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 164–165; Зарипов И. А. «Икътисад» – первый российский журнал по исламской экономике // Филология и культура. 2013. № 1. С. 194.

[317] Атласов Мухаммад-Хади (Хади Атласи) Мифтахутдинович (1876–1938) – историк, педагог, религиозный и общественный деятель, один из основоположников татарской исторической науки. Получил образование в медресе «Нургали» и на педагогических курсах, владел

он прекрасно понимал необходимость перемен для выживания и развития нации. Его педагогическая деятельность в Бугульминском уезде Самарской губернии, где он курировал народное образование в земстве и преподавал на учительских курсах, была направлена на подготовку нового поколения учителей[318]. Х. Атласи настаивал на важности светского, практико-ориентированного образования, которое бы воспитывало в молодежи национальное самосознание и давало знания, «приложимые к жизни»[319]. Его интерес заключался в формировании образованной нации, способной занять достойное место в многонациональной империи[320].

Те имамы, кто был настроен на активное развитие медресе, открыто говорили, что средств от земств на мусульманское образование должно поступать больше. Например, «по Бугульминскому уезду новые муллы, всего около 104 человек (*джадиды* – авт.), стараются настаивать на получении денег от Земства на содержание татарских школ, говоря, что наши деньги идут на русские школы, а нам не дают и что поэтому не следует платить Земских сборов...»[321].

Источник фонда Самарского ГЖУ дает нам имена наиболее активных желающих получать больше средств на развитие мусульманского образования в медресе Бугульминского уезда. Среди них: Ахметзянов (мулла 3-й мечети деревни Тумутуку), Шангареев (д. Еланкуля), Ахмед-Заки Галиакбетов (д. Куптяки), Мирзаит Миннигалямов (д. Соксуль), Нурутдин Ахметшин (д. Сарлы), Валиуллин (д. Верхне-Старли Миясары), Мусугут Габайдуллин

арабским, персидским, турецким, русским и немецким языками. С 1903 года служил имамом и мударрисом в медресе деревни Альметьево (ныне г. Альметьевск), где открыл школу для девочек и внедрял джадидистские методы обучения. В 1907 году был избран депутатом II Государственной думы от Самарской губернии, входил в мусульманскую трудовую группу.

[318] Габдрафикова Л. Р. Педагоги Хади Атласи и Фазыл Туйкин глазами бугульминской молодежи конца 1910-х гг. // Роль творческой интеллигенции в сохранении и развитии национальных языков и культур народов Татарстана: сборник материалов научного семинара (Казань, 29 апреля 2025 г.). Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ, 2025. С. 190.

[319] Там же. С. 192.

[320] Мухаметдинова А. Х. Педагогическая и общественно-политическая деятельность Хади Атласи // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 11. С. 298–299.

[321] О мусульманских организациях проповедующих учение панисламизма // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393.

(д. Вайряки), Галямзир Хазиахметов (д. Кызыл-Яровая), Закир Мухаметшарапов (д. Учаллы), Закуан Елалигдинов (д. Агирова), Гаязетдин Ахретдинов (д. Нижние Суяши), Шагимайлюн Яркеев (д. Большие Сухояши), Шакир Абдулмазитов (д. Азнакаева), Арахитдин Садритдинов (д. Агирзи), Гирфан Валиулин (д. Челны)[322]. Приведенная нами информация подтверждает, что мусульмане губернии были весьма заинтересованы в дальнейшем развитии образования.

Об их заинтересованности говорит и тот факт, что книги на татарском языке выписывались имамами из Казани. Так, по донесению Бугульминского уездного исправника начальнику Самарского ГЖУ от 14 февраля 1911 года, «в деревне Байряках Чеканской волости при медресе имеется книжная лавка, где продаются книги на татарском языке, выписываемые из Казани от братьев Каримовых...»[323]. Инициатором обращения в издательство братьев Каримовых был «председатель общества прогрессистов» мулла Губайдуллин, о чем свидетельствовал самарский губернатор еще в 1908 году[324]. Уездного исправника побудил к написанию донесения арест в медресе деревни Байряков Исхака Даишева 7 февраля 1911 года, который находился под наблюдением спецслужб по делу «распространения в среде мусульман идей панисламизма». Губайдуллина подозревали в сотрудничестве с Даишевым, но, чтобы не спугнуть раньше времени, решили ограничиться сбором агентурных сведений[325].

Таким образом, взаимодействие этих трех групп акторов создавало синергетический эффект. Идеи, генерируемые внешними (российскими и зарубежными) интеллектуалами, находили в Самарской губернии благодатную почву благодаря экономическому запросу со стороны буржуазии и организационно-просветительским усилиям местного духовенства и интеллигенции. Этот процесс стал возможен благодаря эффективно работавшим каналам культурного обмена, которые связывали губернию с ведущими

---

[322] О мусульманских организациях проповедующих учение панисламизма // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393. Л. 87. Все имена и названия деревень даны согласно источнику.
[323] Там же. Л. 75.
[324] Там же.
[325] Там же. Л. 75 об.

интеллектуальными центрами мусульманского мира России и Османской империи.

Для совершенствования мусульманского образования в рассматриваемый период были актуальны следующие виды культурного трансфера: хадж, путешествия, пресса, обучение российских мусульман за рубежом, общественные мероприятия и суфийские сети. Именно эти проявления межкультурных коммуникаций позволили преподавателям медресе и мектебе Самарской губернии обогатить содержание учебного процесса, скорректировать учебную документацию, получить возможности копирования опыта мусульманских ученых, общественных деятелей и простых мусульман.

Важным каналом культурного обмена между интеллектуалами Российской и Османской империй являлся хадж, путешествия в направлении Мекки и Медины. Его важность как коммуникативной практики не следует недооценивать, учитывая, что количество паломников в Хиджаз из России к концу XIX – началу XX в., пусть постепенно, но увеличивалось [326] . По данным российского консульства в Джидде, число российских паломников в 1901 г. составляло 6 тыс.[327], а в 1902 г. – уже 16 тыс. чел.[328]

Именно во время своей поездки в хадж в 1869 г. З. Расулев посетил Стамбул[329], встретился с известным турецким шейхом ордена Накшбандия ветви Халидия Ахмадом Гюмюшханеви и получил у него разрешение (иджаза) на преподавание исламских наук и на духовное воспитание учеников (муридов)[330].

---

[326] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 8.

[327] Определение точного количества паломников из России в конце XIX – начале XIX в. является практически невозможным из-за отсутствия у некоторых хаджиев паспортов, слабой статистики, хаотичного движения паломников. См. подробнее: Нуриманов И. А. Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. С. 74–90.

[328] Нуриманов И. А. Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. С. 80.

[329] Tuna M. Madrasa reform as a secularizing process: A view from the late Russian empire. P. 548.

[330] Исследователи отметили, что А. Гюмюшханеви разработал свою систему воспитания «совершенного человека», в которой обращалось внимание на социальную сторону жизни личности. См. подробнее: Азаматов Р. И. Краткая биография духовного наставника башкирского суфийского шейха Зайнуллы ишана Расулева (1833–1917) Ахмада Зияуддина

И. В. Зайцев упомянул А. Гюмюшханеви в качестве учителя Г. Баруди[331]. В 1886 г. Баруди отправился в хадж через Стамбул и имел личную аудиенцию с учеными Османской империи, с которыми обсуждал перспективы реформирования мусульманского образования[332].

В своих записках «Возвращение из хаджа» (год издания не найден – М. Г.) уфимский *муаллим* Зуфар Касыйми высказал свое мнение по проблемам просвещения в мусульманском мире. На его взгляд, имам-хатибы Мекки и Медины не блещут знаниями и образованностью, т. к. духовный пост здесь передавался по наследству, но отмечал Египет как место учености. Если бы османское правительство построило там специальное учебное заведение и обязало бы всех священнослужителей его закончить, то уровень их подготовки был бы гораздо выше. По дороге в Суэц Зуфар Касыйми беседовал с одним турецким пашой об арабских шейхах, школах, торговле и земледелии в Хиджазе[333].

Путешествия россиян были важным механизмом культурного обмена с турецкими интеллектуалами. За путешествиями часто следовала переписка по итогам приобретения новых знакомств. Впечатления, обретенные в результате хаджа и выездов за пределы России, находили отражение в литературных произведениях, позволяли обогащаться интересными мыслями единоверцев, привозить необходимую литературу, а также глубже изучать систему образования за рубежом.

Например, известный татарский писатель уроженец Самарской губернии Ф. Карими путешествовал по Европе в 1899 г. и был впечатлен тем количеством светских дисциплин, которыми овладевают студенты. Посетив французский г. Кулон, Ф. Карими был удивлен, что к 17 годам учащиеся коммерческих школ

Гюмюшханеви (1813–1893) // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев: материалы Международной научной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 23.

[331] Зайцев И. В. Указ.соч. С. 14.

[332] Tuna M. Madrasa reform as a secularizing process: A view from the late Russian empire. P. 557.

[333] Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 81.

успевают получить знания по трем иностранным языкам (французский, английский, немецкий), специализированным дисциплинам в коммерческой сфере (искусство, история и правила торговли, статистика, банковское дело и др.). В гимназиях преподавались история, география, химия, зоология, музыка и др.

В своем произведении «Путешествие по Европе» (1902) писатель пришёл к неутешительным оценкам системы просвещения в Российской империи [334]. А. А. Гатин, один из исследователей творческого наследия Ф. Карими, отметил, что писатель решил опубликовать эту книгу, чтобы обратить внимание на имеющиеся недостатки в татарском обществе того времени и подвигнуть сознание мусульман к просвещению и прогрессу[335].

Ф. Карими описал свое путешествие в Бахчисарай в 1903 г. по случаю собрания в честь 20-летия газеты «*Тарджиман*» [336], важность которой в деле распространения идей джадидизма сложно переоценить. Мероприятие было масштабным, туда приехали турки, арабы, представители мусульман Волго-Уральского региона, Кавказа, Крыма и Киргизии[337].

Свой путь Ф. Карими начал из Оренбурга, где беседовал с местными мусульманами и обратил внимание на то, что они в основном занимаются продажей натуральных продуктов и изделий. Он заметил, что такого рода торговлей мусульмане занимаются в ограниченном масштабе из-за незнания европейских языков и основ экономики [338]. Далее он посетил г. Бузулук (Самарская губерния), пообщался с местными имамами и увидел их поддержку идей изучения русского языка и обучения по новому методу [339]. Он посещал Самару[340], Курск[341], Харьков[342], Симферополь[343].

---

[334] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 226.
[335] Гатин А. А. Указ.соч. С. 32.
[336] Карими Ф. Фатима, дочь мурзы. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. С. 311. (на тат. яз.)
[337] Там же. С. 365.
[338] Там же. С. 315.
[339] Карими Ф. Фатима, дочь мурзы. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. С. 316.
[340] Там же. С. 317.
[341] Там же. С. 332.

Больше всего сведений о системе образования мусульман Ф. Карими получил, находясь в Стамбуле. Он посещал Галатасарайский лицей – одно из элитных средних учебных заведений Османской империи, который начал работать по французской системе образования с 1868 г.[344] Отметил ее схожесть с учебными планами гимназий Российской империи[345].

Известно о контактах Ф. Карими с Ахмедом Мидхатом, авторитетным турецким представителем из числа светской интеллигенции, который оказал значительное влияние на интеллектуалов Российской империи. Произведения А. Мидхада пользовались большой популярностью среди духовных и светских интеллектуалов Российской империи. Его работы старались издавать в крупных городах с компактным проживанием мусульман. Так, например, книга «*Kissadan hisse*» («Выводы из притч», 1870) вышла в «Типографии братьев Каримовых» в Казани[346]. Труды А. Мидхата производили сильное впечатление на татар и башкир.

Необходимо также отметить, что А. Мидхат издавал свою газету «*Таржеман-ы хакикат*» («Переводчик истины», с 1878). Исследователи отмечают, что эта газета привлекала внимание мусульман Волго-Уральского региона Российской империи и сохраняла данный статус до появления «*Таржемана*» И. Гаспринского. Так, например, в письме от 16 марта 1881 г. известный золотопромышленник и меценат из Оренбурга Шакир Рамиев (1857–1912) писал своему младшему брату Закиру Рамиеву (1859–1921), что они с

---

[342] Там же. С. 335.
[343] Там же. С. 351.
[344] Şişman A. Galatasaray Mekteb-i Sultânîsi // TDV İslam Ansiklopedisi. 1996. C. 13. S. 324.
[345] Карими Ф. Фатима, дочь мурзы. Избранные произведения. С. 300. (на тат. яз.). В Галатасарайском лицее изучались: всеобщая история, география, химия, математика, космография, рисование, природоведение, история Османской империи, французский, английский, армянский, немецкий, латинский и греческий языки. Зарубежные авторы отмечают, что еще имелись дисциплины по физике, управлению имуществом, ораторскому искусству и литературе, бухгалтерскому учету (Şişman A. Galatasaray Mekteb-i Sultânîsi // TDV İslam Ansiklopedisi. 1996. C. 13. S. 324).
[346] Bargan H., Gilazov T. S. Әхмәт Мидхәт Әфәнде һәм идел-урал төркиләре // Tatarica. 2014. № 1. С. 62.

увлечением читают «*Таржеман-ы хакикат*», и просил присылать ему экземпляры газеты при каждом удобном случае[347].

А. Мидхат контактировал с Ф. Карими, которого он называл «своим духовным сыном»[348]. Находясь в Стамбуле, Ф. Карими регулярно посещал А. Мидхата по пятницам и получал от него советы[349]. В письме на имя Ф. Карими А. Мидхат писал: «Я очень рад, что отношение к газете положительное. Чувствуя глубокую благодарность и имея такую огромную любовь и внимание со стороны общества, живущего очень далеко от нас, мы намерены работать еще усерднее»[350].

После возвращения на родину Ф. Карими продолжил переписку с А. Мидхатом. В одном из таких писем от 28 марта 1898 г. турецкий писатель выразил следующую мысль: «…мне приятно слышать о стремлении российских мусульман к совершенствованию и развитию. Надеюсь, вы помните те дни в карантинном офисе, когда у нас была назначена встреча в школе Мулкиа. Может быть, вы помните мои слова о возвращении на родину после получения образования. Тогда я хотел, чтобы вы вернулись в Россию и служили своему народу, обучая своих единоверцев…»[351].

Какие же советы мог дать А. Мидхат «своему духовному сыну»? Каких воззрений придерживался турецкий писатель? Будучи автором ряда статей по математике, химии, экономике, философии, истории, географии, праву и просвещению, турецкий писатель пытался привлечь внимание к проблемам не только духовного, но и светского образования. Эти вопросы он поднимал в своих произведениях. Одной из таких работ является упомянутое нами ранее произведение «*Kissadan hisse*» («Выводы из притч», 1870), в которой А. Мидхат приводил поучительные рассказы зарубежных мыслителей и выводил из них

---

[347] Bargan H., Gilazov T. S. Әхмәт Мидхәт Әфәнде һәм идел-урал төркиләре // Tatarica. 2014. № 1. С. 65.
[348] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 107.
[349] Bargan H., Gilazov T. S. Әхмәт Мидхәт Әфәнде һәм идел-урал төркиләре // Tatarica. 2014. № 1. С. 67.
[350] Там же. С. 66.
[351] Там же. С. 67.

мораль. Например, в притче «*Sabırsızlık*» («Нетерпение», 1870) он сослался на выдержку из рассказа «Приключения Телемака» французского писателя и педагога Франсуа Фенелона (1651–1715). Эта притча повествует о медведице, которая родила уродливого детеныша и хотела его убить, не желая показывать его миру, но перед этим решила посоветоваться с вороной, которая рекомендовала медведице проявить терпение и вылизывать детеныша. Медведица последовала этому совету, и вскоре детеныш стал красивым. В итоге медведица была очень счастлива. Мораль такова: ребенок, рожденный с недостатками, может стать прекрасным, благодаря образованию. Если родители будут воспитывать и образовывать своего ребенка, то рано или поздно результат будет таким, что они будут им гордиться[352].

В другой притче «*El elden üstündür arşa çıkınca*» («Рука будет выше руки, взойдя на трон», 1870) А. Мидхат обратился к древнегреческому поэту и философу Эзопу (около 600 г. до н. э.). В этой притче повествуется о путнике, который сидел рядом с колодцем и, увидев, что в его сторону идет бандит, начал плакать. Когда бандит решил поинтересоваться, почему путник плачет, последний ответил, что уронил в колодец золото. Бандит, услышав это, оставил свое оружие и полез в колодец. Пока он лез вниз, путник украл оружие «своего помощника» и убежал прочь. А. Мидхат подчеркнул, что на самом деле быть умным и способным – самое великое оружие человека, и тот, кто сможет грамотно использовать данное оружие, тот сможет спастись от самых опасных врагов[353]. Он отметил важность умения формировать в себе проницательность, способность анализировать, критическое мышление, так как некоторые верующие по своей наивности, желая делать добрые дела, могут оказаться жертвами нечистоплотных людей.

Интересным с точки зрения необходимости приобщения к науке является роман А. Мидхата «*Paris'te Bir Türk*» («Турок в Париже», 1876). Это история журналиста и писателя Насуха, который отправился на корабле из Стамбула во

[352] Ahmet Mithat Efendi. Kissadan hisse. S. 12.
[353] Ibid. S. 40.

Францию, чтобы познакомиться с западным миром. В процессе путешествия он знакомится и беседует с людьми разных национальностей. Описывая главного героя, А. Мидхат пытался показать преимущества и недостатки Востока и Запада. Преимуществом западного мира он считал то, что Франция ушла далеко вперед в плане развития науки и техники[354]. В четвертой части книги главный персонаж восхищается философией и Парижской библиотекой[355]. Некоторые исследователи пришли к выводу о том, что таким образом А. Мидхат призывал к созданию новой цивилизации, основанной на достижениях науки и техники[356].

Турецкий писатель обратил внимание на изучение иностранных языков. В романе «*Jön Türk. Millî, İçtimai ve Siyasi Roman*» («Младотурок. Национальный, гражданский и политический роман», 1910) Аише – одной из героинь произведения – отец настоятельно рекомендует изучать французский язык[357].

В другом романе «*Acâib-i Âlem» (Dünyanın Olağanüstülükleri)* («Чудеса света», 1882) А. Мидхат привел рассказ о судьбе Супхи Бея, который решился отправиться в самый северный регион мира, чтобы удовлетворить свой интерес к науке. Супхи Бей настолько увлечен наукой, что другой формы любви не знакомы его сердцу. Для него каждая наука – это путь к достижению «подлинной цели»[358]. Главный герой увлечен арифметикой, геометрией, космографией, астрономией[359], устройством воздушных шаров[360]. В этом романе А. Мидхат также обратил

[354] Ahmet Mithat Efendi. Paris'te Bir Türk. Derleyen: Prof. Dr. Kemal Timur. Ankara: Elips Kitap. 2017. S. 116; Öztürk Z. Ahmet Mithat Efendi'nin Paris'te bir türk adli romaninda oryantalist ve oksidentalist izler // Journal of International Social Research. 2017. C. 10, issue 48. S. 99–105.
[355] Ahmet Mithat Efendi. Paris'te Bir Türk. S. 502.
[356] Öztürk Z. Ahmet Mithat Efendi'nin Paris'te bir türk adli romaninda oryantalist ve oksidentalist izler // Journal of International Social Research. 2017. C. 10, issue 48. S. 105.
[357] Ahmet Mithat Efendi. Jön Türk. Millî, İçtimai ve Siyasi Roman. Sadeleştiren: Prof. Dr. Kemal Timur. Ankara: Tema Yayınları, 2022. S. 65.
[358] Ahmet Mithat Efendi. Acayib-i Âlem. Sadeleştiren: Prof. Dr. Kemal Timur. Ankara: Tema Yayınları, 2019. S. 18.
[359] Ibid. S. 22.
[360] Ibid. S. 27.

внимание на изучение немецкого языка[361]. Автор подчеркнул, что учитель, благодаря науке и философии, приносит пользу детям, расширяя их сознание[362].

В романе турецкого писателя «*Rikalda yahut Amerika'da Vahşet Âlemi*» («Рикальда или Царство дикости в Америке», 1890) А. Мидхат привел историю перехода от примитивной жизни к цивилизации благодаря упорству и трудолюбию дикого племени ацтеков, живущего на берегах реки Миссури на севере Америки. В этом произведении говорится о том, что необходимо изучать иллюстрации, которые содержатся в путевых заметках и книгах по географии, чтобы представить себе то, что происходило в этом регионе до XVIII в.[363]

Один из главных героев романа «*Fennî Bir Roman yahut Amerika Doktorları*» («Научный роман или Американские доктора», 1889) врач из американского штата Фаррест Гриблинг после получения медицинского образования углубил свои познания в химии и физике[364].

Важной особенностью трудов А. Мидхата является то, что турецкий писатель не говорил прямо о введении светских дисциплин в религиозные учебные заведения. Он сталкивал сторонников консервативного и реформистского подходов, но не принижал достоинств тех, кто занимал позицию традиционного метода обучения.

Интерес к российским единоверцам проявлял и другой представитель турецких интеллектуалов – Мехмет Джеляль Нури Илери. В 1912 г. он решил отправиться в путешествие по территории Российской империи и странам Скандинавского полуострова, предположительно, с разведывательной миссией[365]. В 1913 г. Илери опубликовал свою работу «*Şimal Hatıraları*» («Воспоминания о севере»), подчеркивая, что «на севере есть множество уроков, которые мы могли

---

[361] Ahmet Mithat Efendi. Acayib-i Âlem. Sadeleştiren: Prof. Dr. Kemal Timur. Ankara: Tema Yayınları, 2019. S. 29.
[362] Ibid. S. 29.
[363] Ahmet Mithat Efendi. Rikalda yahut Amerika'da Vahşet Âlemi. Sadeleştiren: Prof. Dr. Kemal Timur. Ankara: Tema Yayınları, 2022. S. 12.
[364] Ibid. S. 25.
[365] Сибгатуллина указывала на то, что он приезжал в Россию с целью ознакомления с жизнью российских мусульман. См. подробнее: Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 8.

бы извлечь для нашей страны, нации и правительства»[366]. Он неоднократно проводил параллели между различными областями жизни Османской и Российской империй.

Описывая жизнь в Российской империи, М. Дж. Нури Илери отметил высокий уровень живописи и музыки. Турецкий писатель также по достоинству оценил русскую литературу, желая, чтобы в Османской империи были такие же авторы, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев и Толстой[367]. Схожие рассуждения мы находим у татарского поэта Г. Тукая. Живя в разных странах, имея разный образ мышления, оба они пришли к единому выводу: развитие не только религиозных, но и других компонентов в образовании и воспитании является одной из причин прогресса нации.

М. Дж. Нури Илери позитивно оценивал положение казанских татар. Успех в экономической деятельности он отчасти связывал с тем, что татары стали заниматься торговлей[368]. Возможно, этому способствовало появление в учебных программах джадидских школ таких дисциплин, как экономика и бухгалтерский учет. В другом произведении «*Tarih-i Istikbal*» («История будущего», 1913) М. Дж. Нури Илери утверждал, что ислам не является преградой на пути прогресса, но нуждается в определенной реформе.

Другим путешественником, который посетил Российскую империю, стал государственный деятель Османской империи Махмуд Эсад Эфенди[369]. В 1913 г. он посетил многие города Российской империи[370], в особенности Волго-Уральский регион, включая Самару[371]. В Оренбургской губернии он встретился с Ф. Карими и Р. Фахретдином, с которыми обсуждал вопросы реформирования

---

[366] Celal Nuri. Şimal Hatıraları. S. 2.
[367] Ibid. S. 87.
[368] Ibid. S. 24.
[369] Махмуд Эсад Эфенди (1857–1917) – юрист, писатель и государственный деятель Османской империи в 1913–1914 гг., который в 1913 г. совершил путешествие по территории Российской империи.
[370] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 216.
[371] Сибгатуллина А. Т., Алп А. «До сих пор вы славились своим верноподданничеством и с этим прекрасным качеством не расставайтесь!» (О путешествии Махмуда Эсада эфенди в 1913 г. по России) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 3-4. С. 281.

системы исламского образования[372]. Известно также о том, что Махмуд Эсад Эфенди посещал редакции газет и медресе, основанных джадидами, встречался с купцами и такими представителями джадидизма[373], например с Г. Баруди[374].

Важную роль в развитии джадидизма в Османской империи сыграл один из самых популярных богословов турецко-исламской мысли, член суфийского ордена Накшбандия Муса Казым Эфенди[375]. Он принимал активное участие в деятельности Комитета «Единение и прогресс»[376] и стал ярким представителем учёных прогрессивного типа в Османской империи[377].

На М. Бигиева большое впечатление произвело путешествие по исламским странам в 1898–1904 гг. Подобного рода путешествия мы можем отнести к личным мероприятиям.

Образовательные миграции. Интерес к образованию за рубежом среди российских верующих возрастал в связи с ростом социального запроса и формированием современных каналов коммуникаций (развитие сети железных дорог, пароходства) [378] . Точные количественные масштабы образовательной миграции применительно к Самарской губернии установить сложно. Поэтому

---

[372] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 214–214об.

[373] См. подробнее: Сибгатуллина А. Т., Алп А. «До сих пор вы славились своим верноподданничеством и с этим прекрасным качеством не расставайтесь!» (О путешествии Махмуда Эсада эфенди в 1913 г. по России) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 3-4. С. 280–284.

[374] Хутарев-Гарнишевский В. В. «Прежние цели теперь не имеют значения». Путешествие в Россию турецкого министра-панисламиста Махмуда Эсада летом 1913 г. в освещении царской полиции // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 57.

[375] Муса Казым Эфенди (1858–1920) – видный османский богослов, реформатор и государственный деятель, дважды занимавший высший религиозный пост шейх уль-ислама Османской империи (в 1910–1911 и 1916–1918 годах).

[376] «Единение и прогресс» – политическая организация в Османской империи в 1880-х – 1920-х гг., основанная в 1889 г. в форме тайного комитета с целью борьбы против режима султана Абдул-Хамида II и установления конституционного строя. В Европе её участники именовались «младотурками». В результате Младотурецкой революции 1908 г. и свержения Абдул-Хамида II в апреле 1909 г. «Единение и прогресс» пришла к власти и позднее действовала как политическая партия – Комитет «Единение и прогресс». Неудачи в Первой мировой войне привели к снижению популярности партии и ее роспуску в 1918 г.

[377] Koca F. Mûsâ Kâzım Efendi // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. 2020. C. 31. S. 222.

[378] Как показала Айлин Кейн, эти изменения имели решающее значение и для масштабирования хаджа, включения Российской империи в процессы международных паломнических перевозок (Кейн А. Российский хадж: империя и паломничество в Мекку / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 289 с.).

этот канал следует рассматривать как качественно значимый, подтверждаемый биографическими и институциональными примерами. В. И. Башаран отмечает, что с конца XIX в. османские школы и университеты предлагали как религиозное, так и современное светское образование, а татарская молодёжь, возвращаясь на родину, преподавала в мусульманских школах по турецким книгам и учебникам[379]. Особенно активно российские мусульмане начали поступать в турецкие учебные заведения после революции 1905 г.[380] При этом различные благотворительные организации оказывали финансовую поддержку студентам Волго-Уральского региона для получения не только религиозного, но и светского образования. Л. А. Ямаева отмечала деятельность Троицкого благотворительного общества приказчиков, которое платило стипендии мусульманской молодежи, стремившейся получить светское образование за рубежом. Одним из стипендиатов стал Хабиб Зайниев, который обучался в Стамбульском педагогическом институте[381]. В лавке троицкого купца Хабибуллы Ибрагимова находились тысячи экземпляров книг, изданных в Константинополе[382].

Молодые люди, получившие образование в Османской империи, возвратившись на Родину, часто вели занятия в мусульманских школах по турецким книгам и учебникам[383]. К таковым, например, можно отнести сына татарского богослова Нургали Хасанова (1852–1919)[384] – Гаясетдина Хасанова (1889–1937)[385], который после завершения обучения в Стамбуле летом 1911 г. вернулся на родину и начал преподавательскую деятельность[386].

---

[379] Башаран В. И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1, № 4. С. 117–118.

[380] Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 100.

[381] Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). С. 202.

[382] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 48.

[383] Башаран В. И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект. С. 118.

[384] Нургали Хасанов (1852–1919) – мусульманский ученый-богослов, который реформировал медресе г. Буинска в 1906–1910 гг.

[385] Гаясетдин Хасанов (1889–1937) – педагог, религиозный деятель, который посетил в 1906 г. вместе с отцом Стамбул. Учился в Стамбульском университете, позже в Мекке и Медине. Был

Необходимо отметить, что литература, не только художественная, но и учебная, одновременно являлась важным инструментом обмена информацией и формирования настроений среди мусульман. Именно через литературу часто транслировались те идеи, которые влияли на сознание верующих. Однако следует отметить, что объем литературы для обучения в медресе Волго-Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в. был явно недостаточным. К тому же и качество желало лучшего.

На это обращали внимание и современники. В частности, М. Бигиев призывал исправить данную ситуацию: «…если мы начнем новый этап в истории нашей литературы с низкопробных рассказов, написанных некорректным языком, с романов, которые изощряются в деле описания лжи и бесстыдства… то будущее нашей литературы и будущее нас самих будет очень плохим»[387].

В коллективе учебного заведения оренбургского медресе «Хусаиния» имелись преподаватели, получившие образование в Константинополе [388] . В частности, выпускник Турецкого университета Назиб Ниязов преподавал турецкий язык[389]. Это неудивительно, так как известно, что с конца XIX в. школы и университеты Османской империи предлагали религиозное образование и соответствующие своему времени светские знания иностранцам[390].

Кроме Стамбула, российские мусульмане обучались и в других частях Османской империи. Так, например, штабс-капитан А. Давлетшин (1861–1920)[391], посетивший Хиджаз в 1898 г., дал следующую характеристику шакирдам Медины, среди которых были и студенты из Российской империи: «Я убедился,

---

знаком с Х. С. Шибаем, который в то время был студентом Стамбульского университета. См.: Амишов Р. И. Татарский богослов Нургали Хасанов. Казань: Магариф – Вакыт, 2022. С. 226.

[386] Амишов Р. И. Указ.соч. С. 41.

[387] Бигиев М. Некоторые актуальные проблемы нашего общества. С. 61.

[388] Валидов Дж. Указ. соч. С. 88.

[389] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 210.

[390] Башаран В. И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект. С. 117.

[391] Абдулазиз Абдуллович Давлетшин (1861–1920) – российский военный востоковед, генерал-майор родом из Оренбургской губернии. Служил в Кавказском и Туркестанском военных округах, Генеральном штабе; знал арабский и турецкий языки. Официально целью поездки А. Давлетшина в 1898 г. в Хиджаз было совершение хаджа. Но, по сути, он собирал информацию о происходящем в регионе в разведывательных целях.

что здешние наши учащиеся выгодно отличаются от своих собратий из бухарских медресе: у них не заметно такого крайнего фанатизма и невежественного презрения ко всему, что не входит в сферу шариата, и ко всем, кто строго не следует по его узкому пути; питомцы Медины имеют значительно более широкий кругозор, более правильные взгляды и всем интересуются»[392].

Ш. Марджани считал, что в Египте и Турции можно получить более качественное образование, нежели в России, и светским наукам там уделялось куда большее внимание, поэтому отправил сына Бурхан ад-Дина на учебу в Стамбул[393]. Р. Фахретдин отметил, что к началу XX века в Стамбуле, Каире и Хиджазе существовали целые сообщества башкирских и татарских студентов[394].

Обучение мусульман Волго-Уральского региона в Османской империи можно рассматривать как один из важнейших каналов трансфера идей о совершенствовании мусульманского образовательного поля.

Известно, что Ф. Карими, будучи выходцем из Самарской губернии, получал образование в Османской империи[395]. Кроме него были и другие студенты из Волго-Уральского региона (включая Самарскую губернию), которые регулярно получали образование в Османской империи и обучались различным светским и духовным наукам[396]. Он также преподавал в медресе «Хусаиния», где обучались шакирды из Самарской губернии[397]. Далее выпускники этого медресе совершенствовали свои знания в Египте, Турции, Бейруте, а потом преподавали на родине[398]. Это косвенно указывает на то, что среди преподавателей,

---

[392] Хадж российских мусульман. № 2. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже / сост. и ред. И. А. Нуриманов. Н. Новгород: Медина, 2009. С. 45.
[393] Фахреддин Р. Кутуб ситта и их составители. С. 62.
[394] Там же. 61.
[395] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 20.
[396] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 625. Л. 32.
[397] О состоянии культпросветработы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 15.
[398] Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 72.

вернувшихся в Поволжье (включая Самарскую губернию), были те, кто прошел обучение в Турции.

Помимо книг, в Волго-Уральском регионе имели активное хождение различные газеты, изданные в Турции[399] и в других частях Российской империи, прежде всего в Крыму. Для Самарской губернии корректнее говорить не о прямой массовой доступности такой литературы, а о ее циркуляции через грамотную часть мусульманского населения. Данные переписи 1897 г. показывают, что среди мусульман губернии насчитывалось свыше 71 тыс. грамотных лиц, а среди носителей турецко-татарских языков – более 68 тыс. грамотных «на других языках»[400]. Это позволяет предположить наличие устойчивой читательской среды, однако не дает оснований утверждать, что периодика была доступна большинству мусульманского населения напрямую. Более корректно говорить о распространении через грамотных посредников – улемов, мугаллимов, шакирдов, торговцев и посетителей читален. Д. Росс отмечает хождение османских газет в мусульманских регионах России, а также возможность чтения российской прессы теми улемами, которые владели русским языком; кроме того, в Апанаевское медресе поступали османские газеты и романы, которые привозили казанские книготорговцы, регулярно ездившие в Стамбул за новейшей литературой на турецком и арабском языках[401].

Сложно переоценить важность газеты И. Гаспринского «*Тарджиман*» в деле распространения идей джадидизма[402]. Она издавалась с 1883 по 1914 г.,[403] стала одним из источников информации по новометодному обучению для мусульман Волго-Уральского региона и Средней Азии. Даже современники

---

[399] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 625. Л. 75.
[400] См. приложение 4.
[401] Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 142, 156.
[402] Об этом свидетельствуют исследования современных авторов: см., например, Абдирашидов З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. Ташкент: Akademnashr, 2011. 374 с.
[403] Lazzerini E. J. Gadidism at the turn of the twentieth century: a view from within // Cahiers du Monde russe et sovietique. 1975. Vol. 16, No. 2. P. 248.

отмечали исключительно важную роль данной газеты в деле развития идей джадидизма[404].

Сам Исмаил Гаспринский бывал в Нижнем Новгороде на Всероссийских мусульманских съездах[405], где рассказывал о своей газете. Постепенно газета «*Тарджиман*» стала пользоваться большой популярностью и доходила до башкирских и татарских деревень Волго-Уральского региона[406]. Д. М. Исхаков отмечает также то, что до начала XX в. из-за отсутствия собственной периодики мусульмане Волго-Уральского региона были активными читателями «*Тарджимана*» И. Гаспринского и выписывали газеты и журналы из других стран (в частности, из Османской империи)[407]. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. позволяют уточнить масштаб потенциальной читающей аудитории в Самарской губернии. По данным приложения 4, среди «магометан» губернии грамотными были 38 348 мужчин и 33 228 женщин, то есть всего 71 576 человек из 288 655 мусульманского населения. Следовательно, мусульманская периодика и литература не могли быть одинаково доступны всей умме, но имели достаточно широкую грамотную среду для первичного восприятия. Дополнительно приложение 4 показывает, что среди носителей турецко-татарских языков 35 212 мужчин и 32 812 женщин были грамотны «на других языках», что особенно важно для оценки потенциального чтения татарской, арабографической и иной нерусскоязычной печати. Поэтому влияние «Тарджимана» и других изданий в Самарской губернии следует понимать как опосредованное: через имамов, мугаллимов, шакирдов, представителей торгово-предпринимательской среды, читальни и личные коммуникации внутри махаллей.

Весомый вклад в популяризацию идей джадидизма сыграл журнал «*Шура*» («Совет», 1908–1917), редактором которого был уроженец Самарской губернии,

---

[404] Валидов Дж. Указ. соч. С. 77.

[405] Курмакаев Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала: 1888–1917: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Челябинск, 2004. С. 102; Meyer J. H. Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. P. 125.

[406] Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 86.

[407] Исхаков Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. С. 43.

муфтий Центрального духовного управления (в 1922–1936 гг.) Ризаэтдин Фахретдин. В нем также рассматривались вопросы об изменении программы обучения[408]. Предполагаемое направление этих изменений Д. С. Брилева описала так: планировалось построение «профессионального звена в национальной системе образования, подготовка профессионального преподавательского состава, ориентация на обучение желающих за рубежом, а также обращение к иностранному опыту в данной области, в особенности к опыту Османской империи»[409].

Помимо диспутов на тему культурно-образовательного, общественного обновления, на страницах мусульманской прессы находили отражение разные общественные мероприятия, проводимые в мусульманской среде. К примеру, 20 мая 1905 г. состоялась свадьба М. Бигиева[410]. Одновременно в тот же день происходило второе заседание «Иттифака»[411]. На церемонию бракосочетания были приглашены гости из различных мест для того, чтобы обсудить на таком крупном общем собрании в Чистополе проблемы, которые касались российских мусульман, включая вопросы о реформировании религиозного образования. На

---

[408] Госманов М. Г., Мәрданов Р. Ф. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Төзәтелгән икенче басма. Казан: Милли китап, 2014. Б. 132.

[409] Брилева Д. С. Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века: на материалах журнала «Шура» 1908–1917. С. 154–155. Также о реформировании религиозных учебных заведений Османской империи см. подробнее: Галихузина Д. С. Опыт реформирования образовательных учреждений Османской Турции начала XX века в освещении российской мусульманской прессы (на материалах журнала Шура (1908–1917)) // Актуальные проблемы изучения современной Турции: материалы международной научной конференции. Н. Новгород; Стамбул: ФМО ННГУ, ИСИ ННГУ, Центр стратегических исследований мудрецов «BILGESAM», 2011. С. 168–172; Галихузина Д. С. Религиозное реформаторство и социальные реформы в татарском мусульманском сообществе России в начале XX века (на примере публикаций журнала «Шура» (1908–1917)) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX в.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). Казань: Ихлас: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 196–201.

[410] Gimadeev I. Musa Jarullah Bigiev. Islahat asaları (Foundations of Reforms). Introduction, translation from Tatar and commentaries by Ilshat F. Gimadeev // Islamology. 2008. Т. 1, № 1. С. 34.

[411] «Иттифак», «Иттифак аль-муслимин» (Союз мусульман) – первая всероссийская исламская партия, созданная джадидами в 1905 г.

свадьбе были религиозные деятели, молодёжь, меценаты, литераторы и публицисты[412].

Большое значение в обмене мнениями по поводу улучшения качества образования имели мусульманские съезды. Среди них выделяется III Всероссийский мусульманский съезд, проходивший в Нижнем Новгороде с 16 по 21 августа 1906 г. [413] Значительную часть его повестки составляли вопросы реформирования образования. В частности, на III Всероссийском мусульманском съезде члены партии «Иттифак» предложили сделать тюркские языки частью образовательной программы мусульманских учебных заведений[414].

По итогам обсуждения наболевших в российской мусульманской среде вопросов было вынесено около 70 резолюций по религиозным и школьным вопросам [415] . Р. Ф. Курмакаев изучал последствия получения резолюций III Всероссийского съезда на местах, обратив внимание на региональные собрания по вопросу о реформировании религиозного образования. К таковым исследователь относил съезд учителей мектебе и медресе в г. Омске в 1908 г., проведенный при содействии ОМДС, где звучало мнение о значимости введения светского образования. В формате съезда решался вопрос выработки программ для мектебе[416].

Еще один съезд учителей-мусульман со схожей повесткой дня проходил в г. Бугуруслан Самарской губернии в 1914 г.[417] Подобные личные и общественные мероприятия играли важную роль для обмена идеями.

Суфийские сети можно рассматривать как один из механизмов по передаче идей реформирования мусульманского обучения. Ранее мы упоминали о том, что

---

[412] Gimadeev I. Musa Jarullah Bigiev. Islahat asaları (Foundations of Reforms). Introduction, translation from Tatar and commentaries by Ilshat F. Gimadeev. C. 34.
[413] Сенюткина О. Н. Третий съезд мусульман России. Н. Новгород: Махинур, 2006. 52 с.
[414] Meyer J. H. Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. P. 125; О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 188.
[415] Курмакаев Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала: 1888–1917: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Челябинск, 2004. С. 101–102.
[416] Там же. С 103.
[417] Там же.

во время своей поездки в хадж в 1869 г. З. Расулев посетил Стамбул, встретился с Ахмадом Гюмюшханеви и получил у него разрешение на преподавание исламских наук и на духовное воспитание учеников[418]. Вместе с тем прямой вывод о джадидском характере самих тарикатов был бы чрезмерным. Корректнее говорить о суфийских связях как о канале личных контактов, через который могли циркулировать религиозные, образовательные и реформаторские идеи. Д. Р. Гильмутдинов показывает, что ряд российских мулл был связан с османскими религиозными и интеллектуальными кругами. В частности, мударрис Апанаевской мечети Мухаммадкарим стал мюридом шейха Ахмеда Зияутдина аль-Гюмюшханеви, а его ученик переписывал книги Мидхата-паши и Хусейна аль-Джисри[419].

Является ли пример суфийского контакта А. Гюмюшханеви и З. Расулева типичным или это лишь частный случай? Думается, что этот вопрос может стать предметом дальнейшего изучения суфийских сетей.

Подтверждением значимости суфийских сетей как механизма передачи идей, связанных с мусульманским образованием, могут служить следующие факты. Например, исследователи отмечают огромное влияние З. Расулева на зауральских башкир. Далее: масштаб влияния З. Расулева не ограничивался только Зауральем. У него обучался дагестанский ученый и суфийский шейх Сайфулла-кади Башларов (1853–1919), который имел и религиозное, и светское образование. Впоследствии Башларов стал независимым проводником реформаторских идей в Дагестане.

Изученные диссертантом каналы культурного трансфера стали неотъемлемой частью обмена и передачи идей реформирования исламского образования. Следует отметить, что формы межкультурных взаимодействий

---

[418] Исследователи отметили, что А. Гюмюшханеви разработал свою систему воспитания «совершенного человека», в которой обращалось внимание на социальную сторону жизни личности. См. подробнее: Азаматов Р. И. Краткая биография духовного наставника башкирского суфийского шейха Зайнуллы ишана Расулева (1833–1917) Ахмада Зияуддина Гюмюшханеви (1813–1893). С. 23.

[419] Гильмутдинов Д. Р. Российские муллы в Османской империи (1685–1924 гг.) по данным татарских историко-биографических энциклопедий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 724–725.

напрямую зависели от исторических условий существования как уммы всего мира, так и её российской части. Например, возможности хаджа сокращались во время войн или эпидемий. Путешествия и уровень развития суфийских сетей были тесно связаны с мотивациями той или иной личности и её материальными возможностями и т. д. Труды богословов и светской интеллигенции Российской и Османской империй являлись важными механизмами распространения мысли о «дозволенности» и необходимости изучения светских дисциплин в мусульманских учебных заведениях. Работы акторов трансфера циркулировали в обеих культурных зонах (российской и османской), что активизировало реформаторские тенденции.

В целом активный обмен идеями в результате использования разных видов трансфера давал дополнительные возможности для совершенствования образовательной деятельности в «мусульманских» регионах России.

Таким образом, Самарская губерния обладала сочетанием таких черт (экономических, социальных, интеллектуальных, географических, демографических), которые сделали её мусульманское население восприимчивым к проекту джадидизма как воплощению общероссийского (и развернувшегося в отдельных частях мусульманского мира) процесса модернизации. Именно осознание самарскими мусульманами и их мугаллимами необходимости обновления системы образования стало стимулом культурно-образовательных перемен.

Внимание власти к решению так называемого мусульманского вопроса (прежде всего, Особые совещания представителей высокопоставленного чиновничества) по-своему также активизировало мусульманское сообщество, заставило тщательнее присмотреться к идеям ключевых акторов образовательных перемен, как отечественных, так и зарубежных.

Реформа стала возможной благодаря разветвлённой сети каналов и акторов культурного трансфера, в которой ключевую роль играли конкретные люди-посредники, связывавшие локальное пространство губернии с интеллектуальными центрами Российской и Османской империи. Идеи,

полученные извне, творчески адаптировались, обогащались и становились частью общего (но не единого!) российского джадидского интеллектуального поля.

Возросшая активность изучаемых процессов значительно облегчалась и становилась возможной ввиду новых средств коммуникации (новые возможности для распространения печати, появление железных дорог, активизация хаджа и облегчение возможностей для путешествий и пр.). Все это способствовало выстраиванию трансграничных интеллектуальных сетей.

Анализ рассмотренных материалов позволяет выделить несколько механизмов циркуляции реформаторских идей: труды мусульманских богословов и светских интеллектуалов, периодическую печать, образовательную миграцию, хадж, личные контакты и деятельность суфийских сетей. Эти механизмы обеспечивали включение Самарской губернии в более широкое пространство мусульманских образовательных дискуссий Российской и Османской империй.

ГЛАВА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЖАДИДСКИХ ИДЕЙ В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

3.1. Сеть новометодных мектебе и медресе Самарской губернии: география, хронология, типология

Несмотря на то, что вопрос об истоках джадидизма в России является открытым, как правило, распространение новометодного образования в империи связывается с именем Исмаила Гаспринского, который первым в 1884 г. основал джадидскую школу в Бахчисарае. При этой школе были организованы педагогические курсы для башкирских и татарских учителей, которые могли лично ознакомиться с новым методом обучения [420]. Конечно, возможности приехать в Бахчисарай были не у всех, поэтому Гаспринский написал методическое пособие для учителей под названием – «Рəһбəр мөгаллимин» («Путеводитель учителей»), которое было издано в 1898 г. в Бахчисарае[421]. В нем он подробно описал свою методику обучения, уделил особое внимание санитарно-гигиеническим условиям, норме обучения в младшей школе, которая не должна была превышать пяти уроков в день с обязательным чередованием разных предметов, включая обязательно светские дисциплины. Данная программа разрушала старометодную схоластическую систему, где светские предметы носили вспомогательный, а не основной, характер[422].

Важным компонентом новометодного образования была замена буквослогательного метода на звуковой[423] – одной из важнейших особенностей

[420] Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 86.
[421] Абызова Р. Р. Реформа школьного образования в труде И. Гаспринского «Рəһбəр мөгаллимин» («Спутник учителей») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 14.
[422] Lazzerini E. J. Rethinking the Advent of Jadidism. Kazan, 2015. No. 1. P. 142.
[423] Абызова Р. Р. Реформа школьного образования в труде И. Гаспринского «Рəһбəр мөгаллимин» («Спутник учителей») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 14.

джадидской системы образования. Обучение Исмаил Гаспринский предложил начинать с изучения родного языка, а не арабского и персидского[424].

Его система обучения со временем стала набирать все большую популярность. Так, к началу XX в. в Таврической губернии было 27 джадидских мектебе, а в других регионах страны таких учебных заведений насчитывалось уже более 200[425]. Деятельность И. Гаспринского была весьма продуктивной и оказала значительное влияние на развитие новометодного образования в других регионах Российской империи.

Новометодные школы в Российской империи открывались в первую очередь в городах [426] там, где были все необходимые условия для этого: финансирование, качественные педагогические кадры, мусульмане с компактным проживанием.

Одним из первых на территории Волго-Уральского региона стало медресе Расулия в Троицке в Оренбургской губернии, которое открылось в 1884 г.[427] при активной деятельности суфийского наставника, ишана Зайнуллы Расулева[428]. По

---

[424] Абызова Р. Р. Реформа школьного образования в труде И. Гаспринского «Рəһбəр мөгаллимин» («Спутник учителей») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 16.

[425] Там же. С. 14.

[426] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 69об.

[427] Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 87.

[428] Зайнулла Расулев (1833–1917) – мусульманский богослов и просветитель, родился 20 марта 1833 г. в с. Шарипово Троицкого уезда Оренбургской губернии. Получив образование в родной деревне, Зайнулла продолжил обучение в сельских медресе деревень Малый Муйнак, Ахун, впоследствии в медресе второго прихода Троицка с 1851 по 1858 гг. После завершения учебы З. Расулев десять лет был имамом и мударисом в с. Хакхузя Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне с. Акхузя Учалинского района Республики Башкортостан). В 1869 г. он отправился в хадж, во время путешествия посетил крупные центры мусульманского мира – Стамбул, Мекку, Медину, где встречался с ведущими учеными, знакомился с научной религиозной литературой. Именно во время этого путешествия он стал мюридом накшбандийского шейха Ахмада Кумушханави, бокового ответвления этого суфийского братства – халидийа. После возвращения на родину З. Расулев продолжил исполнять обязанности имама и мударисса в том же медресе с. Хакхузя. Но служить ему пришлось недолго. По доносу консервативно настроенных мулл он был арестован и в 1872 г. заключен в тюрьму (г. Златоуст), затем сослан в г. Никольск Вологодской губернии, где он пробыл пять лет. Благодаря его авторитету его последователи, а также по ходатайству оренбургского муфтия Тевкелева добились возвращения З. Расулева домой. Ему было предложено возглавить приход, вновь отстроенной на средства казахского бая Алтынсарина, Пятой соборной мечети Троицка в

мнению ряда специалистов «Расулия» стала одним из ведущих новометодных исламских учебных заведений в мусульманском мире того времени [429]. Официально джадидская система обучения там стала практиковаться с 1893 г.[430] В 1913 г. в нем числилось 13 преподавателей и более 250 шакирдов[431]. Всего насчитывалось более 600 воспитанников З. Расулева, среди которых были и самарские единоверцы.

Идеи З. Расулева стали распространяться не только в Оренбургской губернии. Его влияние было сильным на территории соседних губерний Волго-Уральского региона, в особенности в Самарской губернии. Документы Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) указывают, что из Троицка (Оренбургская губерния) новометодное обучение распространилось по соседним территориям, а светские предметы преимущественно стали появляться в 1905–1906 гг.: арифметика, география, история, реже – геометрия, анатомия, физиология[432]. В частности, один из его учеников Шакир Ибрагимов стал впоследствии муллой с. Ново-Урайкино Ставропольского уезда Самарской губернии[433]. Там он стал реализовывать идеи новометодного обучения. Архивные материалы свидетельствуют о том, что еще с 1880 г. там имелось мектебе [434]. Кроме него крестьянин д. Бакаево Бугурусланского уезда Самарской губернии Мухамед-Сабир Хасанов[435] (1866–

1884 г. Здесь он до конца своих дней служил имам-хатыбом и мударисом в созданном и расширенном им медресе, известном под именем «Расулия».

[429] Algar H. Shaykh Zaynulla Rasulev: The Last Great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Urals Region // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham and London: Duke University Press, 1992. P. 112.

[430] Гимазова Р., Сафиуллина Р. Сочинение Зайнуллы Расулева «Ученые Троицка и новый метод» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. № 3/4. С. 212.

[431] Там же.

[432] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 306.

[433] Гусева Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 166.

[434] Сведения о магометанских приходах по Самарской губернии 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. 138об.

[435] Мухамед-Сабир Хасанов (1866–1924) – видный татарский педагог, общественный и государственный деятель, просветитель родом из Самарской губернии. Он известен как преподаватель медресе, автор учебников и активный участник мусульманского просветительского движения конца XIX – начала XX века.

1924), который стал депутатом Государственной думы II созыва от Уфимской губернии[436], был учеником З. Расулева[437].

Кроме «Расулии» одним из центров новометодного обучения стало медресе «Мухаммадия» в Казани, которое имело огромное влияние на Самарскую губернию. Огромный вклад в его развитие внес основатель этого учебного заведения Галимджан Баруди[438]. В «Мухаммадии» в начальных классах религиозным предметам отводилось 39, светским – 111 часов, в средних классах соответственно 43 часа и 131 час[439]. Как отмечают специалисты: «В программе обучения Г. Баруди предлагал больше внимания уделить предметам по толкованию Корана, чтению хадисов, арабской литературе. Из светских предметов большое значение придавалось изучению геометрии, арифметики, географии, истории, естествознанию. В программе обучения основной упор был сделан на осмысленном изучении религиозных дисциплин и преподавании предметов на родном татарском языке. Старый традиционный метод обучения был заменен на новый – звуковой»[440]. Вскоре медресе «Мухаммадия» стало набирать большую популярность, куда приезжали обучаться шакирды не только из Волго-Уральского региона, а еще и с Кавказа[441], Туркестана, Казахской

---

[436] Депутат Государственной Думы II и III созывов (1907–1912) Мухаметшакир Тукаев: документы и материалы об общественной и политической деятельности / сост. и автор предисловия А. Г. Салихов. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С. 21.

[437] Хасанов Мухаммад-Сабир Мухаммеджанович [Электронный ресурс] // Tatarica. Татарская энциклопедия. URL: https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novoe-vremya/personalii/hasanov-muhammad-sabir-muhammedzhanovich (дата обращения: 21.02.2026).

[438] Галимджан Баруди – крупнейший татарский богослов и просветитель конца XIX – начала XX вв. Родился 2 февраля 1857 г. в деревне Малые Ковали Казанского уезда, ныне Высокогорского района Татарстана. В 1862 г. его отдали в медресе «Касимия», где он прошел ступени начальных, средних и старших классов и одновременно занимался преподавательской деятельностью в старших классах. 15 июня 1882 г. Г. Баруди, окончив обучение в Бухаре, вернулся в родную Казань. В 1882–1918 гг. он активно занимался педагогической и просветительской деятельностью. После поездки Г. Баруди в Турцию, Египет и Мекку в 1886–1891 гг. процесс перехода на новометодное обучение было полностью завершен.

[439] Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX в.). Казань, 2014. С. 405.

[440] Гараева А. И. Формирование системы преподавания в Казанском медресе «Мухаммадия» в контексте исторического развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-1. С. 58.

[441] Шихалиев Ш., Каяев И. Научные и религиозные контакты мусульман Дагестана и Волго-Уральского региона во второй половине XIX – первой трети XX в. (по материалам

степи[442]. Программы медресе послужили образцами для других новометодных учебных заведений[443].

Другим не менее известным джадидским учебным заведением стало медресе Хусаиния, которое было основано оренбургскими купцами братьями Хусаиновыми в 1889 г., и официально стало работать с 1891 г.[444] Отчасти благодаря достойному финансированию и высокому уровню материально-технической базы, в медресе был высокий уровень образования. Ахмед Хусаинов настаивал на необходимости среднего и специального образования. Особое значение он придавал математике и бухгалтерскому учету[445]. Кроме них в Хусаинии преподавались татарский, русский языки и общеобразовательные предметы по программе народных училищ[446]. Светскими предметами в Хусаинии были: родной язык, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, география, физика, естествознание, законоведение, гигиена, педагогика, чистописание и рисование, гимнастика, химия, всеобщая история, история России[447].

В Хусаинии были как бесплатные, так и платные места, сумма которых зависела от материального благополучия семьи (от 10 до 100 руб.)[448]. Выпускники медресе после 14 лет обучения совершенствовали свои знания в Египте, Турции,

---

арабографичных источников). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2024. 184 с.; Шихалиев Ш. Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3 (35). С. 134–169; Наврузов А. Р. Мусульманские просветители Дагестана первой трети XX века и «женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан» (1913–1918)) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. № 18 (2). С. 371–387.

[442] См. подробнее: Юсупов М. Х. Галимджан Баруди. Казань: Татарское книжное изд-во, 2003. 208 с.

[443] Байдаров Э. Мустафа Шокай и джадидизм: к идее единого Туркестана через просвещение [Электронный ресурс]. URL: https://shygystanu.kz/rus/archives/3270 (дата обращения: 23.01.2026).

[444] Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 68.

[445] Валидов Дж. Указ. соч. С. 87.

[446] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 22.

[447] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 263.

[448] Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 72.

Бейруте, а потом преподавали на родине[449]. Среди выпускников были шакирды из Средней Азии, Крыма, Сибири, Кавказа, а также Волго-Уральского региона, включая Самарскую губернию [450] . Согласно материалам ОГАОО особенно активно поступали на обучение в медресе Хусаиния шакирды из Самарской, Симбирской, Тобольской, Уфимской губерний [451] . Действительно, медресе Хусаиния стало набирать популярность в Российской империи, которое просуществовало до 1917 г.[452]

Не менее известными джадидскими медресе были Галия и Усмания, расположенные в Уфе, в которых обучались шакирды из Самарской губернии, развивавшие новометодное образование в своем регионе. Медресе Галия было основано в 1906 г. по инициативе религиозного деятеля Зияэтдина (Зия) Камали[453] и просуществовало до 1919 г.[454] Особенное внимание там уделяли таким светским дисциплинам, как история, география, арифметика[455]. Гораздо раньше, в 1888 г., начало работу медресе «Усмания» [456] , открытое по инициативе мударриса Х. Усманова. В этих учебных заведениях также преподавали светские учебные

---

[449] Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 70.

[450] Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX в.). Казань, 2014. 406 с.

[451] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 15.

[452] Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 76.

[453] Зия Камали – родился 9 декабря 1873 года в деревне Кляшево Уфимского уезда и губернии. По предложению мударриса Хайруллы Усманова в 1898 г. Уфимским благотворительным обществом он был направлен для обучения в Стамбул. Позднее перевелся в Медину, затем в каирский университет Аль-Азхар, где стал учеником улема-реформатора Мухаммада Абдо. Под его влиянием он решил посвятить себя науке и распространению знаний и сменил свое имя на Зия (Зийа ад-дин – «свет религии»), став убежденным сторонником обновления ислама. В Россию Зия Камали вернулся в 1904 г. и стал преподавать философию Ислама и тафсир в медресе «Усмания». В 1906 г. стал основателем медресе «Галия» и руководил им до закрытия. В 1917–1918 гг. – депутат Национального собрания (Миллэт Меджлиси) мусульман Внутренней России и Сибири, в 1923–1936 гг. – кадий Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири.

[454] Ахтямова А. В. Медресе «Галия» как общественный институт уфимской мусульманской общины (по материалам газеты «Тормыш»). // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14, № 1. С. 106.

[455] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 21об.

[456] Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 87.

дисциплины. Кроме тюркского, арабского языка и литературы было введено изучение родного и русского языков, математики, естествознания, истории, географии, философии, психологии и логики[457]. Специалистами отмечается также, что по окончании мектебе выдавали аттестат[458], а по итогу учебы в медресе шакирды защищали письменную квалифицированную работу, после чего им выдавались дипломы[459]. Один из выпускников медресе Галия Хамза Вахитов открыл в 1909 г. джадидское медресе в д. Бавлы Бугульминского уезда Самарской губернии[460]. Архивные документы свидетельствуют о том, что в этой деревне по состоянию на 1915 г. имелось два мектебе[461]. Хронологическое совпадение времени их функционирования с деятельностью Хамзы Вахитова позволяет предположить его связь с одним из этих учебных заведений, однако имеющиеся источники не позволяют однозначно установить, при каком именно приходе он работал.

Как мы можем наблюдать, большинство новометодных школ открывалось именно в городской местности, где были все необходимые условия для их существования: достаточное финансирование и наиболее образованные кадры.

Постепенно джадидские школы стали возникать и в сельской местности. Так, например, одним из первых подобных учебных заведений стало медресе в д. Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии, преобразованное в 1895 г.[462] по инициативе братьев Габдуллы[463] и Губайдуллы[464] Нигматуллиных-Буби. Надо

---

[457] Галимьянова Р. А. Педагогическая направленность содержания образования медресе Уфимской губернии в начале XX в. (на примере медресе «Усмания»). // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 181. С. 49.

[458] Там же. С. 50.

[459] Там же. С. 51.

[460] Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: Медина, 2008. С. 113.

[461] Сведения о магометанских приходах по Самарской губернии 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. Л. 75, 76.

[462] Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX в.). Казань, 2014. С. 408.

[463] Габдулла Габделгаллямович родился 9 ноября 1871 года в д. Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне Агрызский район РТ) в семье муллы и мударриса Габделгалляма Нигматулловича Нигматуллина. Образование Г. Буби получил в медресе своего отца. Истинным образцом служения знаниям и просвещению были для него родители, а также дядя Габдулла, младший брат отца, мударрис знаменитого тогда медресе Стерлибаш. Значительную

отметить, что еще до 1895 г. это же медресе существовало в деревне Иж-Буби в качестве кадимистского, мударрисом и основателем которого был отец братьев Буби – Габделгаллям Нигматуллович Нигматуллин [465]. После перестроения учебного заведения в джадидское там стали практиковать 12-летнее обучение: четыре года в мектебе, восемь лет в медресе. Особое значение братья придавали изучению русского языка и организации внеурочной деятельности. Р. А. Гимазова отмечает, что Г. Буби рассматривал путь повышения культурного уровня татарского народа через развитие науки, знаний, воспитание образованной и высокоморальной личности [466]. Активная деятельность медресе д. Иж-Буби оказала заметное влияние на просвещение мусульман из Самарской и Оренбургской губерний, которые получали здесь не только духовные, но и светские знания[467].

Таким образом, постепенно определились основные центры джадидизма в Российской империи: Таврическая губерния (новометодная начальная школа И. Гаспринского в Бахчисарае), Оренбургская губерния («Расулия» в Троицке, «Хусаиния» в Оренбурге), Уфимская губерния («Галия» и Усмания в Уфе), Казанская губерния («Мухаммадия» в Казани) и Вятская губерния (новометодная система обучения в д. Иж-Буби Сарапульского уезда). Практически все

роль в духовном становлении Г. Буби сыграл его родной брат Губайдулла, который был старше Габдуллы почти на шесть лет. Под их влиянием он рано пристрастился к чтению, много и увлеченно читал. Большое влияние на него в юности оказали произведения Шигабутдина Марджани, Каюма Насыри и, конечно же, газета «Тарджиман» И. Гаспринского, идеи которого в сравнительно короткий срок начали завоевывать умы. Всю жизнь Г. Буби занимался самообразованием, изучал труды арабских просветителей-гуманистов Мухаммеда Абдо, Абдуррахмана ал-Кавакиби, Касима Амина, турецких реформаторов-идеологов «новых османов» Намыка Кямала, Зии-бея, Ахмеда Мидхата (Мидхата-паши) и других. Через их произведения он воспринял идеи французских просветителей Руссо, Монтескье, Вольтера, а воплощение этих идей стало смыслом его жизни. Еще будучи шакирдом, Г. Буби становится хальфой и начинает помогать отцу в медресе.

[464] Губайдулла Буби родился в 1866 г. Закончив обучение в отцовском медресе, в 1890–1895 гг. продолжил обучение в Стамбуле в султанском лицее «Игдадия». Ему предлагали продолжить обучение в Парижском университете. Но он возвращается в родное село, продолжать дело отца.

[465] Помелов В. Б. Особенности просвещения татарского народа в конце XIX – начале XX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 252.

[466] Гимазова Р. А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби: конец XIX – начало XX в.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Казань, 2004. С. 127.

[467] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 625. Л. 41об.

инициаторы джадидских учебных заведений воспринимали реформаторские идеи либо у улемов из Египта, либо у шейхов из Османской империи. Во всех вышеупомянутых джадидских школах получали образование молодые люди из разных субъектов Волго-Уральского региона, включая Самарскую губернию.

Постепенно в создание сети новометодных школ стали вовлекаться и самарские муллы и меценаты. Подобные учебные заведения стали открываться в Самарской губернии. Напомним, что до 1880-х гг. в Самарской губернии насчитывалось 105 мектебе и 30 медресе[468]. В конце XIX – начале XX в. сеть мусульманских учебных заведений Самарской губернии расширялась[469]. Однако рост всей сети не следует автоматически отождествлять с ростом числа новометодных школ.

С 1881 по 1900 гг. было открыто еще 65 мектебе и 17 медресе. Теперь в Самарской губернии их насчитывалось 170 и 47 соответственно. Для оценки масштабов распространения джадидизма необходимо определить, какая часть мусульманских учебных заведений Самарской губернии фактически использовала новометодные практики. Надо сказать, что сам процесс распространения новометодных учебных заведений в регионе протекал средними темпами. В 1898 г. на территории Самарской губернии имелось 28 джадидских школ[470]. Во многом медленные темпы развития новометодных школ можно объяснить финансовыми сложностями, дефицитом необходимой учебно-методической литературы[471]. Этому мешали также и хозяйственно-культурная замкнутость махаллей[472] и сильные позиции кадимистов[473], заручавшихся поддержкой местных властей, настороженно воспринимавших новации, особенно в конце XIX – XX в.

---

[468] Подсчитано нами: Сведения о магометанских приходах по Самарской губернии 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. Л. 1–168.
[469] Динамика роста мусульманских учебных заведений Самарской губернии представлена в приложении 5.
[470] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 94, 111.
[471] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 111.
[472] Гусева Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 165.
[473] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 112.

Рассмотрим расположение джадидских учебных заведений в Самарской губернии в 1898 г.[474] На основании приложения 6 мы можем видеть, что в начальный период новометодные школы преимущественно открывались в Бугурусланском и Бугульминском уездах, географически близких Казани[475]. Это можно объяснить тем, что данные регионы представляли собой место компактного проживания мусульман. Надо учитывать также, что исторически (до середины XIX века) данные уезды входили в состав Казанской губернии. Важным было и то, что территориально Бугурусланский и Бугульминский уезды находились на границе с Уфимской, Казанской и Оренбургской губерниями, где уже имелись известные джадидские школы. Отчасти поэтому мы не находим сведений о существовании новометодных школ в Бузулукском, Николаевском и Новоузенском уездах.

Среди вышеупомянутых джадидских школ нет сведений еще об одной, которая, как полагают некоторые специалисты, стала первым джадидским медресе в Самарской губернии: самарское городское медресе ахуна Шихабетдина Минюшева[476], основанное в 1888 году[477]. Вероятно, система новометодного обучения там внедрялась постепенно. Можно утверждать, что деятельность Ш. Минюшева оказалась весьма продуктивной. Согласно отчету учебного заведения за 1913 г. в его учебном заведении получили образование 740 человек, из которых 30 выпускников стали имамами в мусульманских приходах Самарской губернии, включая такие села, как Спиридоновка, Ново-Урайкино, Мулловка,

---

[474] География новометодных школ в 1898 г. отражена в приложении 6.

[475] Учебные дисциплины и литература кадимистских медресе Волго-Уральского региона представлена в приложении 6.

[476] Минюшев Шихабетдин Хуснетдинович (1856–1930) – выпускник медресе Габденнасыр-хазрата Аминева в г. Буинске в Казанской губернии. В 1890 г. муфтий ОМДС присваивает ему звание «ахун», очень скоро утверждённое и Самарским губернским правлением с выдачей свидетельства. Основной целью духовного служения Шихабетдин хазрата стало налаживание всех сфер жизнедеятельности мусульман Самары и округа. Его самыми большими делами стали строительство первой мечети и медресе. В 1916 г. он награждается золотой медалью Министерства внутренних дел Российской империи «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте.

[477] Гусева Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 164; Галяутдинов И. М. Свет Истины: история мусульманских общин Самарской области в документах, иллюстрациях, воспоминаниях. Самара: Офорт, 2009. С. 45.

Филлиповка, Татарские Выселки и др. [478] Вместе с учебным заведением Ш. Минюшева получается 28 джадидских школ, что составляло около 10% от общего количества мусульманских учебных заведений губернии.

Постепенно к 1915 г. в Самарской губернии насчитывалось 408 мусульманских школ, из которых 310 были мектебе для мальчиков, 12 – мектебе для девочек, 86 медресе для мальчиков [479]. Соответственно, увеличивалось и количество новометодных учебных заведений.

Среди перечисленных новометодных школ продуктивной оказалась деятельность Старо-Ермаковского медресе, где главную роль играл директор учебного заведения – имам Хуснулла Багаутдинов[480]. Вскоре он стал ахуном и обучал шакирдов из близлежащих сел. По данным И. М. Галяутдинова, Старо-Ермаковское медресе окончили сотни имамов и более 200 мугаллимов [481]. Количество новометодных школ постепенно росло, и к 1912 г. из 321 мусульманского учебного заведения губернии джадидская система практиковалась уже в 34 мектебе (10,5%) и в 3 медресе (0,9%)[482].

Но материальные и финансовые возможности во многом определяли успех реформирования. Не всегда для этого финансов было в достаточном количестве. Требовалось закупить парты, доски, учебники, журналы для записи уроков, наглядные пособия, платить заработную плату учителям и т. д. Часто реформа могла носить половинчатый характер. Где-то покупали доску, а ученики все еще занимались на полу, а школу уже считали новометодной[483].

Довольно остро стоял и кадровый вопрос. В своем большинстве в новометодных школах продолжали преподавать мугаллимы, работавшие в ранее старометодных учебных заведениях. Учителей по общеобразовательным предметам не хватало. Отчасти эту проблему пытались решить посредством

---

[478] Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара, 2012. С. 50.
[479] Количество мусульманских учебных заведений Самарской губернии в 1915 г. представлено в приложении 8.
[480] Галяутдинов И. М. Указ. соч. С. 45.
[481] Там же. С. 46.
[482] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 112.
[483] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 90.

организации курсов для учителей, как, например, это было в Бугульминском уезде Самарской губернии. Там в 1909 г. «Байрякинское общество мусульман-прогрессистов» через директора народных училищ Самарской губернии ходатайствовало перед управлением Казанского учебного округа о разрешении открыть в Бугульме двухгодичные курсы по подготовке мугаллимов для преподавания по новому методу[484]. Но данная попытка не привела к ожидаемым результатам сторонников нового метода, так как учителям не хватило квалификации по общеобразовательным дисциплинам. Э. М. Гибадуллина следующим образом описывает данный факт: «В Старом Юлдашеве Бузулукского уезда прихожане отмечали, что обучение детей русскому языку бывшим казаком Исанголыем происходило успешнее, чем преподавание мусульманского вероучения и грамоты местным имамом М. Муллабаевым, так как последний преподавал по старому методу. В 1904 г. М. Муллабаев отказался преподавать в означенной школе, ссылаясь на недостаточное вознаграждение в размере 72 руб. в год, получаемое от земства. Училищный совет предложил эту должность другому местному мулле – С. Азнабаеву, но и этот мулла не согласился, считая для себя ничтожным вышеуказанное жалование»[485].

Необходимо также учитывать, что кадровые проблемы в учебном заведении могли сказаться на ожиданиях шакирдов, которые стремились получить широкие знания не только в религиозных, но и в светских дисциплинах. Например, так обстояло дело в медресе Галия в Уфе, откуда ученики стали уходить, так как хотели получить больше знаний из разряда общеобразовательных предметов[486]. Опыт медресе «Галия» показывает, что ожидания шакирдов в отношении общеобразовательных дисциплин могли вступать в противоречие с реальными возможностями учебного заведения. Для Самарской губернии отсутствие высших отделений было связано не с одним фактором, а с совокупностью условий:

---

[484] Об учреждении Байраковского общества мусульман прогрессистов // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 126. Д. 66. Л. 68.
[485] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 112.
[486] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 95.

нехваткой подготовленных преподавателей, ограниченной материальной базой, численностью учащихся и административными ограничениями.

Среди джадидских учебных заведений Самарской губернии только одно медресе находилось в Ставропольском уезде, а все остальные, включая мектебе, – в Бугульминском уезде[487]. Единственной джадидской школой в Ставропольском уезде было новометодное медресе «Урняк» (Образец) в д. Абдреево Высококолковской волости, открывшееся по инициативе Гакиля Билаловича Ашмасова – имама одной из местных мечетей с 1907 по 1917 г.[488] Архивные материалы свидетельствуют о том, что при трех мечетях только в одном действовало мектебе.[489]

В Бугульминском уезде в 1912–1913 гг. наибольшую популярность приобрели байрякинское медресе «Гарабия» и «Гибадия», а также Тайсугановское медресе. У нас имеются косвенные данные о том, что медресе «Гибадия» действовало с 1815 г. В газете «Вакыт» от 29 апреля 1915 г. появилась заметка под заглавием «Праздник столетия существования медресе “Гибадия”»[490]. По мнению И. М. Галяутдинова, основателем и мударрисом данного медресе был имам-хатыб Губайдулла бин Ибрагим бин Ишкуат (1785–1845), потомки которого братья Муксин и Масагут Губайдуллины начали переход на новометодное обучение в начале XX в.[491]

Согласно исследованиям современного специалиста Д. Н. Денисова, к 1913 г. Бугурусланский уезд занимал лидирующие позиции по числу новометодных школ в Самарской губернии (57,6%)[492]. Далее обратим внимание на то, почему на общем фоне губернии этот уезд так выделялся.

---

[487] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 112.
[488] Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара, 2012. 104 с.
[489] Сведения о магометанских приходах по Самарской губернии 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. Л. 145об.
[490] По запросам Министерства внутренних дел Департамента духовных дел // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5861. Л. 58.
[491] Галяутдинов И. М. Указ. соч. С. 47.
[492] История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая):

Судьбу подобных школ во многом решал человеческий фактор – наличие активистов, готовых прикладывать усилия к реформированию исламского образования. Таковым по праву можно считать второго муллу Бугурусланской соборной мечети Мухамметгарифа Хуснутдиновича Рахманкулова[493], который принял активное участие при открытии читальни при Бугурусланском медресе в 1906 г. Библиотеки и читальни в новометодных школах играли значимую роль, так как с помощью той литературы, которая хранилась там, шакирды могли углубиться в познании светских и богословских дисциплин. Наличие таких читален можно также рассматривать как элемент, способствовавший закреплению джадидской традиции.

Наличие читален при новометодных школах не говорит о том, что в кадимистских школах совсем не было библиотек и литературы по общеобразовательным предметам. Надо понимать, что в старометодных школах светские предметы не входили в общую учебную программу и играли вспомогательную роль для лучшего понимания исламского образования. В библиотеках шакирды могли (сами при желании) ознакомиться с нерелигиозной литературой[494].

Об этом знал и сам М. Х. Рахманкулов, но сам факт отсутствия читальни в Бугуруслане для шакирдов джадидского медресе и необходимой литературы подтолкнул его к устранению данной проблемы. Это осознавали его

материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В. В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 48.

[493] Рахманкулов Мухамметгариф Хуснутдинович – городской ахун в Бугуруслане с 1902 г., один из сторонников и реформаторов системы исламского образования. Родился в семье сельского муллы Хуснутдина Шарафутдиновича Рахманкулова 23 ноября 1872 г. В июне 1897 г. получил свидетельство от ОМДС на звания имам-хатыба и муаллима, а в октябре того же года – свидетельство Тетюшского уездного училища о знании русского языка в объеме, необходимом на звание городского ахуна. С 1897 г. организовал в приходе новометодную начальную школу (мектебе) с 4-летним курсом обучения, где преподавались: Коран и правила его орфоэпического чтения (таджвид), основы и история ислама, арабский и татарский языки, арифметика, география и естествознание. См. подробнее о нем: История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В. В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 46–47.

[494] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 106.

идеологические сподвижники, включая инвесторов. М. Х. Рахманкулов заручился поддержкой особого попечительского совета, созданного в 1906 г.[495] для решения финансово-хозяйственных вопросов[496].

Читальня должна была содержаться на частные пожертвования как мусульман, так и остальных юридических и физических лиц-немусульман[497]. Согласно данным исследователей, данная читальня содержалась за счет частных пожертвований мусульман города[498]. Определенную помощь оказывал и попечительский совет в деле финансирования мусульманских учебных заведений и читален. Попытки получить средства от земств на нужды исламских учебных учреждений Бугурусланского уезда предпринимались мусульманами в 1912 г.[499]

В особенности следует обратить внимание на тот факт, что в качестве литературы для чтения М. Х. Рахманкулов указал периодическую печать и книги, издававшиеся в пределах Российской империи на «магометанском»[500] и русском языках[501]. Последним пунктом Рахманкулов обозначил, что пользование читальней для всех желающих бесплатное[502]. Так приобщиться к литературе новометодной школы могли мусульмане как самого Бугуруслана, так и близлежащих населенных пунктов.

По схожему сценарию открывались библиотеки-читальни в других Волго-Уральских губерниях. Так, например, согласно исследованиям Р. А. Гимазовой: «Исполнительный комитет Глазовского уездного национального мусульманского

---

[495] История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В. В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 48.
[496] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 162.
[497] По прошению бугурусланского ахуна Гарыфа Хумутдинова Рахманкулова об открытии при бугурусланской татарской медресе читальни // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1979. Л. 10.
[498] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 162.
[499] Там же.
[500] Для данного региона вероятней всего на татарском, реже башкирском языках.
[501] По прошению бугурусланского ахуна Гарыфа Хумутдинова Рахманкулова об открытии при бугурусланской татарской медресе читальни // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1979. Л. 10.
[502] Там же.

шуро от 3 декабря 1917 г. просил Глазовскую уездную земскую управу решить вопрос об открытии библиотек-читален»[503].

Таким образом, деятельность таких джадидистов, как ахун Бугуруслана Мухамметгариф Рахманкулов, заметно способствовала укреплению позиций исламского реформаторского движения на территории Самарской губернии. Бюрократические сложности, возникшие в момент открытия читальни, во многом были обусловлены непростой политической обстановкой внутри Российского государства. Бесплатное пользование читальней приобщало мусульманское население как к религиозным, так и светским литературным произведениям. Все это способствовало благоприятному развитию новометодных школ на территории Бугурусланского уезда Самарской губернии. Отчасти благодаря этому, накануне Первой мировой войны Бугурусланский уезд занимал лидирующие позиции по числу джадидских школ в Самарской губернии[504].

В том же 1913 г. появляется одно новометодное учебное заведение в Николаевском уезде, а в Самарском и Бузулукском уездах джадидских школ не было[505].

3.2. Основные идеи, проникавшие в образовательную среду региона. Вопрос о соотношении светских и религиозных дисциплин

Необходимо отметить, что идеи совершенствования мусульманского образования в связи с вызовами времени предлагались известными мыслителями мусульманского мира, к трудам и идеям которых имели доступ самарские муллы, интеллектуалы. Это необходимо для того, чтобы понять, над чем размышляли самарские мугаллимы при составлении учебных программ и планов. В данном

---

[503] Гимазова Р. А. Мусульманские учебные заведения Глазовского уезда Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. № 1/2. С. 242.

[504] История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В. В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 48.

[505] Гусева Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 165.

случае богословские аргументы рассматриваются не как самостоятельное теологическое изложение, а как исторические источники, раскрывающие интеллектуальные основания образовательной реформы. В историографии этот сюжет связывается с более широкой модернизацией татарского общества: А. Н. Юзеев показывает, что Ш. Марджани доказывал необходимость пропаганды научного знания и изучения светских наук, тогда как религия в его модели была связана с нравственным совершенствованием общества, а И. Ж. Салахов, в свою очередь, указывает, что джадидизм был нацелен на модернизацию общества, а новая школа должна была готовить кадры для практической работы[506].

Рассмотрим идеи Ш. Марджани, сыгравшего важную роль в дискуссии о расширении программы исламских учебных заведений за счет светских дисциплин. Его называют одним из первых российских богословов, который отстаивал необходимость гибридной, религиозно-светской модели образования[507]. В историческом труде «*Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф*» («Верность предшественникам и приветствие потомкам», 1883) богослов выступил за ознакомление шакирдов с достижениями разных наук независимо от религиозной составляющей в них: «Ни одна из наук сама по себе не является порицаемой. Разве нет? Ведь знание – это совершенство и одни из атрибутов Истинного Владыки»[508]. В своей работе Ш. Марджани назвал светские науки умственными [509] , считал логику не только «дозволенной», но и необходимой, аргументируя свое утверждение тем, что пренебрежение ею привело к падению уровня образования и стагнации в науках[510].

---

[506] Юзеев А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX века: эволюция, основные направления и представители: дис. … д-ра филос. наук. М., 1998. С. 195; Салахов И. Ж. Модернистские тенденции в татарском обществе в XIX – начале XX в.: историко-политический анализ: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 93–94.

[507] Зябиров Р. М. Интеллектуальные поиски путей развития татарского общества конца XIX – начала XX в. в контексте проблемы «Восток – Запад». С. 94.

[508] Марджани Ш. Введение к библиографическому словарю «Верность предшественникам и приветствие потомкам» (Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф) / пер. на рус. яз. с араб. и прим. Р. А. Гиззатуллина и А. М. Салахова. Казань: Магариф-Вакыт, 2022. С. 265.

[509] Там же. С. 267.

[510] Там же. С. 269.

Ш. Марджани рассматривал математику как одну из важнейших среди светских наук, полагая, что она включает в себя четыре раздела: «первый – арифметика, счет – основан на точных построениях и истинных смыслах, при изучении которого с детства человек будет склонен к правдивости, что позитивным образом скажется на его нраве[511]. Второй раздел – геометрия, которая „освещает ум и дает прямоту мышления“[512], третий – астрономия, в постижении которой мусульманские ученые превзошли греков»[513]. Интересно, что четвертым разделом он назвал музыку, которая изучает соотношение звуков и тонов и выражает это посредством чисел[514]. Отметим, что среди мусульманских ученых до настоящего времени существуют разные мнения относительно «дозволенности» музыки. Но Ш. Марджани однозначно считал музыку разрешенной, подчеркивая, что в Коране и Сунне нет прямого указания на ее запретность [515] : «Украшайте Коран своими голосами. Ибо красивый голос добавляет Корану красоту» [516]. «Аллах слушает человека с красивым голосом (читающего Коран) внимательнее, чем хозяин девочки-певицы свою певицу»[517].

Ш. Марджани выступил также за изучение русского языка, аргументируя это тем, что сама организация медресе невозможна без одобрения и содействия со стороны государства[518]. В изучении русского языка он, как и другие российские богословы, увидел возможность ознакомиться с разными науками [519] . Его предложение ввести в учебную программу медресе преподавание светских наук и русского языка зарубежные и отечественные исследователи считают важным

[511] Марджани Ш. Введение к библиографическому словарю «Верность предшественникам и приветствие потомкам» (Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф) / пер. на рус. яз. с араб. и прим. Р. А. Гиззатуллина и А. М. Салахова. Казань: Магариф-Вакыт, 2022. С. 269.
[512] Там же. С. 271.
[513] Там же. С. 273.
[514] Там же. С. 278.
[515] Там же. С. 280.
[516] Там же. С. 281.
[517] Там же.
[518] Марджани Ш. Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк. М.: Медина, 2023. С. 92.
[519] Там же. С. 94.

моментом в изменении отношения мусульман к реформированию системы исламского образования[520].

В доказательство «дозволенности» обучения русскому языку Ш. Марджани ссылался на следующий хадис: «Посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует – приказал мне (Зайд б. Сабит ал-Ансари[521]) выучить язык иудеев, и за некоторое время я овладел им. Впоследствии я переводил их разговоры с Посланником Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует»[522]. Таким образом, Ш. Марджани доказывал правоту своей точки зрения, ссылаясь на отраженный в хадисах факт из ранней истории ислама.

К важным наукам он также относил естественные науки (ботаника, зоология и др.), медицину (анатомию и хирургию), фармацевтику, ветеринарию, географию, химию, политологию[523] и др. «Дозволенность» этих наук он пытался доказать посредством положений из Корана и хадисов. Так, например, относительно медицины богослов привел следующие хадисы: «Для каждой болезни есть исцеление», «Лечитесь, о рабы Аллаха. Ибо нет такой болезни, для которой Аллах не сделал бы исцеление, кроме одной – старости»[524]. Соответственно мусульмане, получая медицинские знания, должны искать способы исцеления от любого заболевания.

Касательно географии: Ш. Марджани в рассматриваемом труде процитировал следующую мысль из Корана: «Разве они не странствовали по земле и не видели, каким был конец тех, которые жили до них? До вас также

---

[520] Исхаков Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. С. 14; Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. С. 599.

[521] Зайд б. Сабит ал-Ансари (611–665) – один из сподвижников пророка Мухаммада, который возглавил комиссию по кодификации Корана в период правления халифа Усмана.

[522] Марджани Ш. Мулла Хусаин Фаизхан: биографический очерк. М.: Медина, 2023. С. 95.

[523] Марджани Ш. Введение к библиографическому словарю «Верность предшественникам и приветствие потомкам» (Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф) / пер. на рус. яз. с араб. и прим. Р. А. Гиззатуллина и А. М. Салахова. Казань: Магариф-Вакыт, 2022. С. 282, 284, 285, 287, 292, 294.

[524] Там же. С. 284.

случалось подобное. Постранствуйте по земле и посмотрите[525], каким был конец тех, кто считал лжецами посланников»[526].

Исследователи отмечают, что для богослова обращение к истории было важной составляющей его религиозно-реформаторской мысли[527].

Интересным представляется аргументация в пользу «дозволения» изучения политологии. Ш. Марджани разделял эту науку на три части: первая посвящена управлению государством, вторая – управлению домом, третья – воспитанию личности через ее исправление и самосовершенствование[528] в соответствии с шариатом[529]. Таким образом, богослов одним из первых мусульманских мыслителей начал касаться тонких вопросов образовательной деятельности[530] и высказывать свое мнение о «дозволенности» изучения светских наук.

Среди учеников Ш. Марджани особенно выделяется фигура Х. Фаизханова, который стал первым человеком, подготовившим проект реформирования исламского образования применительно к российским реалиям[531].

Те светские дисциплины, которые предлагал изучать Х. Фаизханов в своем проекте реформы исламского образования, в целом перекликались с теми, о которых писал его друг и учитель. Проект Хусаина Фаизханова назывался «*Ислах мадарис*» («Реформа медресе») и был подготовлен в 1861–1863 гг.[532] Примерно в те же годы (1862–1863 гг.) турецкий реформатор С. Сабит начал вводить новометодную систему образования в Османской империи, но целостного,

---

[525] Имеется в виду познание их состояний.

[526] Марджани Ш. Введение к библиографическому словарю «Верность предшественникам и приветствие потомкам» (Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф) / пер. на рус. яз. с араб. и прим. Р. А. Гиззатуллина и А. М. Салахова. Казань: Магариф-Вакыт, 2022. С. 287.

[527] Алексеев И. Л. Обращение к истории как метод исламской реформации: Марджани, Рашид Рида и Ибн Халдун // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2023. № 3-4(41). С. 33.

[528] Например, очищать разум, быть довольным, уповать на Аллаха, избегать нововведений и страстей, держать вдали от порочных людей и т. п.

[529] Марджани Ш. Указ. соч. С. 244.

[530] Шагавиев Д. А. Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / [Место защиты: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан]. Казань, 2010. С. 173.

[531] Юзеев А. Н. Проект реформы мусульманского образования Х. Фаизхана. С. 189.

[532] Фаизханов Х. Высшее медресе. С. 23.

систематизированного проекта, подобного фаизхановскому и охватывающего широкий спектр вопросов касательно реформирования религиозного образования (содержание обучения, финансирование учебного заведения и т. п.) он не оставил. Проект реформы исламского образования, сопоставимый по масштабу с работой Х. Фаизханова, появился в Османской империи лишь к 1911–1914 гг. Автором его был уроженец Российской империи Х. С. Шибай.

Анализируя проект Х. Фаизханова, мы обнаружили разделение наук на те, которые могут быть полезны для мирской жизни, и те, которые обогащают духовное начало личности. Просветитель считал неправильным отстраняться от тех знаний, которые могут быть полезны в жизнедеятельности человека. Он утверждал: «Каждый мусульманин, мужчина или женщина, обязан получить знания в той мере, **чтобы иметь правильные убеждения, отказаться от пороков, приобретать добродетель, знать нормы и постановления, необходимые в делах жизни** (здесь и далее выделено мной – М. Г.) и после смерти, и незнание не является оправданием перед шариатом»[533]. Далее он дополнил свою мысль таким образом: «Некоторые европейцы, плохо знающие шариат, некоторые малоинформированные иностранцы, плохо относящиеся к исламу, думают, что религия мусульман велит изучать только науки для потустороннего мира, запрещает изучать науки, полезные для дольнего мира»[534].

Подобные идеи стали появляться у Х. Фаизханова еще в период его обучения в мектебе в 1830-х гг. О. Н. Сенюткина отмечает, что ученый не был удовлетворен традиционной системой обучения мусульман, прежде всего, из-за отсутствия в этой системе элементов светской учености[535].

Ученый был одним из первых в Российской империи, кто пытался развеять искаженное представление, распространенное среди татар и башкир, о том, что

---

[533] Фаизханов Х. Реформа медресе. С. 19.

[534] Там же.

[535] Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В., Сенюткина О. Н. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар. Н. Новгород: Медина, 2006. 96 с.; Сенюткина О. Н. Личность Хусаина Фаизханова: историко-культурологический дискурс // XX «Фаизхановские чтения»: материалы международной научно-образовательной конференции. М.: Медина, 2024. С. 54–65.

знания нужно получать только у мусульман: «Понятно, что речь в призывах к знаниям, содержащихся в Коране и хадисах, идет не только о религиозных, но и вообще о науках. В хадисе говорится: “Ищите знания даже в Китае”. “Мудрое слово – потерянное мусульманином имущество, и где бы его ни нашел, у него право на него”. Из этих хадисов становится ясно, что мусульманин должен брать знания там, где находит, даже у представителя другой религии»[536]. Однако эта мысль была крайне тяжела для принятия мусульманами, которые знали о непростых отношениях последователей ислама с представителями иных конфессий.

Для аргументации своей позиции Х. Фаизханов обратился к исламской истории, указывая на прецеденты изучения светских дисциплин в религиозных учебных заведениях в IX–XIV вв.: «В период могущества ислама, то есть в период арабских халифов, династии Саманидов и тюркских правителей династии Сельджукидов, в мусульманских городах были большие медресе, в них преподавались все шариатские науки того времени, естественные и точные науки, гуманитарные науки. Также мусульмане сами многого достигли в различных областях науки, были выше всех народов того времени, в том числе и христиан, в вопросах знания и образования. И совершенно не отказывались получать знания у представителей других религий»[537].

Х. Фаизханов конкретизировал светские предметы, которые можно и нужно изучать мусульманам. Одной из таких наук является медицина: «Факихи говорили также: “Изучение медицины является *фард кифайа*, а для правителя – *ваджиб*. В своем государстве он должен иметь столько врачей, что к каждому подданному должен находиться врач на расстоянии однодневного пути”. Если изучение медицины обязательно, то многие науки, связанные с медициной, тоже должны быть обязательными. Помимо этого, есть много религиозных решений,

[536] Фаизханов Х. Реформа медресе. С. 19.
[537] Там же. С. 20.

основанных на медицине, естественных науках, точных науках. Значит, изучение и этих наук по шариату обязательно»[538].

Х. Фаизханов говорил также о «дозволенности» и важности изучения географии и этнографии: «Они (шакирды – М. Г.) могут быть разносторонне полезны для нашей любимой родины России. Например, Восточный Туркестан, Бухара, Хива, Коканд до сих пор зависят от европейских специалистов. Однако казанские татары до сих пор сомневаются. К сожалению, по причине незнания светских наук они не приобретают от путешествий никаких знаний. Ведь иначе один образованный шакирд мог бы быть очень полезен таким наукам, как география, этнография»[539].

Отдельно Х. Фаизханов упоминал о «дозволенности» и необходимости изучения астрономии, приводя следующий хадис: «Изучайте науку о звездах в той мере, чтобы определять путь в море и пустыне, и определять время; оставьте то, что более этого»[540]. Делая подобные высказывания, он обращал внимание на прикладную значимость светских наук, полезных мусульманину.

Для реализации своего образовательного проекта он предлагал создать специальное медресе, в котором обучали бы большинству наук, входящих в программу российских гимназий[541]. Все предметы в этом медресе должны были преподаваться на татарском и русском языках[542]. Исследователи отмечают, что Х. Фаизханов отдавал приоритет родному языку[543], но подчеркивал важность изучения русского языка, обосновывая это выгодами для государства и народа. Государству это будет полезно тем, что основную часть знаний шакирды получат через русских ученых, которых будут считать своими наставниками[544] и воспитают в себе лояльное отношение к другому народу. Мусульманскому же

---

[538] Фаизханов Х. Реформа медресе. С. 20.
[539] Там же. С. 28.
[540] Там же. С. 19.
[541] Там же. С. 24.
[542] Там же. С. 25.
[543] Юзеев А. Н. Проект реформы мусульманского образования Х. Фаизхана. С. 185.
[544] Фаизханов Х. Реформа медресе. С. 25.

населению это будет полезно, так как чтение русскоязычных книг приведет к интеллектуальному прогрессу[545].

Относительно европейских языков: Х. Фаизханов предлагал мусульманам изучение французского, немецкого, латинского в классических гимназиях[546] или в частном порядке. В итоге ученый перечислил 11 различных дисциплин, которые могли бы быть введены в течение десяти лет обучения в медресе[547]. Он дал свое обоснование «дозволенности» и необходимости в своем проекте некоторым светским дисциплинам (например, географии и русскому языку), оставив другие (например, логика и геометрия) без пояснения.

Необходимо отметить, что в проекте реформирования исламского образования Х. Фаизханова мы не находим экономику среди тех светских дисциплин, которые он предлагал включить в программу медресе. Это можно объяснить тем, что на момент создания проекта в 1861–1863 гг. в России еще не завершился промышленный переворот. Соответственно мусульмане и в целом российское общество не принимали активного участия в развитии капиталистических отношений, доминировали традиционные феодальные порядки. Актуальность получения знаний в области экономики возрастала лишь к концу XIX в. В связи со сказанным можно отметить интересный факт: одним из первых российских мусульман, обратившим внимание на важность экономических знаний, был Г. Фаизханов, младший брат Х. Фаизханова.

Итак, Хусаин Фаизханов одним из первых во второй половине XIX в. в Российской империи составил проект реформы исламского образования, в котором попытался дать обоснование «дозволенности» изучения светских дисциплин в мусульманских учебных заведениях. Необходимость преподавания ряда дисциплин (например, русского языка, географии) богослов обосновывал с позиции логики. Но в большей степени Х. Фаизханов при аргументации ссылался на Коран и хадисы.

---

[545] Фаизханов Х. Реформа медресе. С. 26.
[546] Там же. С. 34.
[547] См. приложение 9.

Большое значение для обоснования основных принципов соотношения ислама и светской науки имеют труды А. Баязитова [548], который был авторитетным богословом-теоретиком реформаторского направления [549]. Он получил большую популярность благодаря произведению[550] «Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука» (1883). Во введении богослов указал на то, что ислам соответствует здравому логическому мышлению и не боится научных открытий [551]. Его аргументация, как у Х. Фаизханова, строится с опорой на историю исламского мира. Не отрицая влияние древних греков на арабскую цивилизацию, А. Баязитов отметил, что в начальный период существования Арабского халифата можно наблюдать собственное развитие философии, астрономии, химии, математики [552]. Халифы оказывали поддержку ученым, которые стояли «на пути науки и философии»[553]. Богослов отметил, что сама наука в Европу дошла через арабов, которые и развивали достижения античной Греции[554].

Так же, как и Х. Фаизханов, А. Баязитов приводил в подтверждение своих идей ряд хадисов и высказываний относительно «дозволенности» и важности получения знаний не только богословского характера, но и светского, в том числе:

---

[548] Атаулла Баязитов (1846–1911) – просветитель, религиозный, общественный и государственный деятель, имам, инициатор и организатор строительства соборной мечети в Петербурге, редактор и издатель первой в России татарской газеты «Нур», публицист. Атаулла Баязитов, будучи издателем газеты «Нур», публиковал там статьи на тему необходимости реформирования религиозного образования для преодоления отставания мусульман. См. подробнее: Шангараев Р. Р. Газета «Нур» как интегрирующий татарское общество в российское социокультурное пространство элемент // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2. С. 92.

[549] История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / под ред. Л. И. Алмазовой, Г. Г. Идиятуллиной, А. Г. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. С. 271.

[550] Часть трудов А. Баязитова была написана на татарском, а другая – на русском языке (см. подробнее: Гафаров А. А., Набиев Р. А. Модернистский дискурс в трудах А. Баязитова (80–90-е годы XIX века). С. 86). Произведение 1883 г. было написано на русском языке и обращено преимущественно к русской публике, которая читала Э. Ренана (подробнее: Бессмертная О. Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи // Islamology. 2017. Т. 7, № 1. С. 150).

[551] Баязитов А. Указ. соч. С. 16.

[552] Там же. С. 18.

[553] Там же. С. 25.

[554] Там же. С. 19.

«приобретай знания от колыбели до могилы», «ищите науку и познания, если бы даже они находились в Китае или на краю света», «учение есть обязанность для мусульман» [555] . В частности, А. Баязитов подчеркивал, что «имущество уменьшается от пользования, а наука, наоборот, по мере пользования лишь увеличивается»[556].

Важным является также и то, что А. Баязитов рассмотрел приоритетность изучения наук арабскими учеными[557]. Первые три науки являлись богословскими, далее шли светские – языкознание (лексикология, грамматика, риторика, словесность, морфология, синтаксис и т. д.), алгебра, геометрия, астрономия[558]. Он также упоминал, что арабы изучали географию, естественные науки и медицину[559], а также музыку[560].

Полемика с Ренаном заканчивается выводом о том, что наука и религия, как формы духовной культуры, могут объединиться для совместного достижения истины [561] . Все это потенциально привело бы к устранению религиозного и научного фанатизма[562]. В данном случае А. Баязитов под фанатизмом, скорее всего, понимал те крайности, в которых теоретически может оказаться тот, кто занимается только чем-то одним: религией или наукой.

Указанное произведение было известно за пределами Российской империи: турецкий писатель Ахмед Мидхат высоко ценил книгу А. Баязитова «Ислам и прогресс», описывая свои впечатления от её прочтения в письме татарскому просветителю Фатиху Карими[563].

В одной из своих последних работ под названием «Отношение Ислама к науке и иноверцам» (1906) А. Баязитов пытался показать позитивное отношение

---

[555] Баязитов А. Указ. соч. С. 20.
[556] Там же. С. 132.
[557] Там же. С. 141.
[558] Там же. С. 142–143.
[559] Там же. С. 144.
[560] Там же. С. 145.
[561] Там же. С. 41.
[562] Там же. С. 42.
[563] Bargan H., Gilazov T. S. Әхмәт Мидхәт Әфәнде һәм идел-урал төркиләре // Tatarica. 2014. № 1. С. 66.

ислама к науке[564]. Богослов не мог пройти мимо дискуссий относительно допустимости изучения логики, геометрии, естественной истории, физики, математики, медицины и других светских наук мусульманами. А. Баязитов считал людей, которые противятся их изучению, «неблагоразумными», налагая ответственность за подобное рассуждение не на саму науку, а на «бестактных деятелей»[565].

Интересны его отсылки к работам авторитетных ученых ислама. В частности, автор упоминает Аль-Газали, который касательно логики говорил, что кто ее не знает, тот не обладает основами для получения знания[566]. А. Баязитов также упомянул его позицию об обязательности изучения медицины[567].

В этой же работе А. Баязитов пытался убедить читателя в том, что нужно трудиться и заниматься торговлей[568], чтобы не находиться в зависимом положении от других, не бедствовать. Можно предположить, что автор выступал за «дозволенность» и необходимость изучения экономики для грамотного ведения торговли. Именно через категорию труда А. Баязитов пытался прийти к важности экономики и показать её в соединении с богословием[569].

Суммируя идеи этого богослова, отметим, что он поддерживал изучение таких светских дисциплин, как математика (алгебра и геометрия), философия, естественные науки (география, астрономия, медицина, физика), языкознание (лексикология, грамматика, риторика, словесность, морфология, синтаксис и др.), логика, история, экономика. А. Баязитов считал эти науки «дозволенными», аргументируя это положениями Корана, хадисов и историей развития ислама в ранний период, а также обращением к мнению крупных исламских богословов средневековья.

---

[564] Баязитов А. Указ. соч. С. 54.
[565] Там же. С. 60.
[566] Там же. С. 58.
[567] Там же.
[568] Там же. С. 90.
[569] Газизуллин Ф. Г. К вопросу об основных принципах соотношения ислама и науки в трудах Аятуллы Баязитова [Электронный ресурс]. URL: https://m-economy.ru/art.php?nArtId=800 (дата обращения: 23.09.2023).

Если А. Баязитов был в большей степени теоретиком, то другой богослов – Г. Баруди – являлся и практиком, так как руководил в 1882–1908 гг. известным казанским медресе «Мухаммадия». В размышлениях о путях реформирования системы мусульманского образования Г. Баруди обращался к трудам А. Курсави (1776–1812) и Ш. Марджани [570]. Существенную роль в формировании его реформистских взглядов сыграли К. Д. Ушинский (1823–1870) и К. Насыри (1825–1902). Идею о «дозволенности» светского образования Г. Баруди пытался распространять через журнал «*ад-Дин ва аль-адаб*» («Религия и нравственность»), основателем и редактором которого был сам богослов[571].

В своем дневнике «*Хәтер дәфтәре*» («Памятная книжка») Г. Баруди высказывался за реформирование начальных (приходских) школ и преподавание математики, географии, обществоведения[572]. Главным недостатком кадимистских учебных заведений богослов считал их оторванность от жизни[573], утверждая, что светские знания могут в значительной степени помочь студентам в реальной жизни.

Схожие идеи относительно «дозволенности» и необходимости изучения светских дисциплин высказывал известный богослов-просветитель Зайнулла Расулев. В брошюре «Ученые Троицка и новый метод», написанной в 1909 г. совместно с имам-хатибом мечети первого прихода Троицка, ахуном А. Рахманкуловым и имамом этой мечети М. Бикматовым, содержатся аргументы в пользу сторонников «нового метода». Л. А. Ямаева назвала данную публикацию «*фетвой*» улемов, направленной на введение светских дисциплин в медресе при условии, что основой учебного курса останется изучение Корана и сунны[574].

Как и иные богословы, З. Расулев обосновывал тезис о «дозволенности» изучения светских дисциплин через отсылки к авторитетам прошлого: «В

---

[570] Биктемирова Э. И. Указ. соч. С. 146.
[571] Хисамутдинова Л. С. Общественно-политические взгляды татарского просветителя Галимджана Баруди: дис. ... кандидата исторических наук: 23.00.01. Казань, 2004. С. 152.
[572] Баруди Г. М. Указ. соч. С. 65.
[573] Мухаметшин А. Г. Просветительская и педагогическая деятельность Галимджана Баруди (Галиев Галимджан) (1857–1921). С. 133.
[574] Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). С. 104.

религиозных медресе необходимо преподавать такие высокие науки, как геометрия, физика, философия, география, логика. В связи с этим призываем Вас обратиться к сочинениям мусульманского философа имама Абу Хамида ал-Газали»[575].

Кроме вышеперечисленных дисциплин, в медресе «Расулия» преподавались и другие светские дисциплины: этика, гигиена, природоведение, химия, физика, зоология, педагогика, тюркская и всеобщая история, каллиграфия, тюркский (тюрки – М. Г.) и русский языки[576].

Не менее известным представителем джадидизма являлся авторитетный богослов, муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС)[577] Ризаэтдин Фахретдин, который был уроженцем Самарской губернии[578]. Как и предшественники, он обосновал «дозволенность» и необходимость изучения светских наук, опираясь на историю исламской цивилизации: «У мусульман науки были в такой чести, что они могли пропутешествовать в течение месяца, лишь бы услышать мнение специалиста по той или иной отрасли знания. Людей с совершенными знаниями почитали, даже если они были представителями другого народа. Потому в Багдаде ученые из язычников, католиков, иудеев, христиан собирались вместе с великими мусульманскими мыслителями, вели научные беседы»[579]. Таким образом, Р. Фахретдин был солидарен с Х. Фаизхановым в том, что нужно получать знания без оглядки на конфессиональную принадлежность ученого. Эта мысль была не единственной, которая их объединяла.

Как и многие другие отечественные богословы, Р. Фахретдин выступал за допустимость и необходимость изучения русского языка: «Почему когда венгерский философ не довольствуясь тем, что он уж знает языки французский,

---

[575] Гимазова Р., Сафиуллина Р. Сочинение Зайнуллы Расулева «Ученые Троицка и новый метод». С. 214.

[576] Сафаргалеев И. Ф. Возрождение тасаввуфа в Урало-Поволжье и медресе «Расулия» // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Уфа: Мир печати, 2017. С. 309; Хамидов Е. Н. Новаторство Зайнуллы Расулева в педагогической деятельности. С. 9.

[577] Оренбургское магометанское духовное собрание – государственно-религиозное учреждение, созданное по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. с целью управления и координации деятельности мусульман Российской империи на территории Волго-Уральского региона.

[578] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 237 об.

[579] Фахруддин Р. Указ. соч. С. 31.

немецкий, русский, английский, японский, арабский и персидский – пробираясь среди башкирцев, заселяющих обширные пустыни Уфимской губернии, берет на себя трудность изучать их язык и обычаи, а мы никогда не учим русский язык. Ответы на эти вопросы может быть состоят из следующего ясного и краткого предложения / воспитание их хорошее – наше же плохое»[580].

Богослов считал, что традиционные мусульманские школы отстали от современной жизни. Это означало, что они не могли дать своим ученикам достаточно хорошего образования, чтобы они могли усвоить не только исламские принципы, но и практические знания для жизни[581]. Поэтому Р. Фахретдину пришлось самостоятельно изучать арифметику, географию, историю[582]. Также богослов призывал к изучению государственного русского языка[583].

В работе «*Нәсихәттәр*» («Наставления») Р. Фахретдин призывал к рачительности и усвоению знаний в области экономики: «Тот, кто в детстве не научился пользоваться деньгами грамотно, не научится и, будучи взрослым»[584].

Некоторые из вышеперечисленных предметов Р. Фахретдин считал полезными для изучения не только мальчикам, но и девочкам[585]. В этом вопросе Р. Фахретдин сходился во мнении с другим богословом – М. Бигиевым, который писал о социальном приоритете женщины, подчеркивал, что общество прогрессирует только тогда, когда женщине предоставлен максимум возможностей для реализации[586].

Известный богослов-реформатор М. Бигиев имел четкую позицию по вопросу обновленчества. В статье «Почему Запад прогрессировал, а мир Ислама

---

[580] Ризаэддин Фахреддин: наследие и современность: материалы научной конференции. Казань, 16 ноября 1999 года. Казань, 2003. С. 33.
[581] “My Biography” of Rida'al-Din b. Fakhr al-Din (Ufa, 1323 AH) with an Introductory Essay and Indexes / Ed. by M. Farkhsatov, I. Masumi, R. Bulgakov // TIAS Central Eurasian Research Series No. 11. Tokyo: Tokyo press, 2016. P. 33.
[582] Ibid.
[583] Ibid. С. 34.
[584] Фәхретдинов Р. Нәсихәттәр. Б. 12.
[585] Брилева Д. С. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36, № 2. С. 24.
[586] Хайрутдинов А. Г. Социально-философские аспекты татарского мусульманского религиозного реформаторства: на материалах творческого наследия Мусы Джаруллаха Бигиева: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Казань, 2004. С. 13.

пришел в упадок?» (1912) он утверждал, что отсутствие у мусульман свободомыслия и права самостоятельно выносить решения стали причинами «отсталости от европейцев» [587] . Чтобы иметь собственную точку зрения, необходимо разбираться во многих дисциплинах, в том числе и в светских. Поэтому М. Бигиев советовал воспитывать детей в духе деловитости, приучать их к торговле, коммерции и сельскохозяйственному труду[588].

Он также обратил внимание на важность подготовки мусульманами качественной литературы по светским дисциплинам: «Если в нашей литературе нет ни одного произведения, посвященного описанию мира природы (биологии – М. Г.), математике, социальным и другим важным наукам, и если наша образовательная литература в медресе и мектебах не приведена в должный порядок, то придется признать, что такие романы, как “Каменный гость”, “Агач мулла”, “Карт хазрат”, не отвечают нашим потребностям»[589].

Богослов активно призывал к непрерывному изучению программ школ и колледжей западного мира, чтобы изучить их достижения в науке и технологиях и обеспечить процветание мусульманского мира [590] . Наиболее прогрессивной частью мира богослов назвал Запад: «И если уж мы сами не можем двигаться путями прогресса, то давайте следовать в этом западному миру»[591]. Только усвоив все необходимые знания, мусульмане смогут написать собственную литературу для мусульман, которая сподвигнет их заниматься торговлей и экономикой[592].

Но как быть с «дозволенностью» тех или иных нововведений, которые вносятся извне, в особенности в немусульманских странах? М. Бигиев указывал на то, что нужно следовать тому, что не противоречит самой сути ислама, а, наоборот, полезно и способствует развитию личности. Следовать западному миру

---

[587] Хайрутдинов А. Г. Указ. соч. С. 73.
[588] Там же.
[589] Бигиев М. Некоторые актуальные проблемы нашего общества / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер с тат.-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. М.: Медина, 2022. С. 60.
[590] Там же. С. 61.
[591] Там же. С. 58.
[592] Там же. С. 61.

«нужно не в развлекательных играх и в том, что касается бесстыдства», а в науке, просвещении, промышленности, технологиях и торговле[593].

Ахун Буинского уезда Казанской губернии Хасан-Гата Габаши, в отличие от М. Бигиева, обращался не к западному опыту, а к тюркскому наследию. В книге «Всеобщая история тюркских народов» Хасан-Гата Габаши написал о состоянии науки у тюрок. Среди выдающихся тюрок, которые прославились в различных областях духовных и светских наук, он упомянул известных медиков Хусейна бин Гали бин Сину (980–1037) и его ученика Бахманьяра (?–1065), математиков – Абу Насра Мухаммада бин Тархан ал-Фараби (870–950), муллу Гали ал-Кушчи (1403–1474)[594]. В своей работе ахун призывал стремиться к науке: «Тюркская нация, достигшая значительных высот в культуре, земледелии, торговле, ремесле, письме и религии, не может оставаться невежественной и необразованной»[595].

Хасан-Гата Габаши имел схожие воззрения с Х. Фаизхановым и Р. Фахретдином касательно «дозволенности» и необходимости изучения русского языка. В одной из своих работ Габаши написал следующее: «Наша вера не ставит знание того или иного языка выше остальных… В современных условиях, когда татарское общество не может жить замкнуто, знание русского языка является наиболее серьезной проблемой. Без этого языка невозможно быть в курсе всех событий, из-за чего происходит столько недоразумений между татарским населением и государственными органами. Более того, в русских книгах есть очень много полезной информации для татарского населения»[596]. Известно, что Габаши общался с представителями русского научного мира, что служило примером для других[597].

---

[593] Бигиев М. Некоторые актуальные проблемы нашего общества / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер с тат.-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. М.: Медина, 2022. С. 58.
[594] Габяши Х.-Г. М. Указ. соч. С. 223.
[595] Там же. С. 221.
[596] Цит. по: Тухватуллин А. Х. К проблеме вклада Х.-Г. Габаши (1863–1936) в модернизацию духовной культуры татарского народа в конце XIX – начале XX века. С. 76.
[597] Марданова Д. З. Русский язык в рукописи Хасан-Гата Габаши «Нур ал-хакика» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 1. С. 160.

Таким образом, российские богословы уделяли большое внимание вопросам необходимости и «дозволенности» изучения светских наук.

Среди нерелигиозных дисциплин, которые не входили в традиционную программу обучения мусульман, но должны были изучаться, богословы упоминали историю, географию, физику, экономику, астрономию, медицину, алгебру, геометрию, языкознание, тюркские и русский языки, реже – химию, гигиену, музыку, поэзию, обществоведение, черчение, правописание, педагогику, литературу и политологию.

Богословы пытались предложить свое видение изменения программы обучения мусульманских учебных заведений. Некоторым, как, например, Х. Фаизханову, удалось составить цельный, тщательно продуманный проект реформирования исламского образования.

Светская интеллектуальная элита – писатели, просветители, издатели, представители буржуазии – формировали желаемый образ знающего, прогрессивного мусульманина, поясняли, каким должен быть современный верующий, и тиражировали этот образ как цель, к которой нужно стремиться.

Изучение нами творческого наследия российской светской интеллигенции и его оценки в историографии позволяют утверждать, что наиболее влиятельными акторами изучаемого трансфера являлись И. Гаспринский, Дж. Валиди, Ф. Карими, Ф. Амирхан, Г. Исхаки, К. Насыри, Г. Тукай.

Исследователи назвали Г. Исхаки (наряду с М. Бигиевым, Ф. Карими и другими представителями российских духовных и светских интеллектуалов) одним из тех, кто участвовал в развитии политической, общественной, научной и культурной сфер Османской Турции[598]. В произведении «Вырождение двести лет спустя» (1903) Г. Исхаки критиковал схоластическую систему образования в медресе Волго-Уральского региона, которая привела к сильному отставанию мусульман России. Для решения данной проблемы он предлагал привести

[598] Мухаметдинов Р. Ф. Татары в общественно-политическом движении Османской империи. – С. 13; Сайфулина Ф. С. Татарско-турецкие культурные и научные взаимосвязи: история и современность. С. 322.

отечественную систему образования в соответствие мировым стандартам [599], призывал учиться у передовых наций, не бояться обучаться в русских школах для повышения трудоспособности мусульман [600]. Под «мировым стандартом» Г. Исхаки, скорее всего, понимал то, что в Османской империи в мусульманских учебных заведениях уже преподавались светские дисциплины. Говоря о «повышении трудоспособности мусульман», автор полагал, что на качество работы влияют знания в разных областях, в которых русские уже преуспели. И для развития в светских ремеслах Г. Исхаки видел возможность обучения в русских школах. Среди необходимых светских дисциплин для мусульман писатель указал экономику, бухгалтерское дело, медицину, юриспруденцию, историю, математику, архитектуру и живопись[601].

Главный критерий значимости обретения знаний для Г. Исхаки – возможность практического их применения: поэтому он и настаивал на важности получения профессионального образования: «Богатство народа определяется его физическими затратами на труд, или, иначе говоря, объемом выполненной им работы. Этот объем зависит от умения работать, а для того, чтобы уметь, необходимо знать» [602]. Общественный деятель активно выступал за открытие собственных промышленных училищ (при наличии финансовой возможности), а при отсутствии средств предлагал поступать в государственные учебные заведения, получать там прикладные знания [603]. Выдвинул идею создания профильных классов: «…когда мы учреждаем обычную школу, при ней следует открыть и специальные классы для изучения тех или иных профессий и ремесел»[604].

Г. Исхаки считал возможным достигнуть прогресса татарской нации именно в России: «Некоторые ратуют за то, чтобы ехать за образованием в Турцию. Но они глубоко заблуждаются. Хотя у турков период осознания необходимости

[599] Исхаки Г. Г. Указ. соч.
[600] Там же.
[601] Там же.
[602] Там же.
[603] Там же.
[604] Там же.

реформирования учебных заведений и практической работы в этом направлении уже завершился, однако по причине всесилия и всевластия в них улемов (которые вообще стали настоящей напастью всех мусульман) реформы так и не были доведены до конца. К тому же мы живем в России, и для нас обучение в русских школах, знакомство с русской духовной жизнью гораздо полезнее. По-моему, в этом нет сомнения. Мы – российские мусульмане и хотим ими остаться. Ни одной покоренной нации, ни в одном государстве не дано столько свободы, сколько нам в России. Нужно только уметь ею пользоваться»[605]. Для обучения мусульман в русских школах необходимо было знать русский язык, а подготовка кадров нуждалась в правильной методике обучения.

О важности разработки методики обучения русскому языку писал татарский просветитель Каюм Насыри. Он начинал свои рассуждения, как и многие другие, с критики текущего положения вещей: многим из тех, кто окончил даже джадидское медресе, не под силу составить письмо в пять-шесть строк на русском языке[606], так как методика обучения была несовершенной[607]. А. Н. Юзеев выделил ключевую идею подготовки просветителя: от него требуется знание философии, астрономии, математики, умение вести беседу, демонстрируя знания в литературе, истории и географии[608]. И только тогда можно говорить о выходе из учебного заведения современного адиба – всесторонне образованной и воспитанной личности. Идеи К. Насыри повлияли на становление Г. Баруди как реформатора, получили свое развитие в идеях и практике И. Гаспринского[609].

Другой писатель Фатих Амирхан, который интересовался творчеством А. Мидхата[610], в произведении «Фаттхулла хазрат» (1910) изобразил идеальное будущее мусульманского народа, достигнутое благодаря развитию наук и

---

[605] Исхаки Г. Г. Указ. соч.
[606] Насыри К. Указ. соч. С. 72.
[607] Там же. С. 79.
[608] Юзеев А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX века: эволюция, основные направления и представители: дис. ... доктора философских наук: 09.00.03. М., 1998. С. 205.
[609] Салахов И. Ж. Модернистские тенденции в татарском обществе в XIX – начале XX в.: историко-политический анализ: дис. ... кандидата исторических наук: 23.00.01 / [Место защиты: Казан. гос. ун-т]. Казань, 2007. С. 82.
[610] Закирова Л. Р. Художественные детали в «Современных рассказах» Фатиха Амирхана (1886–1926). С. 140.

прогрессу. Главный герой, Фаттхулла хазрат, выступает против театра[611], музыки[612], называя их «запретными»[613]. Фаттхулла хазрат не хочет признавать медицину и то, что вернулся к жизни благодаря науке[614]. Таким образом, в этом рассказе рисуется негативный образ консервативно настроенного муллы, тормозящего развитие науки и культуры. Ф. Амирхан также привлек внимание читателя к вопросу о важности изучения русского языка в рассказе «*Хәзрәт үгетләргә килде*» («Мулла пришел поучать», 1912). В нем автор высмеял муллу, который получил образование в Бухаре и очень плохо знал русский язык[615]. В повести «Хаят» (1911) писатель показал позитивный пример приобщения татарской девушки по имени Хаят к русской культуре[616].

В другом рассказе «*Милләтне тәрәкъкый иттерү*» («Как способствовать прогрессу нации», 1908) Ф. Амирхан упомянул о том, что необходимо создавать общественные организации, которые будут объединять мусульман[617] и распространять новые идеи, популяризируя науку через ссылки на Коран и хадисы[618].

Свою роль в популяризации светских знаний сыграл известный татарский поэт Габдулла Тукай. Свою статью «*Милли хисләр*» («Национальные чувства», 1906) он традиционно начал с критики существующего положения вещей, отмечая низкое качество обучения в медресе и некомпетентность учителей[619]. В стихотворении «Деревенское медресе» (1912) Г. Тукай подверг критике

---

[611] См. также: Сибгатуллина А. Т. Человек на минбаре. Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.) = Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.). М.: Садра, 2018. С 26.

[612] Әмирхан Ф. Фәтхулла хәзрәт.

[613] Амирхан Ф. Указ. соч. С. 224.

[614] Дело в том, что Ф. Амирхан в данном произведении использовал фантастику как литературный прием для привлечения внимания читателя. Так, например, писатель показывает возможность науки в виде способности оживления умершего на примере Фатхуллы хазрата.

[615] Амирхан Ф. Указ. соч. С. 117.

[616] Там же. С. 250.

[617] Там же. С. 33.

[618] Там же. С. 36.

[619] Тукай Г. Хиссияте миллия [Электронный ресурс]. URL: http://gabdullatukay.ru/works/articles/articles-1906/hissiyate-milliya-nbsp-nbsp-nbsp/ (дата обращения: 29.03.2023).

кадимистские медресе, в которых студенты не могли получить необходимые знания[620].

Преодоление этой негативной ситуации он видел в деятельности сильного молодого поколения, которое могло бы, по его мнению, соединить национальные традиции с современными реалиями. Эту важную мысль Г. Тукай изложил так: «Нужны нашему народу и Пушкины, и графы Львы Толстые, и Лермонтовы. Короче говоря, нашей нации нужны и настоящие писатели, художники, новые национальные стихи, музыка и т. д., которые являются причиной развития других наций»[621].

В следующем отрывке в стихотворении «*Мәдрәсәдән чыккан шәкертләр ни диләр*» («Что рассказывают шакирды, вышедшие из медресе», 1907) поэт раскритиковал традиционную систему образования мусульман и призывал к ее реформе.

Не слепых –
Хазретов зрячих
Осудить должны мы
Строго,
Что народ
Не призывают
Жить получше
Хоть немного.
У обжор хазретов
Брюхо –
Так ли,
Этак ли припомнишь
Так огромно,
Так бездонно,
Не насытишь,

[620] Маликов Р. Ш., Галиакберова А. А. Педагогическая деятельность просветителя конца XIX – начала XX в. Габдуллы Тукая и борьба за обновление образования. С. 67.
[621] Тукай Г. Хиссияте миллия.

Не наполнишь…

О реформе

Мы твердили,

Что не быть реформе

Знали…

Хоть углы

Нам всем постыли –

Мы из них

Не вылезали[622].

Таким образом, позиция светских интеллектуалов заключалась в том, что традиционная система образования мусульман отставала от современных тенденций. Они подвергали критике устаревшие образовательные программы, на базе рациональных доводов доказывали необходимость изучения светских наук, показывали преимущество тех мусульман, кто обладает подобными знаниями. Аргументация светской интеллигенции выстраивалась через различные литературные приемы, выставляя знающих не только религию, но и нерелигиозные науки в более выгодном ключе.

Известной личностью, которой принадлежали идея и практика разделения османской системы религиозного образования по принципу старой и новой методики, являлся Селим Сабит Эфенди[623]. Л. Р. Муртазина отметила, что после возвращения из Франции в 1862 г. он внедрил французскую систему в одной из стамбульских школ, что послужило началом введения новометодного образования в Османской империи. В зарубежной историографии С. Сабита называют первопроходцем современной педагогической науки в Турции[624].

---

[622] Тукай Г. Что рассказывают шакирды, покинувшие медресе (пер. С. Ботвинника) [Электронный ресурс]. URL: https://gabdullatukay.ru/news/tukai-rusca/gabdulla-tukai-cto-rasskazyvaiut-sakirdy-pokinuvsie-medrese-perevod-semena-botvinnika (дата обращения: 26.03.2023).

[623] Муртазина Л. Р. «Единство языка, мысли и действий»: Вклад Исмаила Гаспринского в развитие просвещения мусульманских народов. С. 638.

[624] Öztürk Cemil. “Selim Sâbit Efendi” // DİA, Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, İstanbul, 2009. Vol. 36. S. 429.

Идеи С. Сабита содержатся в произведении «*Rehnümâ-yi Muallimin*» («Руководство для учителей», 1870), принесшем ему настоящую известность. Оно представляет собой 48-страничный отчет о регулировании деятельности начальных школ, который он отправил в 1869 г. в Министерство образования. В этой работе С. Сабит выразил свое мнение о методе обучения, который назвал «усул-уль-джадид», о создании классных комнат, расписании занятий, обучении грамоте, преподавании математики, географии, истории, а также о преподавательской профессии и учениках[625]. С. Сабит был вдохновлен системой образования во Франции, которая развивала мышление и расширяла кругозор учащихся.

Особое значение турецкий педагог придавал обучению истории: «Поскольку урок истории преследует цель одновременно научить чтению (на основе чтения) и помочь ребенку вспомнить некоторые важные события, то в начале каждого урока учитель сначала объясняет учащимся тему урока, затем он указывает на это место в книге, и ученики ее читают»[626]. На следующий день на основе изученного материала учащимся давалось описание важных событий, комментарии к сюжетам, обращалось внимание на даты, места происходившего и итоги по тексту. Далее ученики практиковали свои знания по предмету в вопросно-ответной форме. Ниже представлен возможный перечень этих вопросов:

1. Когда и где была основана Османская империя?
2. В какой день и откуда османы перешли на сторону Румелии?
3. При каком султане была построена крепость Румели?
4. Когда и при ком были завоеваны Стамбул и Эдирне?
5. В период правления какого султана была открыта Америка?
6. Какой султан завоевал Сирию и Египет?
7. Сколько раз город Вена осаждался османами?

---

[625] Yiğit Y. Selim Sabit'in Naĥv-i Oŝmānî Adli Eseri ve Türk Gramerciliğine Getirdiği Yenilikler: Yüksek Lisans Tezi. Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2015. S. 12.

[626] Цит. по: Ata B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. Bahar 2009. № 7 (2). S. 379.

8. Когда был упразднен янычарский корпус?

9. Когда началось строительство железных дорог в вилайете Адрианополь?[627]

Таким образом, изучение истории С. Сабит предполагал в рамках четырех действий: рассказ учителя, чтение учениками по книге изученной темы, повторение на следующий день пройденного материала и закрепление знаний в форме опроса.

Турецкие исследователи отмечают, что современники С. Сабита уже рекомендовали использование классной доски, картин, школьных музеев, карт и рисунков, драмы и ролевых игр в историческом образовании, а концепция исторического образования турецкого педагога была ограничена биографиями султанов. Широко практиковалось чтение книг и вопросно-ответная форма работы[628].

Так или иначе, С. Сабит сыграл важную роль в развитии джадидизма не только в Османской, но и в Российской империи[629]. Именно с его идеями знакомился И. Гаспринский, практикуя и популяризируя новый метод в различных регионах Российской империи.

Еще одним авторитетным турецким представителем из числа светской интеллигенции, который оказал значительное влияние на интеллектуалов Российской империи, был Ахмед Мидхат. В 3-м параграфе 2-й главы мы отметили, что произведения А. Мидхата пользовались большой популярностью среди духовных и светских интеллектуалов Российской империи.

Ранее мы упоминали о том, что важную роль в развитии джадидизма в Османской империи сыграл Муса Казым Эфенди, который был тесно связан с богословом татарского происхождения, уроженцем Симбирской губернии Халимом Сабитом Шибаем, который стал автором собственного проекта реформы

---

[627] Цит. по: Ata B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. Bahar 2009. № 7 (2). S. 380.

[628] См. подробнее: Ata B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. Bahar 2009. № 7 (2). S. 377–392.

[629] Lazzerini E. Rethinking the advent of jadidism // Казанское исламоведение/Kazan Islamic Review. 2015. T. 1. P. 144.

исламского образования. Этот проект, выполненный по поручению Мусы Казыма Эфенди, был представлен Х. С. Шибаем турецкому правительству «Комитета единения и прогресса» в 1911 г.

Безусловно, работу над проектом Х. С. Шибай не мог осуществить без соответствующих указаний. В особенности от Мусы Казыма Эфенди как учредителя комитета по реформе медресе, который затронул тему учебной программы в серии статей, написанных им в журнале «*Сират-ы мустакыйм*». В одном из номеров этого журнала в 1909 г. он упомянул о том, что традиционный метод преподавания и учебная программа, которым следовали до сих пор в медресе, должны быть реформированы с добавлением не менее пяти-шести дисциплин, состоящих из новых и современных курсов[630]. В качестве образца он сослался на опыт Египта[631]. Муса Казым Эфенди обратил внимание на то, что в новой программе, которая будет создана для формирования мусульманской интеллигенции, помимо религиоведения, студенты должны изучать философию, иностранные языки, естественные науки и т. д.[632]

Ранее мы рассмотрели проект реформы исламского образования Х. Фаизханова, некоторые идеи которого были внедрены на практике медресе. В одном из них, а именно в «Хусаинии» в начале 1900-х гг. вел свою преподавательскую деятельность Х. С. Шибай. Этот факт из биографии Шибая сыграл важную роль, когда «наверху» был поднят вопрос о составлении проекта реформирования исламского образования Османской империи. Х. С. Шибай получил начальное и среднее образование в одном из новометодных учебных заведений Самары[633]. Доверие к Шибаю родилось именно потому, что он не только получил образование в новометодном ключе, но и преподавал, используя новую методику, что делало его личный опыт по-своему уникальным.

---

[630] Nesrin Aktaran. II. Meşrutiyet Dönemi İslamcilik Akiminin Medrese Algisi (1908–1918). (Doktora Tezi). İstanbul, 2021. S. 147.
[631] Ibid. S. 148.
[632] Ibid.
[633] Биринджи А. Халим Сабит Шибай // Научный Татарстан. 2012. № 4. С. 51.

После того как в 1911 г.[634] Муса Казым Эфенди стал шейх-уль-исламом Османской империи, он возглавил Комитет по реформе медресе[635] и пригласил Х. С. Шибая для подготовки этого проекта[636].

Х. С. Шибай обращал внимание на то, что, если у участников реформы исламского образования будут разные цели, то они придут к разным результатам. Например, государству может быть интересна реформа с точки зрения создания новой модели образования, которая помогла бы в управлении обществом. Для реформаторов это может стать важным фактором успеха, который предоставит им нужный статус в обществе и, как следствие, привилегии. У студентов появится возможность стать более конкурентоспособными и использовать полученные знания.

Для выполнения подобной масштабной работы Х. С. Шибаю необходимо было изучить деятельность джадидских и классических религиозных учебных заведений Османской империи и других стран.

Прежде всего, он обратил внимание на достижения университета «Аль-Азхар». Успех египетского реформатора М. Абдо (1849–1905) в реформировании системы исламского образования был широко известен. В одной из статей под названием «Студенты Аль-Азхара и наши студенты науки» (1905) Х. С. Шибай провел сравнительный анализ османского и египетского опыта, а успех египетского университета связал с введением французского языка в учебную программу[637].

Просветитель подверг критическому анализу и деятельность джадидских школ родного ему Волго-Уральского региона. Во многом он опирался на личный опыт, так как знал работу системы изнутри – как ученик и как учитель в период с

---

[634] Şeyhülislâm Musa Kazım Efendi. Külliyât – Dini ve İctimai Makaleler. S. 14.

[635] Комитет по реформе медресе – это специальное учреждение, созданное по инициативе шейх-уль-ислама Османской империи Мусы Казым Эфенди для улучшения деятельности работы медресе в стране.

[636] Gökçek M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Şibay. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2008. P. 151.

[637] М. Гокчек считает, что дело не в самом языке, а в том, что студенты осознали необходимость и ценность изучения иностранных языков. См. подробнее: Gökçek M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Şibay. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2008. P. 158.

1890 по 1904 г. Но этого опыта было недостаточно, чтобы провести компаративный анализ религиозных учебных заведений Османской империи и Египта и предложить хорошие решения назревших проблем. Нужно учесть, что те сведения, которыми он владел, были в определенной степени неактуальны, их необходимо было обновить. С этой целью в 1910 г. Х. С. Шибай отправился на родину и посетил джадидские учебные заведения в Симбирске, Уфе, Казани. Ему удалось побывать на берегах Черного моря, в европейской части России, на Алтае, в Сибири и Туркестане [638]. Скорее всего, параллельно с изучением деятельности новометодных школ Российской империи, Х. С. Шибай собирал сведения о российских тюрках в интересах младотурок.

По результатам путешествия он в течение пяти лет (1912–1917) публиковал свои заметки в журнале «*Тюрк Юрду*»[639]. В одном из номеров этого журнала он рассказал о джадидских школах Симбирска[640], обращая внимание на изменение в программах обучения[641].

Сильное разочарование ждало Х. С. Шибая в медресе «Мухаммадия». Он писал, что ранее это учебное заведение было переполнено жаждущими знаний студентами, теперь же утратило былое величие и достоинство[642]. Разочарование Х. С. Шибая сменилось надеждой на новое поколение[643], которое возродит былую славу школы.

17 января 1911 г. Х. С. Шибай опубликовал свой проект в журнале «*Сират-ы мустакыйм*» («Истинный путь»). Остановимся на содержании проекта подробнее. Какова была цель проекта? Воспитание будущих *муджтахидов*[644], которые должны изучить наследие мусульманских ученых прошлого.

---

[638] Вильданова Р.К. Симбирский татарин Халим Сабитов. С. 176.
[639] См. подробнее номера журнала: Çalkan M. Halim Sabit Şibay'ın İslâm Hukuku İle İlgili Görüşleri (Yüksek Lisans Tezi). Çorum: Hitit Üniversitesi, 2013. S. 22–23.
[640] Halim Sâbit Şibay. Altaylar'a doğru. Ankara. Cümle. Hazırlayan Selma Günaydın. 2016. S. 33.
[641] Ibid. S. 232.
[642] Ibid. S. 252.
[643] Ibid. S. 253.
[644] Гумеров М. М. Татарский богослов Халим Сабит Шибай (1883–1946) о реформе исламского образования: оценки отечественной и зарубежной историографии // Гусевские чтения – 2023. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). М.: МГПУ, 2023. С. 479.

Посредством подготовки новых специалистов – адаптировать систему образования к вызовам времени[645].

Светские дисциплины, которые Х. С. Шибай посчитал нужным включить в программу медресе, он назвал «жизненными» науками. В частности, он считал важным изучение психологии как важнейшей части философии[646]. В своем проекте он не уделил много внимания обоснованию «дозволенности» и важности введения данной науки в медресе, но мы предполагаем, что психология позволила бы ученикам религиозных учебных заведений качественней вести дискуссии с оппонентами, не допуская потери контроля над своим душевным состоянием, и успешней распространять учение ислама. Проанализировав разделы и темы по психологии, Х. С. Шибай пришел к выводу, что эта наука опирается на анатомию и физиологию[647], которые также важны для образования будущих носителей мусульманской духовности.

Отчасти по тем же причинам он включил логику[648] в учебную программу, а также указал на необходимость овладения имамами ораторского искусства для красноречия[649].

Анатомию он называл одним из разделов зоологии[650]. Обе науки также были достойны изучения. Вероятно, при изучении зоологии и анатомии студенты могли заметить общие и специфические черты между человеком и животным, что позволило бы грамотно аргументировать свою позицию как при споре с оппонентами, так и в ходе разъяснения истинных положений ислама, опираясь не только на религиозные, но и на научные факты.

Говоря о содержании образования, Х. С. Шибай затронул вопрос о том, как учить. Для этого он предложил включить в программу такой предмет, как

---

[645] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle // Sırât-ı Müstakîm. 1911. Sayı: 5. Cilt 124. S. 332.
[646] Ibid. S. 334.
[647] Ibid.
[648] Ibid.
[649] Ibid.
[650] Ibid.

«Педагогика и здравоохранение»[651], который позволил бы грамотно подобрать соответствующие методы обучения. Он считал, что материал урока учителю следует преподносить, не читая книгу, а объясняя усвоенные знания самостоятельно[652]. Живя в России, Х. С. Шибай познакомился с идеями тех интеллектуалов (например, К. Насыри, Ф. Карими), которые обращали внимание на методы обучения, указывали на важность практического применения педагогической теории.

В целом Х. С. Шибай считал крайне полезным изучение светских дисциплин, чтобы развивать у учеников мыслительные способности благодаря философским наукам и математике[653].

Определенное внимание в проекте Х. С. Шибай уделял дисциплинам «Государственное и западное законодательство» и «Экономика»: «*Муамалят* содержит положения и законы, необходимые для того, чтобы общество и жизнь людей начали упорядочиваться в соответствии с принципами справедливости и права. Как помнится из нашей классификации, раздел права под названием муамалят основан на аятах и хадисах, но при этом полностью является рациональным. Итак, здесь есть две стороны, одна из которых заключается в обосновании закона посредством традиционных доводов, а другая – в его рациональности. Первая сторона опирается на Коран и сунну, а вторая сторона – на мудрость в установлении шариатских положений, то есть на знание положений муамалята и *маслахата*. Эти шариатские положения будут лучше поняты, если будут сравнены с законами государства и западным законодательством. Следовательно, до определенного предела нужно изучать и эти законы»[654]. Из сказанного становится ясным, что знание светских законов позволяет лучше осознать каноны шариата в процессе компаративного анализа. Также студенты, обращая внимание на последствия введения тех или иных законов государства в

---

[651] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle // Sırât-ı Müstakîm. 1911. Sayı: 5. Cilt 124. S. 334.
[652] Uyanık N. Halim Sabit (Şibay) ve Türk Milliyetçiliğndeki Yeri (1883–1946) // Türkler. C. 14. Ankara, 2002. S. 871.
[653] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle. S. 334.
[654] Ibid. S. 335.

различных странах, могли прийти к определенному умозаключению, к точным формулировкам и трактовкам нормативных актов. Современным аналогом данного предмета можно считать «Международное право».

Относительно «Экономики» Х. С. Шибай указал на то, что некоторые разделы муамалята связаны с данной наукой[655]. Стоит также помнить о том, что практически во всех джадидских медресе Волго-Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в. можно было наблюдать преподавание экономики, что соответствовало запросам мусульманской буржуазии.

Х. С. Шибай посчитал уместным включение в программу медресе «Астрономии» и «Космографии», так как они лучше позволяют понять смыслы аятов Корана об обитателях земли и небес[656]. В этой связи они являются «дозволенными». Но является ли наличие данных предметов в учебной программе гарантом успеха в усвоении и практике светских и религиозных дисциплин?

Некоторые светские дисциплины богослов разделил на те, которые связаны с религией, и науки, не имеющие прямого отношения к исламу. К тем, которые связаны с религией, Х. С. Шибай относил историю и географию. «Знать прошлое и настоящее мусульманских народов»[657] нужно, чтобы лучше понять специфику развития тех или иных исламских регионов и улучшить управление территориями, которые входили в состав Османской империи, например, арабами в Палестине.

Благодаря знаниям по истории и географии, студенты могли бы иметь объективное представление о том, как устроено общество в различных странах, что позволило бы, в свою очередь, увидеть преимущества и недостатки систем управления. С учетом того, что Османская империя стремилась сохранить свои территории, не исключено, что некоторые студенты впоследствии могли бы быть теми лицами, которые способствовали бы реализации турецкой политики в разных регионах.

---

[655] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle // Sırât-ı Müstakîm. 1911. Sayı: 5. Cilt 124. S. 335.
[656] Ibid.
[657] Ibid.

Шибай также призывал изучать химию, природоведение, зоологию и анатомию, объясняя это тем, что ученики и выпускники медресе не могут оставаться равнодушными к окружающему миру, растениям и биологическим процессам, которые они всегда видят вокруг[658]. Он указал на то, что сам Аллах повелевает размышлять об этом. Это интересная мысль, которая, по всей видимости, раскрывает возможность постичь знамения и мудрость творений Аллаха через изучение светских наук. Ранее в других проектах мы не видим подобных обоснований.

После описания светских и духовных дисциплин, которые Х. С. Шибай предложил включить в учебную программу медресе, он перешел к систематизации и описанию организации того, как осуществить преподавание этих наук максимально эффективно. Для этого он предложил разделить дисциплины на три класса: по направлению, образованию и жизни[659].

Первый класс составляют такие исламские науки, как наука *таухид* (единобожие и вероучение), *калям*, коранические науки, наука о хадисах и ее ответвления, право и исламская нравственность.

Второй класс состоит из знаний и наук, уроков, которые необходимы для того, чтобы правильно понимать исламские знания и разделять их в соответствии с настоящим и соответствующим временем. Здесь больше идет речь об *акыде* и правилах вынесения фетв.

Третий класс – это уроки, которые необходимы с жизненной точки зрения, например, математика, география и пр.

Сравнивая проекты реформ исламского образования Х. Фаизханова и Х. С. Шибая, мы можем заметить общность их взглядов на организацию преподавания светских и религиозных дисциплин в новом медресе. Рассмотрим подробнее этот вопрос.

Х. Фаизханов предложил организовать обучение следующим образом: «Учащиеся этого медресе делятся на две группы. Одна группа – шакирды

---

[658] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle. S. 335.
[659] Ibid.

шариатских наук, они освобождаются от французского и немецкого языков, не очень необходимых гимназических предметов и русского языка в старших классах. Вторая группа – шакирды светских наук, они освобождаются от арабского и персидского языков, медицины, специальных предметов из числа религиозных дисциплин. В этом медресе пять классов, в каждом обучение длится по два года. Два последних класса являются специальными для шариатских наук и медицины. Раз в два года набираются учащиеся, раз в два года происходит окончание учебы. Причина того, что классов не десять, а пять, состоит в том, что в таком случае необходимо меньшее число преподавателей. Это медресе соответствует седьмому классу гимназии»[660].

Здесь мы можем наблюдать деление медресе на две части, в которых либо доминируют светские, либо религиозные дисциплины в зависимости от того, кем будут в дальнейшем выпускники медресе: богословами или представителями мусульманской интеллигенции.

Теперь обратимся к проекту Х. С. Шибая: «В этом случае необходимо разделить медресе на две части. В первой части из них преподаются начальные исламские науки; на уроках второго и третьего классов для государства и нации готовят людей со средним уровнем образования. Те, кто этого хочет, могут быть включены во вторую часть. Здесь ограниченно изучаются исламские науки; это может стать начальным уровнем для тех, кто хочет специализироваться в исламских науках. Но поскольку круг исламских знаний довольно широк, ясно, что человек не может быть успешным в жизни, если всю свою жизнь он посвятит изучению только исламских наук. Следовательно, после первого и второго года первой части медресе, каждый изучает ту отрасль науки, к которой он близок, как это делали его предшественники. И будет стараться стать специалистом в этом знании. В этом случае последние годы обучения в первой части медресе должны быть разделены на несколько ветвей, таких как изучение Корана, хадисов и

[660] Фаизханов Х. Реформа медресе. С. 25.

ответвлений этой науки, методология права. Вот таким образом может быть создан по-настоящему «Даруль-фунуниль-ислями» (университет исламских наук)»[661].

Как мы можем заметить, в проектах медресе Х. Фаизханова и Х. С. Шибая имеются светское и религиозное отделения. Оба считали целесообразным усилить каждую часть теми предметами, которые позволят стать успешными богословами или светскими интеллектуалами (государственными деятелями, творческими деятелями и т. п.). Проект Х. Фаизханова обладает в этом вопросе явным преимуществом: имеется четкое описание срока обучения с наименованиями дисциплин и количеством часов, которые выделяются на изучение каждого предмета в неделю. Возможно, он взял за образец учебную программу гимназий, которые были на территории Российской империи. Изучение опыта российских учебных заведений помогло ему установить определенные границы в сроках обучения в сочетании светских и религиозных дисциплин.

С учетом своего большого опыта, Х. С. Шибай, который хорошо понимал особенности российских и турецких джадидских школ, в заключении своего проекта пришел к интересному выводу: «Помимо того, чтобы учеников обучали как воспитателей и спасителей людей, нужно формировать их еще и как полноценных членов общества, как это делали наши праведные предшественники. Для этого в учебную программу добавлю еще некоторые практические и жизненные уроки. Однако я вижу, что, хотя в области мысли появилась заметная свобода, эта потребность по-настоящему еще не осознана. Дорогие коллеги, я надеюсь, что еще до того, как вскоре мы лицом к лицу столкнемся с этой потребностью, мы по-настоящему осознаем ее и попросим у Аллаха вступления в третий и последний этап реформирования медресе»[662].

Пытаясь понять, что имел в виду автор проекта, мы можем прийти к выводу, что проект Х. С. Шибая является одним из этапов реформирования исламского образования. Вероятно, ставка была сделана на новое поколение

---

[661] Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle. S. 336.
[662] Ibid. S. 337.

мусульман (муджтахидов), которые с учетом своего видения, понимая потребности общества, смогут дать ответы на новые вызовы.

Итак, во второй половине XIX в. особую популярность среди представителей мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе Российской империи получили идеи о реформировании системы исламского образования, в которой можно было бы совмещать как богословские, так и светские дисциплины.

Практически все изученные нами оценки акторов культурного трансфера сводились к поддержке идеи необходимости изучения русского языка. Богословы в основном ратовали за введение истории, географии, физики, экономики, астрономии, медицины, алгебры, геометрии, языкознания, тюркских и русского языков, реже – химии, гигиены, музыки, поэзии, обществоведения, истории буржуазии и рабочего класса, черчения, правописания, педагогики, литературы и политологии. Для представителей светской интеллигенции, которые поддерживали этот перечень светских предметов, был характерен акцент на методику обучения.

Проектам реформы исламского образования, вышедшим из-под пера Х. Фаизханова и Х. С. Шибая, присуща детальная проработка всех моментов организации учебного процесса в медресе и мектебе. Кроме большого внимания к проблеме изучения мусульманами светских наук, эти авторы обосновывали необходимость тех или иных сроков обучения, оптимальные особенности учебных помещений и их оборудования; предлагали учитывать потенциал взаимодействия учителей и обучающихся, мугаллимов и родителей шакирдов; размышляли над механизмами финансирования школ.

3.3. Образовательные новации в самарских медресе

Медресе и мектебе России во второй половине XIX – начале XX в. представляли собой прежде всего традиционные учебные заведения. И Самарская губерния не была исключением. В действительности, новометодные медресе в

России и регионе развивались поступательно, постепенно наращивая свой потенциал, о чем мы писали ранее.

Положительное отношение к русскому языку в начале XX в. было особенно актуальным для российских джадидов. Практически все участники Третьего мусульманского съезда, проходившего в Нижнем Новгороде с 16 по 21 августа 1906 г., единогласно поддержали предложение Абдуррешида Ибрагимова сделать русский язык в джадидских школах обязательным предметом[663]. Впоследствии русский стал обязательным лишь в наиболее крупных медресе: «Мухаммадия», «Галия», «Хусаиния» и др. В сельских и менее известных медресе такая возможность из-за финансовых или кадровых трудностей, как правило, отсутствовала.

В историографии некоторые авторы уточняли позицию богословов-новаторов, полагавших, что знание русского языка являлось необходимым для всех категорий мусульманского населения: духовенства, купечества и крестьянства[664]. Государство, изначально поддерживая подобные начинания в медресе и мектебе, мотивировало преподавателей-джадидов, что также нашло отражение в историографии[665].

Интерес к возрастным особенностям в организации процесса обучения нашел отражение в учебных программах и планах, нацеленных на повышение качества образования[666].

---

[663] Meyer J. H. Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. P. 125.

[664] Юзеев А. Н. Проект реформы мусульманского образования Х. Фаизхана. С. 186; Хабутдинов А. Ю. Реформы образования у мусульман Российской империи нового времени: от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского. С. 13; Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. P. 193.

[665] Саматова Ч. Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX в.: на примере Казанского учебного округа: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / [Место защиты: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан]. Казань, 2010. С. 26; Зябиров Р. М. Государственная политика в области народного просвещения нерусских народов Казанской губернии во 2-й половине XIX – начале XX в. С. 96; Лаза В. Д., Беломыцев А. А. Исламское образование в контексте государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2021. № 4. С. 61.

[666] Frank A. Muslim Cultural Decline in Imperial Russia: A Manufactured Crisis // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. Vol. 59, No. 1/2. P. 178; Валидов Дж. Указ. соч. С. 28.

Джадидская система образования привела к определенным изменениям, которые отличали ее от кадимистской: программа обучения, подход и приоритеты в просвещении мусульман, условия, при которых учащиеся могли получать знания в области ислама, новые источники финансирования, а также иное отношение к женскому образованию, которое стало все больше приобретать институционализированный характер.

Рассмотрим перечисленные изменения последовательно, начиная с программы обучения. Обучение, как и в кадимистской системе, начиналось с мектебе. Однако сама программа обучения претерпела некоторые изменения. В ноябре 1912 г. на Бугурусланском съезде мусульман в Самарской губернии была выработана общая программа обучения уровня мектебе[667]. Учебная программа джадидских мектебе Самарской губернии в начале XX в. приведена в Приложении 2.

Как мы можем видеть из таблицы в Приложении 2, программа обучения в джадидских мектебах имела общие признаки с кадимистскими: доминирование богословских дисциплин, отсутствие изучения русского языка. Но уже отчетливо можно проследить определенный срок обучения – 4 года, который в кадимистских мектебах мог составлять в среднем 3–5 лет[668]. Начиналось обучение тюркскому языку, который был понятнее татарам и башкирам Самарской губернии, чем арабский или персидский, на котором до этого велось обучение. Со второго класса начали уделять внимание декламации – выразительному чтению художественных произведений. Под вероучением Коблов скорее всего понимал предмет «Иман шарты» (основы веры), который преподавался и в кадимистских мектебах. В джадидских мектебах данный предмет был разделен на несколько частей и изучался постепенно. Впервые в рамках учебной программы начали изучать географию с третьего класса. На данном этапе изучали Европу, впервые вводились наглядные пособия – карты. В четвертом классе учащиеся писали

[667] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 80.
[668] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 104.

сочинения. Данный предмет был необходим, чтобы научить детей писать письма. По географии на данном этапе изучали остальные части света.

Далее рассмотрим учебную программу джадидских медресе Самарской губернии. Для этого мы рассмотрим программы обучения медресе «Гобайдия», «Гарабия», Тайсугановское в Бугульминском уезде Самарской губернии и сравним с медресе «Мухаммадия» в Казани[669], так как Бугульминский уезд находился ближе к Казанской губернии.

Попутно отметим, что новометодные медресе в Бугульминском уезде лучше финансировались благодаря Байрякинскому мусульманскому благотворительному обществу, что позволяло хотя бы приблизиться к более известным медресе Волго-Уральского региона, таким как «Мухаммадия». Используемая в новометодных школах Самарской губернии учебная литература часто печаталась в Казани[670], что также говорит о некоторой схожести образовательных программ.

Как мы можем видеть из таблицы в приложении 3, в каждом учебном заведении были свои сроки обучения (в медресе Бугульминского уезда 9 лет, а в «Мухаммадии» 15 лет), отличались и преподаваемые дисциплины. Все это указывает на то, что на территории Волго-Уральского региона не было единого мнения среди духовенства о том, в каком объеме следовало бы преподавать те или иные дисциплины. Меньший срок обучения в медресе Бугульминского уезда Самарской губернии по сравнению с «Мухаммадией» можно объяснить наличием в последней высшего уровня обучения – «Галия». Тем не менее в джадидских школах появилась определенность в сроках обучения хотя бы на уровне конкретного учебного заведения, чего не было в кадимистской системе.

Напомним, что в новометодных школах, в отличие от кадимистских, где образование велось на арабском языке, стали учить детей на родном языке. В

---

[669] Реконструированная нами учебная программа джадидских высших школ Бугульминского уезда Самарской губернии и медресе «Мухаммадия» в начале XX в. представлена в приложении 3.

[670] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 15об.

медресе «Мухаммадия», в отличие от учебных заведений Бугульминского уезда, в программу включали изучение тюркского языка, что позволяло читать работы зарубежных тюркских авторов. Но для преподавания тюркского языка требовались высококвалифицированные специалисты, которые были не во всех медресе.

Становится очевидным, что светские предметы играли не менее важную роль, чем религиозные в джадидских медресе. Среди наиболее важных из них в учебных заведениях Самары, второй имам мечети на улице Казанской Мухаммет-Фатых Муртазин [671] называл следующие: русский язык, география, история, каллиграфия, родной язык, начальный курс бухучета и экономики.

Для изучения русского языка открывались даже русские классы при мектебе и медресе[672]. Исследователи отмечают, что в 1902 г. из 57 русско-татарских школ в Казанском учебном округе лишь два русско-татарских училища и один русский класс при медресе находились в Самарской губернии: русско-татарские школы в д. Султангуловка Бугурусланского уезда и д. Старая Юлдашево Бузулукского уезда[673]. К 1912 г. русские классы, содержавшиеся за счет земства, появились при медресе деревень Байряково, Тумутук и Альметьево Бугульминского уезда. По

---

[671] Мухамметфатых Шигабеддинович Муртазин (1875–1938) – учился в медресе г. Буинска и Казани. С первых дней своего духовного служения он становится помощником Шихабетдин-хазрата в деле организации учебного процесса в самарском медресе и принимает активное участие в налаживании системы новометодного обучения. Он – инициатор выпуска в России самого первого печатного органа по экономике на татарском языке – журнала «Икътисад» («Экономика»), образования в 1907 г. Первого татарского культурно-просветительского общества, открытия в 1911 г. книжного магазина «Икътисад», член Самарского кредитного общества и Самарского кооператива просвещения, Самарского отделения «Всероссийского комитета охранения народного здравия», то есть активный участник и общегородской жизни. Фатих-хазрат является также общественным и политическим деятелем мусульман России – он участвовал в 1906 г. в работе проходившего в Санкт-Петербурге съезда мусульман, где выступил с предложениями к проекту по реформе мусульманского образования, а в 1926 г. на съезде Центрального духовного управления мусульман, проходившем в Уфе, где озвучил несколько требований: разрешения открывать духовные школы и налаживать религиозное обучение, продолжить духовное образование за границей, улучшить материальное положение духовенства. Эта его «национал-религиозная» деятельность, охарактеризованная после ареста в 1937 г. как «антисоветская агитация и шпионаж», стала причиной его репрессирования. Он был расстрелян весной 1938 г. (см. Гусева Ю. Н. Мухаммед-Фатых Муртазин (1875–1937): страницы жизни // Самарский краевед. Самара: Самарский университет, 2011. С. 137–147).

[672] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 109.

[673] Там же. С. 110.

данным школьного начальства, изучать русский язык стремились, прежде всего, дети духовных лиц, без знания русского языка не имевшие возможности продолжить «семейное дело», и сыновья мелких торговцев и военных ввиду практического значения для них русского языка, русской грамоты[674].

Практически вся литература в медресе Самарской губернии была из Казани, где располагались такие известные издательства, как типография торговый дом «Братья Каримовы»[675], Лито-Типография Т-во «Умид»[676]. Благодаря экспедиции в с. Алькино Похвистневского района Самарской области в 2018 г. нами были обнаружены в библиотеке медресе «Гали» книги, которые предназначались для шакирдов. Скорее всего, книга под издательством «Братьев Каримовых», изданная в 1907 г., принадлежит к суфийской теме. Данное предположение основывается на том, что, по мнению к. и. н. М. Н. Османовой, данная типография специализировалась в основном на издательстве сочинений суфийского толка[677]. Вторая книга представляет собой светский учебник. Вероятно, по всеобщей истории либо по истории религий, судя по сноскам в конце книги, где указываются древние города[678], исторические личности[679]. На странице 218 имеются сведения по видам налога в древности. Имеются также на странице 203 внутристрочные ссылки на британского историка Эдуарда Гиббона, на немецких историков Фридриха Шлоссера и Августа Мюллера. В целом Коблов отмечает, что с 1905 г. начало расти количество учебников по общеобразовательным предметам для конфессиональных школ[680]. Но в своей основе эти учебники являлись переводными вариантами с русского языка, качество которых удовлетворяло учеников мектебе, но никак не шакирдов медресе[681].

---

[674] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 110.
[675] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 50.
[676] Архив автора.
[677] Османова М. Н. Казань – центр мусульманского книгопечатания в Российской империи в XIX – начале XX века // Исламоведение. 2013. № 1(15). С. 60.
[678] Мемфис, Вавилон, Иерусалим, Экбатана.
[679] Эрнест Ренан, Велизарий, Заратустра.
[680] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 105.
[681] Там же.

Отдельно стоит упомянуть об условиях обучения в джадидских школах, где были иные условия для обучения шакирдов. Впервые была введена классно-урочная система, появилась школьная мебель: парты, учебная доска и т. д. Открылись специализированные кабинеты. Напомним, что в кадимистских школах шакирды занимались на полу, письменные задания в программу не входили, зачастую молельные комнаты, учебные классы и место для ночлега находились в одном и том же месте[682]. Таким образом, мы видим, что улучшились санитарно-гигиенические условия для обучающихся медресе.

Система финансирования джадидских школ тоже претерпела ряд изменений. Установилась определенная плата за обучение в зависимости от материального состояния семьи, и могла составлять от 10 до 100 руб. Учитывая запрос нового класса – буржуазии в развитии новометодного образования, мы можем видеть, как, например, известный симбирский меценат Тимербулат Акчурин[683], в ноябре 1888 г., купил у крестьянина И. Н. Павлова участок (150 кв. саженей) на улице Казанская. А в 1891 г. он на собственные средства построил каменную мечеть[684], при которой действовало новометодное медресе.

Социальный слой буржуазии начал играть важную роль как при финансировании, так и при распространении джадидских идей. Так, например, согласно архивным документам ОГАОО можно установить, что учащиеся медресе Хусаиния покупали пособия у местных книготорговцев, которые привезли их из Казани, где они издавались[685]. Часть купцов в Оренбургской

---

[682] Мухаметзянова Д. С. Указ. соч. С. 123.

[683] Тимербулат Акчурин – родился в 1826 г. в семье симбирского купца Курамши Акчурина. После смерти отца стал полноправным владельцем Гурьевской фабрики, которая специализировалась на выпуске изделий из сукна. На рубеже XIX–XX вв. при фабрике имелось литейное предприятие. Тимурбулат Акчурин занимался также благотворительной деятельностью. 30 января 1881 г. в д. Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда открыл в своем помещении бесплатную столовую, в 1904 г. открыл при своей Гурьевской фабрике больницу для лечения больных и раненных. Скончался Акчурин 19 сентября 1906 г.

[684] Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара, 2012. С. 40.

[685] О состоянии культпросвет работы среди мусульман Оренбургской губернии // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 22.

губернии активно посещали З. Расулева[686], а другая часть – купцы братьев Хусаиновых посещали Самару[687].

Кроме этого, можно отметить деятельность первых мусульманских благотворительных обществ. С появлением джадидской системы образования требовались дополнительные источники финансирования для проведения соответствующих реформ. Благотворительные общества стали играть существенную роль на территории Волго-Уральского региона, сведения о которых мы можем найти в ОГАОО[688]. В Самаре подобная организация появилась в 1907 г. по инициативе М. Муртазина[689]. Официально эту организацию знали в городе как благотворительное общество «Хайрия» (Благотворительность), которое, согласно архивным данным, возглавил сам же М. Муртазин[690]. За срок своего существования (1907–1913 гг.) общество «Хайрия» способствовало развитию культурно-просветительской, благотворительной деятельности среди мусульман города: курировало татарские школы при мечетях, издательство журнала «Икътисад»[691], бесплатную мусульманскую библиотеку, магазин для торговли книгами, проводило религиозные и светские культурные мероприятия, осуществляло попечение над бедными шакирдами[692].

Подобные благотворительные организации пытались открыть и в других уездах Самарской губернии. Так, в частности, неоднократно (в 1906 и 1907 гг.) поступали ходатайства в адрес Бузулукского уездного исправника от наиболее активных мусульман г. Бузулука Яруллы Валеева, муллы Галиаскара Гафурова и других лиц о регистрации и утверждении устава «Бузулукского мусульманского

---

[686] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 160.
[687] Там же. Л. 363об.
[688] Там же. Л. 19.
[689] Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара, 2012. С. 61.
[690] Ведомость XI о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 741. Л. 2.
[691] О мусульманском движении в Оренбургской области // ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 618. Л. 238об.
[692] Хайрия – Благотворительное общество» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Самарской исторической мечети. URL: https://www.tarihi-mechet.ru/хайрия-благотворительное-общество/ (дата обращения: 15.08.2021).

благотворительного общества»[693]. Данная идея не получила практической реализации из-за неодобрения ряда пунктов устава представителями властей: не было данных о том, что подписавшие заявление обладали «законной правоспособностью», не было порядка выступления и выхода из общества, предмета ведения совета и места его нахождения, порядка ведения отчетности и изменения устава[694].

Успешней оказались мусульмане Бугульминского уезда, которым удалось в 1907 г. создать организацию под названием «Байрякинское общество мусульман-прогрессистов»[695] (далее – общество), учредителями которого являлись мулла г. Бугульмы Ахмедзян Мухамедзянов, имамы д. Байряково Масугут Габдулгалеевич Губайдуллин и Мухсин Габдулгалеевич Губайдуллин, мулла д. Абсалямовой Мухамедзариф Мухамедкаримов и др.[696] Департамент духовных дел сообщил Самарскому губернатору о том, что общество оказало значительную материальную помощь мусульманским учебным заведениям д. Байряки Бугульминского уезда[697]. В самом начале устава общества мы видим, что целью провозглашалось распространение современного просвещения[698]. Однако география не ограничивалась только Бугульминским уездом, но и касалась Уфимской губернии[699]. Это связано с тем, что среди активистов были представители не только Самарской губернии. Членами общества могли стать даже несовершеннолетние учащиеся[700], что говорит о широкой социальной базе. Для того чтобы считаться действительными членами общества, минимально в кассу организации нужно было вносить по 10 руб. в год[701]. Правление находилось

---

[693] Переписка с Самарским губернатором об учреждении Бузулукского мусульманского благотворительного общества // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 122. Д. 7. Л. 3.
[694] Там же. Л. 12об.
[695] Об учреждении Байраковского общества мусульман прогрессистов // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 126. Д. 66. Л. 2об.
[696] Там же. Л. 5.
[697] По запросам Министерства, Департамента духовных дел // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5861. Л. 58.
[698] Об учреждении Байраковского общества мусульман прогрессистов // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 126. Д. 66. Л. 2об.
[699] Там же. Л. 2об.
[700] Там же.
[701] Там же. Л. 2.

по уставу в Байряках в количестве от 6 до 12 человек, избираемых на три года[702]. Уже за первый год работы согласно отчету общества в 1908 г. были организованы временные педагогические курсы для учителей мектебе – мугаллимов[703], выдача нуждающимся учителям и ученикам средств до 100 руб.[704]. На следующий год в 1909 г. общество через директора народных училищ Самарской губернии ходатайствовало перед управлением Казанского учебного округа о разрешении открыть в Бугульме двухгодичные курсы по подготовке мугаллимов для преподавания по новому методу[705]. Туда могли приниматься на конкурсной основе учителя не моложе 16 лет, имевших свидетельство о прохождении курса Рушдия при медресе[706]. Однако здесь представители власти дали однозначный ответ в виде отказа, указывая, что проектируемые курсы якобы «имели явную тенденцию создать раскол среди мусульманского населения, внося путем подготовки особых учителей-мугаллимов в их школы новые методы преподавания и новые предметы, как, например, историю, географию, арифметику, тогда как по действующим законоположениям в медресе и мектебе должны преподаваться мусульманское вероучение и татарская грамота под наблюдением и ответственностью мулл»[707].

Конечно, организация подобных курсов требовала больших расходов. Так, согласно смете расходов на содержание даже двухмесячных курсов для учащихся мусульман Самарского уезда в 1918 г. требовалось 15 000 руб.[708], из которых 6760 руб. тратились на содержание лекторов, 4500 руб. – на содержание

---

[702] Об учреждении Байраковского общества мусульман прогрессистов // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 126. Д. 66. Л. 3.
[703] Там же. Л. 59об.
[704] Там же. Л. 60.
[705] Там же. Л. 68.
[706] Там же. Л. 68об.
[707] Об учреждении Байраковского общества мусульман прогрессистов // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 126. Д. 66. Л. 69.
[708] Журналы присутствия Самарской губернской земской управы по отделам народного образования, финансовому, социальному обеспечению; протоколы общих собраний волостных земств. Доклад о выборе второго уполномоченного во Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, смета расходов на содержание курсов для учащихся мусульман Самарского у. // ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 42. Д. 1. Л. 181об.

45 слушателей[709], а остальное – на суточные приезжим лекторам, на учебные пособия, хозяйственные, канцелярские и другие непредвиденные расходы[710].

Еще одним источником дохода джадидских школ были вакфы. В частности, упомянутый нами ранее Т. Акчурин передал купленный участок земли в безвозмездное пользование мусульманской общине в 1898 г.[711] Известен также случай создания в начале XX в. попечительства при оформлении вакфа на содержание медресе, как в д. Юлтыево Бузулукского уезда, где в вакфную собственность прихожане передали 35 десятин общественной земли, что позволяло медресе ежегодно получать доход в сумме 200 руб.[712] Но, возможно, здесь шла речь о передаче имущества кадимистам, так как в Бузулукском уезде джадидских школ практически не было. Таким образом, свидетельств о передаче большого числа вакфного имущества в собственность джадидам мы не находим, что позволяет делать вывод об очень маленьком их значении в списке доходов новометодных учебных заведений.

Новым источником дохода стало финансирование со стороны земских учреждений. В основном они финансировали открытие русских классов при мектебе и медресе[713]. В исследованиях Э. М. Гибадуллиной имеются следующие данные: «Так, например, с 1882 г. Бугульминская земская управа начала ежегодно выделять на содержание медресе деревнях Нижние Чершилы и Байряки по 200 руб. на каждую школу. С 1886 г., кроме указанных, по 200 руб. выделялось на покупку учебных принадлежностей в школах деревень Тумутук и Тайсуганово. Ежегодно на содержание школ в Бугульминском уезде земством выделялось в целом 49 тыс. руб., его материальная помощь выразилась в размере 3 тыс. руб. или 28 коп. в расчете на одного ученика, тем мусульманским школам, где

---

[709] Журналы присутствия Самарской губернской земской управы по отделам народного образования, финансовому, социальному обеспечению; протоколы общих собраний волостных земств. Доклад о выборе второго уполномоченного во Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, смета расходов на содержание курсов для учащихся мусульман Самарского у. // ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 42. Д. 1. Л. 181.
[710] Там же. Л. 181об.
[711] Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара, 2012. 41 с.
[712] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 116.
[713] Там же. С. 109.

изучался русский язык. Ассигнования губернского земства этим школам начались с 1907 г. и вплоть до 1914 г. не превышали 1% сметы расходов. Помощь земства в голодном 1911 г. в Николаевском уезде благодаря стараниям старшины пяти волостей с башкирским населением Габбаса Юлтыева выразилась в виде бесплатного питания и лечения шакирдов. В 1912 г. в д. Старое Котлумбетево Бугурусланского уезда была открыта столовая, где с февраля по апрель бесплатно питались 300 шакирдов, на что земством было выделено 1350 руб. В 1913 г. земскому гласному Шакиру Латыповичу Хакимову удалось добиться выделения земством пособия мусульманским школам до 6000 руб.»[714] Данные мероприятия не являлись решением проблемы финансирования джадидских школ. Все же стоит признать, что основным источником финансирования новометодных школ были частные пожертвования прихожан. Согласно архивным данным на содержание мусульманских школ в 1908 г. было израсходовано 4300 руб.,[715] а в 1909 г. – 3000 руб.[716] Сокращение расходов можно объяснить тем, что в 1908 г. было зафиксировано 2300 учеников мужского пола[717], а в 1909 г. – 2271[718].

Исследование показало, что в своем большинстве джадидские школы Самарской губернии имели много общего с другими медресе Российской империи: в них четко определялись сроки обучения, появились светские предметы, был осуществлен переход на звуковой метод обучения, стало возможным обучение на родном языке, вводилась классно-урочная система.

В силу географической, историко-культурной близости новометодные учреждения Самарской губернии тяготели к Казани как центру прогрессивной мусульманской учености, во многом копировали казанские методы обучения, программы и пр. Одними из известных новометодных школ в регионе были

---

[714] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 117.

[715] Ведомость XI о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 292. Л. 2.

[716] Ведомость II о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 404. Л. 1.

[717] Ведомость XI о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 292. Л. 2.

[718] Ведомость II о числе учебных заведений и учащихся в иноверческих и магометанских школах // ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 404. Л. 1.

медресе Бугульминского уезда («Гобайдия», «Гарабия», Тайсугановское), которые имели как общие черты с джадидским медресе Казанской губернии, так и определенные отличия. В частности, в медресе «Мухаммадия» срок обучения был более продолжительным, чем в медресе Бугульминского уезда (15 и 9 лет соответственно), учебная программа в Казани также была шире: велось обучение тюркскому языку и пр. Учебная литература для новометодных школ Самарской губернии часто также издавалась в Казани.

Анализ архивных материалов позволяет говорить о формировании сети джадидских учебных заведений в Волго-Уральском регионе, связанных между собой через: общие учебные программы (большинство учебников печатались в Казани в типографии братьев Каримовых); перемещение преподавателей между медресе разных губерний (например, выпускники оренбургского медресе «Хусаиния» преподавали в Самарской губернии); единую методологию обучения, основанную на звуковом методе и включении светских дисциплин.

Изначально новометодные школы на самарской земле стали открываться, прежде всего, благодаря частным пожертвованиям со стороны представителей татарской буржуазии.

В начале XX века стал заметен рост количества новометодных заведений в Самарской губернии: с 28 джадидских школ в 1898 г. до 34 мектебе и 3 медресе в 1912 г. Одной из причин стало разнообразие форм их финансирования, связанное с тем, что к прежним источникам добавились новые – выплаты со стороны земств и благотворительных организаций. При этом частные пожертвования буржуазии продолжали оставаться основным источником финансирования, так как последняя понимала важность светского образования, сохраняя верность исламской религии.

Однако темпы развития подобных школ в Самарской губернии нельзя назвать стремительными. Объяснить это можно тем, что в данном регионе на момент начала развития джадидизма не было многочисленного слоя буржуа, как в Казанской, Уфимской и Оренбургской губерниях, которые могли бы значительно ускорить процесс открытия новометодных школ. То же самое можно сказать о кадрах, способных реализовывать подобные новации.

3.4. Джадидские медресе между консервативным духовенством и губернской властью: особенности взаимоотношений

Преподаватели-консерваторы (кадимисты) считали, что любое изменение может привести к утрате национальной и конфессиональной идентичности. Поэтому они отстаивали сохранение существующих общественных и религиозных институтов и проповедовали строгое их соблюдение (*таклид*) относительно средневековой богословской традиции. Кадимисты отвергали нововведения (бид'а) не только в культовой, но и в публичной сфере. В особенности это касалось запрета на изучение светских предметов (в том числе и русского языка) и проявлялось в отрицательном отношении к образованию женщин, которое могло получить институциональный характер.

Долгое время джадидизм («новый метод») противопоставлялся традиционному мусульманскому образованию – *кадимизму* («старый метод»). В рамках традиционной системы образования мусульман Российской империи светские дисциплины в исламских учебных заведениях, за исключением логики и математики, не являлись обязательными. Вместе с тем отдельные светские дисциплины иногда могли осваивать сами шакирды самостоятельно, вне программы обучения. Срок обучения в традиционных учебных заведениях был неопределенным: некоторые дети в мектебе могли начать обучение в 6–7 лет, некоторые задерживались как шакирды вплоть до 15–17 лет. Успех обучающегося в медресе во многом определялся его личными умственными способностями, а также профессионализмом преподавателя.

Уже в начале XX века сторонники старометодного обучения постепенно начинали терять былой авторитет в глазах общины. Теперь они не рассматривались населением в качестве единоличных лидеров над сознанием верующих. Потеря кадимистами своего привилегированного положения среди мусульман приводила к серьезным столкновениям с представителями джадидского метода обучения. Известны случаи, когда кадимисты подстрекали

местное население против учителей, которые преподавали светские дисциплины[719].

Особенно негативно кадимисты и их сторонники реагировали на введение русского языка в мусульманских школах джадидами. Вероятно, это связано с тем, что еще в 1891 г. был введен образовательный ценз для мусульманского духовенства [720] , согласно которому имам-хатибы должны были иметь свидетельство о знании русского языка на уровне одноклассного начального народного училища. А сельские муллы часто не умели читать и писать на русском языке[721].

Очевидно, что негативное отношение к введению светских дисциплин у части религиозных лидеров сложилось в результате имперской школьной политики во второй половине XIX в. Тогда мусульманские общины должны были на свои средства открывать «русские» классы при мектебе и медресе с обучением русскому языку. При этом государство установило запрет на открытие конфессиональных школ без учителя русского языка, расширение курса арифметики (до попыток введения правительственных мер в традиционных школах изучали четыре арифметических действия), изучение основных действий с дробными числами. Принудительное изменение программы обучения в медресе по инициативе представителей другой конфессии приводило к сопротивлению со стороны мусульман. Просвещение мусульман по «системе Ильминского» также могло способствовать русификации и религиозной ассимиляции, поскольку он ратовал за христианское просвещение на родном языке (своего рода – духовное обрусение)[722].

Были известны случаи, когда мусульманские дети, которые никогда не слышали русскую речь, пугались русских учителей. Все эти меры правительства вкупе с активностью православных миссионеров, особенно заметной в Волго-

---

[719] Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 50.
[720] Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 119.
[721] Галяутдинов И. М. Указ. соч. С. 44.
[722] См. подробнее: Павлова А. Н. Система Н. И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века): учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 203 с.

Уральском регионе, формировали негативное отношение у мусульман к каким-либо внешним вмешательствам в программу обучения исламских учебных заведений[723].

Зачастую джадиды обвинялись в отходе от религии, во введении недопустимых якобы канонами ислама правил и методов обучения в религиозных школах. В частности, мударриса медресе в д. Старое Ермаково Самарской губернии Хуснуллу Багаутдинова, который ввел математику, географию, историю, природоведение и др. предметы, односельчане обвиняли в том, что он обучает детей «безбожным наукам»[724].

Основными вопросами, наиболее часто звучавшими в диалогах и спорах джадидов и кадимистов, были следующие: возможность самостоятельного толкования Корана либо значительное ограничение иджтихада; введение светских предметов в учебные программы за счет курсов религиозного содержания либо сохранение традиционных программ; источники финансирования образовательных учреждений за счет махалля или за счет ОМДС; вопрос о женском образовании, о ношении западной одежды и пр. В целом проникновение джадидов в учебный процесс вызывало беспокойство кадимистов по поводу возможной потери религиозного сознания и собственной идентичности.

Названные предметы споров свидетельствуют о том, что вопрос реформирования исламских учебных заведений с целью создания мусульманской интеллигенции был чрезвычайно сложным и болезненным, кадимисты считали обновление угрозой интересам религии и религиозной бюрократии. Последние, и не без основания, полагали, что реформистские инициативы могли спровоцировать отход от мусульманских канонов и привести к «обмирщению» образования.

Многочисленными были жалобы кадимистов Троицка на джадидов. Они обвиняли последних, в особенности З. Расулева, в стремлении к сепаратизму,

---

[723] Насыри К. Указ. соч. С. 75.
[724] Галяутдинов И. М. Указ. соч. С. 45.

активно указывая на то, что воспитанники новометодного образования получили образование в Константинополе.

Активность самарских джадидов также вызывала подозрение. Как мы упоминали ранее, ахун Бугурусланского уезда М. Х. Рахманкулов в феврале 1908 года обращался к уездному исправнику с просьбой о разрешении открыть читальню при Бугурусланском медресе[725]. Однако в Самарском губернском ГЖУ было устойчивое понимание того, что читальни были прикрытием для политической работы, поэтому была проведена тщательная проверка функционала и людей, которые планировали работать в читальне. Так, например, Рахманкулову необходимо было расписать всевозможные правила пользования читальней, указать языки тех литературных произведений, которые будут там, а также дать сведения о конкретных личностях, которые будут нести ответственность в этом учреждении[726].

Описание этих правил давало властям общее представление об организации учреждения, и лишало возможности в дальнейшем использовать его в иных целях, не предусмотренных правилами читальни. Для государства было важно наличие прошедших государственную цензуру произведений. Власти прилагали все усилия, чтобы не допустить наличия религиозных и светских литературных произведений на турецком языке, учитывая, что Османская империя уже с начала нового времени была геополитическим соперником России. Заведующие читальней были проверены Губернским жандармским управлением, которое никаких сведений, компрометирующих их в политическом отношении, не выявило[727].

Несмотря на позицию Самарского ГЖУ, мусульмане губернии в целом вели себя лояльно по отношению к власти, поддерживали государство, что особенно явно выразилось в годы Первой мировой войны.

---

[725] По прошению бугурусланского ахуна Гарыфа Хумутдинова Рахманкулова об открытии при бугурусланской татарской медресе читальни // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1979. Л. 1.
[726] Там же. Л. 2.
[727] Там же. Л. 6.

Усиление джадидских медресе в Самарской губернии и в регионе в целом напрямую зависело от способности сторонников реформ выстраивать сложные и гибкие стратегии взаимодействия как с консервативным духовенством (кадимистами), так и с имперской властью. Проведенный нами анализ показывает, что джадиды были вынуждены вести борьбу на два фронта, применяя различные тактики для каждой из сторон.

Во взаимодействии с консервативным духовенством основной стратегией джадидов была интеллектуальная и богословская полемика, направленная на завоевание авторитета внутри мусульманской уммы. В ответ на обвинения в отходе от веры, введении «безбожных наук» и недопустимых новшеств, реформаторы апеллировали к исламской традиции иджтихада и рациональному толкованию священных текстов. Они доказывали, что изучение светских наук не только не противоречит исламу, но и является необходимым условием для выживания и процветания мусульманской нации в меняющемся мире, тем самым перехватывая у кадимистов роль руководителей за будущее уммы.

Стратегия взаимодействия с государственной властью была более прагматичной и строилась на принципах демонстрации лояльности и общественной пользы. Понимая подозрительность властей, видевших в новой мусульманской активности угрозу панисламизма и сепаратизма, джадиды действовали несколькими способами. Во-первых, они активно внедряли в учебные программы русский язык, что служило мощным аргументом в пользу их интеграционной, а не изоляционистской направленности. Во-вторых, они стремились к легитимации своей деятельности через официальные каналы, как в случае с читальней ахуна Рахманкулова, подчиняясь строгим требованиям и проверкам со стороны ГЖУ. Это позволяло им формально оставаться в рамках закона. Таким образом, джадиды позиционировали себя не как оппозицию, а как конструктивную силу, способствующую подготовке грамотных, современных и лояльных подданных, полезных для Российской империи.

Следовательно, выживание и развитие джадидского проекта в регионе было обусловлено способностью его лидеров к двусторонней адаптации: они вели

богословский диалог с кадимистами, апеллируя к внутренним исламским ценностям, и одновременно выстраивали прагматичные отношения с властью, демонстрируя свою лояльность и общественную пользу.

Социально-экономическое и духовное развитие махалля самой Самарской губернии, а также влияние Казанской и Уфимской губерний со значительно развитым джадидским образовательным полем, создавали возможности для создания сети новометодных мектебе и медресе в интересующем нас регионе.

По рассмотренным ранее каналам культурного трансфера в самарское жизненное пространство проникали отдельные идеи «внешнего ислама», особенно позиции мусульманских ученых Османской империи по вопросу соотношения светских и религиозных дисциплин в учебных программах образовательных учреждений. Как отмечалось ранее, если до 1880-х гг. в Самарской губернии насчитывалось 105 мектебе и 30 медресе, то к 1915 г. их число достигло 408 мусульманских школ, из которых 310 были мектебе для мальчиков, 12 – мектебе для девочек, 86 – медресе для мальчиков. Соответственно, увеличивалось и количество новометодных учебных заведений.

Вопрос о примерном соотношении кадимистских и джадидских учебных заведений не простой. Ранее мы отметили, что Коблов зафиксировал тот факт, что реформа конкретного учебного заведения могла быть половинчатой[728]. В одних медресе Самарской губернии менялись условия обучения (парты, доски и т. д.), но не успевали поменять полностью программу обучения, а в других могло быть наоборот. Основываясь на динамике увеличения числа мусульманских заведений к 1915 г., мы считаем, что из указанных 408 исламских школ 124 были новометодными (примерно 30% от общего числа). Такое соотношение старо- и новометодных учебных заведений можно объяснить наличием кадровых и финансовых ограничений, характерных для мусульманских общин Самарской

[728] Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 90.

губернии. Для сравнения, по данным Р. Мухаметшина, в Казанской губернии уже в 1910 г. 90% мусульманских школ были новометодными[729].

Новометодники приходили к мысли о том, что выпускники медресе должны были формироваться не только как правоверные мусульмане, но и как полноценные члены общества, а российское общество тогда являлось имперским, многоэтничным и многоконфессиональным.

Укоренение джадидских медресе в Самарской губернии и в регионе в целом напрямую зависело не только от поддержки заинтересованных акторов из числа мусульманских элит, но и от способности сторонников реформ к двусторонней адаптации и позиции государства. С одной стороны, они вели диалог с консервативным духовенством (кадимистами) через апелляцию к исламской традиции иджтихада, с другой – с имперской администрацией – путем демонстрации лояльности, преподавания русского языка и формирования лояльных государству подданных. Эта двусторонняя адаптация была ключевым условием выживания джадидского проекта в целом. В богословских спорах с консервативным духовенством джадиды доказывали, что изучение светских наук необходимо для процветания мусульманской нации и не противоречит исламу, стремясь таким образом перехватить у оппонентов роль лидеров уммы. Стратегия джадидов в отношении имперской власти заключалась в демонстрации лояльности: они внедряли в образование русский язык и стремились узаконить свою деятельность, чтобы снять с себя потенциальные подозрения в сепаратизме.

[729] Мухаметшин Р. М. Мусульманское образование у татар в дореволюционной России: состояние, проблемы и перспективы // Minbar. Islamic Studies. 2009. Т. 2, № 2. С. 82.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа с источниковыми и историографическими материалами позволила диссертанту прийти к следующим выводам.

Социально-экономическое развитие Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в., формирование мусульманской торгово-предпринимательской среды, изменение социальной структуры мусульманских общин и включение их в общественные и административные практики модернизирующегося российского общества создали условия для возникновения нового образовательного запроса. Этот запрос был связан с необходимостью соединения религиозной подготовки с практическими знаниями, востребованными в меняющемся социально-экономическом пространстве региона.

Реформа в сфере образования стала возможной благодаря разветвлённой сети культурного трансфера, где ключевую роль играли конкретные люди – посредники, связывавшие локальное пространство губернии с интеллектуальными центрами Российской (Бахчисарай, Казань, Уфа и пр.) и Османской империй. Идеи, полученные извне, творчески адаптировались, обогащались и становились частью общего (но не единого!) российского джадидского интеллектуального поля. В результате изучения жизни и деятельности богословов и представителей светской интеллигенции Российской и Османской империй были выявлены наиболее известные акторы трансфера: среди российских богословов – Х. Фаизханов, Ш. Марджани, А. Баязитов, Р. Фахретдин, М. Бигиев, Х. Габаши, З. Расулев, Г. Баруди и Х. С. Шибай, среди турецких – А. Гюмюшханеви, Муса Казым Эфенди. Среди представителей российской светской интеллигенции следует назвать И. Гаспринского, Дж. Валиди, Ф. Карими, Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Тукая, К. Насыри, а из Османской империи – С. Сабита, А. Мидхата, М. Дж. Нури Илери. Наиболее активными реформаторами – уроженцами Самарской губернии были Р. Фахретдин и Ф. Карими. В самом регионе активную роль сыграли такие богословы, как

Мухаммет-Фатих Муртазин, Шигабутдин Минюшев, Мухамметгариф Рахманкулов, Шакир Ибрагимов, Хамза Вахитов, Гакиль Ашмасов и представители интеллигенции – Хади Атласи, Мухамед-Сабир Хасанов и ряд других.

Определение роли механизмов культурного трансфера (хадж, образовательная миграция, пресса, суфийские сети) в процессе модернизации системы образования самарских мусульман (в оптике введения светских дисциплин в мусульманские учебные заведения) подтвердило нашу мысль о том, что эти механизмы можно рассматривать как часть исторического явления под названием джадидизм. Действительно, в указанный период формировалось трансграничное российско-турецкое пространство циркулирующих, «переплетенных» идей, касавшихся вопросов реформирования религиозного образования, внутри которого основные аргументы в пользу «дозволенности» и необходимости изучения светских дисциплин в мусульманских школах принципиально совпадали.

Различия имелись только в формах выражения аргументации. В Российской империи мысль о важности изучения светских дисциплин с включением их в учебную программу медресе появлялась «снизу», из само́й мусульманской среды. Духовные и светские интеллектуалы Волго-Уральского региона сами становились инициаторами введения новаций в учебный процесс. Отличие Османской империи было в том, что там этот процесс шел «сверху»: государство выступало заказчиком адаптации системы исламского образования к вызовам времени. В обоих случаях в основе перемен лежали новации социально-экономического и политического характера, которые осознавались мусульманами как вызовы, требовавшие обновления образовательных программ и методик.

В рассматриваемый период наиболее восприимчивыми к реформированию оказались мусульманские учебные заведения Волго-Уральского региона, специфической чертой истории которых стало сочетание кадимизма и джадидизма, что, в свою очередь, было определено меняющимися условиями общественной жизни Российской империи и трансформациями мусульманского

интеллектуального пространства конца XIX – начала XX в. Под влиянием идей практиковавшего в Оренбургской губернии мусульманского богослова, просветителя, ишана Зайнуллы Расулева новометодное обучение распространилось в сети медресе Волго-Урала и особенно Самарской губернии. Ученики З. Расулева Шакир Ибрагимов, впоследствии ставший муллой с. Ново-Урайкино Ставропольского уезда Самарской губернии, и Мухамед-Сабир Хасанов, крестьянин д. Бакаево Бугурусланского уезда Самарской губернии, ставший депутатом Государственной думы II созыва от Уфимской губернии, проводили в жизнь образовательные идеи джадидизма. Шакирды из Самарской губернии активно приезжали на продолжение обучения в новометодные медресе «Хусаиния» (город Оренбург), «Галия» и «Усмания» (Уфа). Один из выпускников медресе «Галия» Хамза Вахитов открыл в 1909 г. джадидское медресе в д. Бавлы Бугульминского уезда Самарской губернии.

Статистические материалы показывают постепенное и неравномерное распространение новометодных учебных заведений в Самарской губернии. К 1915 г. в губернии насчитывалось 408 мусульманских школ – 310 мектебе для мальчиков, 12 мектебе для девочек и 86 медресе для мальчиков; по авторской оценке, из 408 учебных заведений новометодными были 124 (около 30% от общего числа). Темпы этого процесса зависели от финансовых возможностей общин, махаллей, наличия подготовленных преподавателей, позиции местного духовенства и степени административного контроля со стороны губернских властей, наличия устойчивых каналов коммуникаций с единоверцами из различных российских «мусульманских» центров и турецких городов. При этом обновление мусульманского образования следовало обосновать с точки зрения теологии. Без этого развитие джадидизма на самарской почве и в мусульманском сообществе Российской империи не имело достаточных перспектив.

В деле создания новометодных школ важную роль играл человеческий фактор: в Самарской губернии имелся ряд активных сторонников реформирования медресе и мектебе. Достаточно назвать хотя бы такого джадида, как ахун Бугуруслана Мухамметгариф Рахманкулов, который способствовал

укреплению позиций исламского реформаторского движения на территории губернии.

В учебных программах джадидских медресе губернии появились дисциплины светского содержания. Во многих из них имело место не просто добавление отдельных светских курсов, а глубокое, системное обновление программ. Во-первых, в учебные планы активно вводился широкий круг светских дисциплин. На начальном этапе (мектебе) обязательными становились арифметика, география, история, чистописание и родной язык. В некоторых медресе, таких как бугульминские «Гобайдия» и «Гарабия», к ним добавлялись алгебра, всеобщая история и история России, а также практически ориентированные предметы – начальный курс бухучета и экономики, что напрямую отвечало запросам формирующейся буржуазии.

Во-вторых, интеграция этих дисциплин была не поверхностной, а затрагивала саму структуру учебного времени. В передовых центрах, таких как «Мухаммадия», количество часов, отведенных на светские предметы, значительно превышало время на традиционные религиозные курсы.

Характер обновления программ также состоял в переходе от схоластического механического заучивания к системному образованию: внедрялась классно-урочная система с четким разделением на ступени (ибтидаия, рушдия, игдадия), фиксированными сроками обучения, использованием парт, досок и наглядных пособий. Ключевым нововведением стал переход на звуковой метод обучения на родном языке, что делало образование более доступным и эффективным. При этом не существовало единообразия программ.

Таким образом, создавался гибридный учебный план, сочетавший традиционный религиозный компонент с современными светскими знаниями и педагогическими методиками, нацеленный на воспитание нового типа мусульманина – грамотного, конкурентоспособного и способного успешно интегрироваться в социально-экономическую жизнь Российской империи, не теряя при этом своей религиозной идентичности.

Процессы трансфера идей о «дозволенности» и необходимости изучения светских дисциплин между тюрками Российской и Османской империй шли практически синхронно в одних и тех же хронологических рамках, взаимно дополняя друг друга. Светские и духовные интеллектуалы обеих империй стремились к обмену идеями и изучению опыта друг друга. Обмен идеями сочетался с самостоятельной разработкой проектов и их адаптацией к местным обстоятельствам. Таким образом, мы можем видеть, что изучение трансфера помогает понять сложные масштабные процессы, которые охватывали российское мусульманское образовательное поле; и Россия в смысле совершенствования мусульманского образования не только не была в отрыве, но и во многих вопросах задавала тон.

Постепенно к мусульманским богословам, предпринимателям, меценатам и представителям светской интеллигенции приходило понимание важности синтеза собственных потребностей уммы с обязательным учетом государственных интересов. Во взаимодействии с консервативным духовенством основной стратегией джадидов, в том числе и самарских, была интеллектуальная и богословская полемика, направленная на завоевание авторитета внутри мусульманской уммы. В ответ на обвинения в отходе от веры, введении «безбожных наук» и недопустимых новшеств, реформаторы апеллировали к исламской традиции иджтихада и рациональному толкованию священных текстов. Они доказывали, что изучение светских наук не только не противоречит исламу, но и является необходимым условием для выживания и процветания мусульманской нации в меняющемся мире, тем самым перехватывая у кадимистов роль руководителей, отвечавших за будущее уммы.

Стратегия взаимодействия с властями была более прагматичной и строилась на принципах демонстрации лояльности и общественной пользы. Понимая подозрительность властей, видевших в новой мусульманской активности угрозу панисламизма и сепаратизма, джадиды действовали несколькими способами. Во-первых, они активно внедряли в учебные программы русский язык, что служило мощным аргументом в пользу их интеграционной, а не изоляционистской

направленности. Во-вторых, они стремились к легитимации своей деятельности через официальные каналы, подчиняясь строгим требованиям и проверкам со стороны губернских властей. Однако после событий 1905–1907 гг. государственные структуры разного уровня усиливали надзор и контроль за активными сторонниками реформ, что сдерживало реформирование мусульманских учебных заведений.

Вектор развития мусульманских учебных заведений Самарской губернии на рубеже XIX–XX вв. был направлен на их постепенное реформирование в духе джадидизма. Исторические условия (развитие капитализма), сложившиеся в это время в Самарской губернии, подталкивали образовательные учреждения мусульман к закреплению указанного вектора развития. Обновление образовательного процесса становилось вполне возможным и достижимым вследствие наличия как акторов, так и механизмов культурного трансфера, которые они могли использовать. Направленность реформ понималась как сочетание религиозной традиции, светских дисциплин и адаптации к общероссийскому контексту.

Рассмотренная модель образовательного обновления имела гибридный характер: она соединяла исламскую религиозную традицию, новометодные педагогические практики, светские дисциплины и необходимость адаптации мусульманских общин к условиям российского общества рубежа XIX–XX вв. В рамках методологии множественных модернизаций эту модель можно рассматривать как локальный пример «незападной» модернизации, возникший в ответ на вызовы современности. Новации педагогической мысли, развивавшиеся в различных мусульманских ареалах Российской империи, сочетались с запросами местных мусульманских предпринимательских, духовных и интеллектуальных кругов, органично соединяясь с необходимостью адаптации к российской имперской образовательной политике.

Применение подхода культурного трансфера позволило выявить механизмы изменений в сознании мусульман, а теория множественных модернизаций помогла объяснить их основной смысл и альтернативный характер.

Результаты подтверждают исходную гипотезу о сочетании внутренних социально-экономических предпосылок и внешних культурно-образовательных связей. Изменения в системе конфессиональной школы происходили через отбор и приспособление новых идей к потребностям мусульманских общин Самарской губернии. Оба фактора ускоряли модернизационные процессы в тюрко-мусульманской среде изучаемого региона и одновременно являлись их выражением.

Изученный опыт джадидов может представлять интерес для современных мусульманских обществ при проведении ими образовательных реформ. Использование обновленческих идей, высказанных мыслителями рубежа XIX–XX вв., не потеряло актуальности и в настоящее время в силу необходимости сохранения баланса между религиозными традициями и светскими науками.

ГЛОССАРИЙ

Адаб: поведение, предписанное нормами шариата, включающее в себя хорошие манеры, нормы приличия, порядочность, человечность.

Акыда: интерпретация символа веры, которая основана на Коране и хадисах.

Бид'а: всякое новопоявившееся, подобного чему не было ранее. В исламе к категории бид'а относятся все положения и каноны, которые не были установлены Священным Кораном и сунной Пророка Мухаммада, а появились уже после его смерти.

Ваджиб: исламский правовой термин, который означает необходимость исполнения того или иного мусульманского предписания. В ханафитском мазхабе выполнение этого деяния обязательно.

Джадидизм (в контексте данной работы): объемный, длительный процесс выработки представлений светской интеллигенцией о модернизации системы исламского образования во второй половине XIX – начале XX в.

Иджтихад: применение мусульманским учёным-правоведом усилий, направленных на вынесение богословско-правового решения в каком-либо вопросе.

Игдадия: продвинутое среднее отделение в медресе. Оно готовило шакирдов не только к высшему отделению, но и давало право на преподавательскую деятельность, что было равнозначно получению среднего специального, педагогического образования.

Кадимизм (от араб. кадим – «старый»): консервативное движение среди мусульман России кон. XIX – нач. XX в. Сторонники кадимизма защищали патриархальные устои жизни, вели борьбу против религиозного реформаторства, джадидизма, придерживались схоластической системы в области образования и воспитания.

Калям: особый метод рассуждений, основанный на рациональной аргументации положений религии. Его цель – объяснить положения ислама на

основании доводов разума, отвести сомнения в их истинности, ответить на доводы оппонентов.

Мазхаб: исторически сложившаяся школа исламского права, представляющая собой систему методов толкования религиозных источников и практического выведения правовых норм в рамках шариата.

Маслахат: концепция шариата (исламского божественного права), рассматриваемая как основа права. Она обозначает запрет или разрешение чего-либо, в зависимости от необходимости и конкретных обстоятельств, исходя из того, служит ли это общественным интересам мусульманской общины.

Муаллим (мугаллим) (от араб. – «учитель»): тот, кто обучал детей в мусульманских школах.

Муамалят: раздел фикха (исламского права), который включает в себя практически все виды взаимоотношений между индивидами, кроме раздела ибадат (поклонение), а именно: куплю-продажу имущества, аренду собственности, залог и т. д. (положения, которые не имеют прямого довода из традиционных источников, но которые способствуют достижению полезного или устранению вредного).

Муджтахид: лицо, способное вынести самостоятельное богословское заключение по религиозно-правовому вопросу.

Мусульманская буржуазия: в контексте данного исследования – представители торгово-предпринимательской среды, участвовавшие в финансировании и поддержке мектебе, медресе, библиотек, благотворительных обществ и иных образовательных инициатив.

Мурза: титул знатных людей у тюркских народов Волго-Уральского региона.

Мусульманские школы: собирательное название исламских учебных заведений, которые состояли из двух уровней: мектебе и медресе.

Мусульманское реформаторство: в контексте данной работы процесс выработки исламским духовенством идей об изменении мусульманской системы конфессионального образования во второй половине XIX – начале XX в.

Мухаджирство: целенаправленное переселение мусульманских общин в исламскую страну из государства, где они являются религиозным меньшинством.

Мухтасиб: представитель мусульманского духовенства**,** контролирующий соблюдение исламских норм на определённой территории.

Мюрид: в суфизме – ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования. В более широком употреблении этот термин может обозначать суфия вообще и даже просто рядового мусульманина.

Неоджадидизм: это преемник общественного движения джадидизма (от араб. джадид – «новый») в контексте духовно-культурного развития мусульманского социума. Он отражает процесс смены ценностных идеалов и становления новых мировоззренческих установок. В концепции неоджадидизма ставится задача переосмысления роли и значения духовно-культурного наследия в целях повышения инновационного потенциала современной мусульманской цивилизации.

Саяхатнаме: записки путешественника.

Светская интеллигенция: категория образованных российских мусульман второй половины XIX – начала XX в., представители которой занимались умственным трудом (писатели, публицисты и поэты). Представители данной группы, как правило, не имели религиозного сана (например, мулла, хазрат), не занимали духовные посты (например, имам мечети) и не занимались публикацией сугубо богословских трудов.

Суфизм (тасаввуф): мистическое течение в исламе, проповедующее аскетизм и особую духовность.

Суфийские сети: социальные группы, основанные на взаимодействии отдельных людей, которые не объединены в формальную организацию, но ощущают свою общность и единство вокруг определённых целей. Изначально суфийские братства (тарикаты) формировались как транснациональные сети, обеспечивающие движение людей, товаров, идей, культурных артефактов. Некоторые особенности суфийских сетей: автономия участников,

информационный обмен. Он осуществляется как через виртуальные средства коммуникации, так и путём физических контактов, политическая активность. Сети могут становиться политическими акторами, преследующими и добивающимися реальных целей, не будучи при этом распознаваемыми остальными политическими игроками.

Тадждид: «обновление», которое также называют религиозным реформизмом.

Таклид: следование в религиозных вопросах предписаниям учёных и муфтиев какого-либо мазхаба.

Таухид: утверждение того, что существует только один Бог-Творец, сотворивший всё сущее бытие. Он вечен и управляет всеми процессами во вселенной. Всё нуждается в Нём, а Он не нуждается ни в чём и ни в ком.

Фард кифайа: обязательные коллективные действия для мусульман.

Фетва (араб. – «мнение, решение»): официальное письменное заключение, решение мусульманского религиозного авторитета.

Халидийа-накшбандия: ветвь суфийского братства Накшбандия.

Ханафитский мазхаб: одно из четырёх основных суннитских направлений исламского права.

Шакирд: студент исламского учебного заведения уровня медресе.

Шейх уль-ислам: титул высшего должностного лица по вопросам ислама в ряде исламских государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

I. Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях / сост., автор вступ. статей и примечаний Ф. Х. Гумеров. – Уфа : Китап, 1999. – 568 с.

2. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. – М. : Академкнига, 2001. – 367 с.

3. О мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Сборник постановлений Министерства народного просвещения : в 17 т. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1871. – Т. IV. – Стб. 1556–1557.

4. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев : [утверждены 26 марта 1870 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1874. – Т. 45, отд-ние 1. – № 48185.

5. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. и 2 января 1907 г. – Оренбург : Паровая типография т-ва печати Каримов, Хусаинов и К, 1907. – 8 с.

6. Правила о начальных училищах для инородцев : [утверждены министром народного просвещения 14 июня 1913 г.] // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб. : Сенатская типография, 1913. – Новая серия. Ч. 47, № 9 (сентябрь). – Отд. 1 (Правительственные распоряжения). – 7 с.

II. Делопроизводственная документация и иные архивные материалы

Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО)

1. Ф. 1. Самарское губернское правление (1850–1918). Оп. 1. Д. 5861.

2. Ф. 1. Самарское губернское правление (1850–1918). Оп. 1. Д. 5870.

3. Ф. 3. Канцелярия Самарского губернатора (1850–1917). Оп. 126. Д. 66.

4. Ф. 5. Самарская губернская земская управа (1865–1918). Оп. 42. Д. 1.

5. Ф. 360. Дирекция народных училищ Самарской губернии (1851–1917). Оп. 42. Д. 57.

6. Ф. 468. Самарское губернское жандармское управление (1867–1917). Оп. 1. Д. 1393.

7. Ф. 815. Фонд Головкина Константина Павловича. Оп. 2. Д. 1.

Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО)

1. Ф. 10. Канцелярия Оренбургского губернатора (1797–1917). Оп. 1. Д. 618 ; Оп. 2. Д. 114.

2. Ф. 21. Оренбургское губернское жандармское управление (1867–1917). Оп. 1. Д. 625.

3. Журналы 2-й очередной сессии Самарского губернского земского собрания 12–23 декабря 1866 г. – Самара : Земская тип-я, 1867.

4. Журналы 5-й очередной сессии Самарского губернского земского собрания за сентябрь 1869 г. – Самара : Земская тип-я, 1869.

5. Журналы 6-й очередной сессии Самарского губернского земского собрания. – Самара : Земская тип-я, 1870.

6. Журналы экстренного Самарского губернского земского собрания 1879 г. – Самара : Земская тип-я, 1879.

7. Журналы XV очередного Самарского губернского земского собрания 1879 г. – Самара : Земская тип-я, 1880.

8. Журналы чрезвычайного Самарского губернского земского собрания 1880 г. – Самара : Земская тип-я, 1880.

9. Журналы XVI очередного Самарского губернского земского собрания 1880 г. – Самара : Земская тип-я, 1881.

10. Журналы XVII очередного Самарского губернского земского собрания 1881 г. – Самара : Земская тип-я, 1882.

11. Журналы экстренного Самарского уездного земского собрания 23 октября 1881 г. – Самара : Земская тип-я, 1882.

12. Журналы XVIII очередного Самарского губернского земского собрания 1882 г. – Самара : Земская тип-я, 1883.

13. Журналы 19 очередного и двух экстренных уездных земских собраний с приложениями за 1883 г. – Самара : Земская тип-я, 1883.

14. Журналы Самарского губернского земского собрания XXIII очередной сессии за сентябрь 1887 г. – Самара : Земская тип-я, 1887.

15. Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 1 июня 1888 г. – Самара : Земская тип-я, 1888.

16. Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 11 октября 1888 г. – Самара : Земская тип-я, 1889.

17. Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 15 сентября 1891 г. – Самара : Земская тип-я, 1891.

III. Статистические и справочные материалы

1. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО)

2. Ф. 171. Самарский губернский статистический комитет (1854–1918). Оп. 1. Д. 292, 404, 741.

3. Адрес-календарь на 1872 год. – Самара : Губ. тип-я, 1871.

4. Адрес-календарь и памятная книжка на 1874 год. – Самара : Губ. тип-я, 1873.

5. Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1888 год. – Самара : Губ. тип-я, 1887.

6. Адрес-календарь на 1891 год и памятная книжка Самарской губернии. – Самара : тип. И. П. Новикова, 1890.

7. Адрес-календарь Самарской губернии на 1893 год. – Самара : Губ. тип., 1892.

8. Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. – Самара : Губ. тип., 1911.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI : Самарская губерния. – СПб. : Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1904. – 201 с.

10. Сборник статистических сведений по Самарской губернии / под ред. И. М. Красноперова. В 8 т. – М., 1883–1892.

11. Статистические таблицы Самарской губернии. Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. – Отдел I. – Самара : Тип. Вульфа, 1869.

IV. Периодическая печать

1. Два течения // Мир ислама : Издание императорского Общества Востоковедения / под редакцией Димитрия Позднеева. – СПб. : Изд. О-ва востоковедения, 1913. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 31–42.

2. Переводчик. – 1883. – № 15 (8 сент.).

3. Переводчик. – 1883. – № 16 (16 сент.).

4. Переводчик. – 1883. – № 22 (4 нояб.).

5. Переводчик. – 1883. – № 23 (18 нояб.).

6. Переводчик. – 1883. – № 25 (2 дек.).

7. Переводчик. – 1884. – № 14 (16 апр.).

8. Переводчик. – 1884. – № 20 (31 мая).

9. Переводчик. – 1884. – № 24 (1 июля).

10. Переводчик. – 1884. – № 29 (17 авг.).

11. Kazanlı Halim Sabit. Islah-ı Medaris Münasebetiyle // Sırât-ı Müstakîm. – 1911. – Cilt 5. – Sayı : 124. – S. 324–336.

12. Halim Sâbit Şibay. Altaylar'a doğru / hazırlayan Selma Günaydın. – Ankara : Cümle, 2016. – 285 s.

V. Труды мусульманских богословов, просветителей, писателей и общественных деятелей

Источники на русском языке

1. Амирхан, Ф. Избранное. Рассказы и повести / Ф. Амирхан ; пер. с татарского Г. Хантемировой. – М. : Художественная литература, 1975. – 320 с.

2. Баруди, Г. М. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре) / Г. М. Баруди. – Казань : Иман, 2000. – 147 с.

3. Баязитов, А. Избранные труды / А. Баязитов. – Казань : Милли китап, 2007. – 193 с.

4. Бигиев, М. Концепция исламского научного университета / М. Бигиев ; под общ. ред. Д. В. Фролова, Д. В. Мухетдинова ; пер. с араб., введ. и коммент. И. А. Зарипова. – М. : Медина, 2024. – 68 с.

5. Бигиев, М. Некоторые актуальные проблемы нашего общества / М. Бигиев ; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова ; пер. с тат.-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. – М. : Медина, 2022. – 200 с.

6. Габяши, Х.-Г. М. Всеобщая история тюркских народов / Х.-Г. М. Габяши. – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 248 с.

7. Исхаки, Г. Г. Вырождение двести лет спустя [Электронный ресурс] / Г. Г. Исхаки ; пер. Р. М. Кадыров. – URL: https://www.bulgartimes.hu/BULGAR/ishaki/gajaz/kitab/Vyrozhdenie_200_let_spustya.pdf (дата обращения: 26.03.2023).

8. Марджани, Ш. Введение к библиографическому словарю «Верность предшественникам и приветствие потомкам» (Мукаддимат китаб Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф) / Ш. Марджани ; пер. на рус. яз. с араб. и прим. Р. А. Гиззатуллина и А. М. Салахова. – Казань : Магариф-Вакыт, 2022. – 360 с.

9. Наследие Муса Джаруллаха Бигиева : сборник документов и материалов / подгот. А. Г. Хайрутдинов. – Казань : Иман, 2000. – Ч. II. – 90 с.

10. Насыри, К. Избранные произведения / К. Насыри. – Казань : Татарское книжное издательство, 1977. – 256 с.

11. Тукай, Г. Что рассказывают шакирды, покинувшие медресе [Электронный ресурс] / Г. Тукай ; пер. С. Ботвинника. – URL: https://gabdullatukay.ru/news/tukai-rusca/gabdulla-tukai-cto-rasskazyvaiut-sakirdy-pokinuvsie-medrese-perevod-semena-botvinnika (дата обращения: 26.03.2023).

12. Фаизханов, Х. Высшее медресе / Х. Фаизханов ; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – М. : Медина, 2023. – 152 с.

13. Фаизханов, Х. Реформа медресе / Х. Фаизханов ; пер. со старотат. И. Ф. Гимадеев ; под ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород : Медина, 2007. – 36 с.

14. Фахруддин, Р. Асар / Р. Фахруддин. – Казань : Типолитография Императорского университета, 1900. – Т. 1. – 241 с.

15. Хадж российских мусульман. № 2. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже / сост. и ред. И. А. Нуриманов. – Н. Новгород : Медина, 2009. – 136 с.

Источники на татарском и башкирском языках

1. Карими, Ф. Фатима, дочь мурзы. Избранные произведения / Ф. Карими. – Казань : Татарское книжное издательство, 1996. – 414 с. (на тат. яз.).

2. Кәрими, Ф. Җиһангир Мәхдүмнең Авыл Мәктәбендә Укуы [Электронный ресурс] / Ф. Кәрими. – URL: https://speak.tatar/en/lit/tat/text/jihangir-mahdumnen-avyl-maktabenda-ukuy/ (дата обращения: 29.03.2023).

3. Тукай, Г. Хиссияте миллия [Электронный ресурс] / Г. Тукай. – URL: http://gabdullatukay.ru/works/articles/articles-1906/hissiyate-milliya-nbsp-nbsp-nbsp/ (дата обращения: 29.03.2023).

4. Фәхретдинов, Р. Нәсихәттәр / Р. Фәхретдинов ; автор-төзөүсеһе һәм тәржемәсеһе Әхәт Сәлихов. – М. : Мир знаний, 2018. – 108 б.

5. Әмирхан, Ф. Фәтхулла хәзрәт [Электронный ресурс] / Ф. Әмирхан. – URL: https://belgech.ru/proizvedeniya/fatkhulla-khazrat (дата обращения: 29.03.2023).

Источники на турецком языке

1. Ahmet Mithat Efendi. Acayib-i Âlem / sadeleştiren : Prof. Dr. Kemal Timur. – Ankara : Tema Yayınları, 2019. – 352 s.

2. Ahmet Mithat Efendi. Fennî Bir Roman yahut Amerika Doktorları / sadeleştiren : Prof. Dr. Kemal Timur. – Ankara : Tema Yayınları, 2022. – 112 s.

3. Ahmet Mithat Efendi. Jön Türk. Millî, İçtimai ve Siyasi Roman / sadeleştiren : Prof. Dr. Kemal Timur. – Ankara : Tema Yayınları, 2022. – 232 s.

4. Ahmet Mithat Efendi. Kissadan hisse / derleyen : Mehmet Ümit Çekin. – Ankara : Kapra Yayıncılık, 2021. – 96 s.

5. Ahmet Mithat Efendi. Paris'te Bir Türk / derleyen : Prof. Dr. Kemal Timur. – Ankara : Elips Kitap, 2017. – 696 s.

6. Ahmet Mithat Efendi. Rikalda yahut Amerika'da Vahşet Âlemi / sadeleştiren : Prof. Dr. Kemal Timur. – Ankara : Tema Yayınları, 2022. – 296 s.

7. Celal Nuri. Şimal Hatıraları / hazırlayan : İbrahim Demirci. – Ankara : Atlas kitap, 2016. – 128 s.

8. Şeyhülislâm Musa Kazım Efendi. Külliyât – Dini ve İctimai Makaleler / hazırlayan : Doç. Dr. Ferhat Koca. – Ankara : Ankara okulu yayınları, 2002. – 399 s.

ЛИТЕРАТУРА

Литература на русском языке

1. Абдирашидов, З. Ш. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века : связи – отношения – влияние / З. Ш. Абдирашидов. – Ташкент : Akademnashr, 2011. – 384 с.

2. Абызова, Р. Р. Реформа школьного образования в труде И. Гаспринского «Рəһбəр мөгаллимин» («Спутник учителей») / Р. Р. Абызова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 6(149). – С. 13–17.

3. Азаматов, Р. И. Краткая биография духовного наставника башкирского суфийского шейха Зайнуллы ишана Расулева (1833–1917) Ахмада Зияуддина Гюмюшханеви (1813–1893) / Р. И. Азаматов // Традиционный ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев : материалы Международной научной конференции,

посвященной 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – 396 с.

4. Алабин, П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (ист.-стат. очерк) / П. В. Алабин. – Самара : Самарский статистический комитет, 1877. – 744 с.

5. Алексеев, И. Л. Обращение к истории как метод исламской реформации : Марджани, Рашид Рида и Ибн Халдун / И. Л. Алексеев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2023. – № 3-4(41). – С. 32–54.

6. Аликберов, А. К. Российский ислам : очерки истории и культуры / А. К. Аликберов, В. О. Бобровников, А. К. Бустанов / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИВ РАН, 2018. – 456 с.

7. Амирханов, Р. У. Система конфессионального образования у татар / Р. Амирханов // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье : история и современность. Очерки : сб. ст. – Казань : Мастер-Лайн, 2002. – С. 140–158.

8. Амирханов, Р. У. Ризаэддин Фахреддин как историк / Р. У. Амирханов // Ризаэддин Фахреддин : наследие и современность : материалы научной конференции. Казань, 16 ноября 1999 года. – Казань : Изд-во Ин-та истории, 2003. – С. 32–54.

9. Амишов, Р. И. Татарский богослов Нургали Хасанов / Р. И. Амишов. – Казань : Магариф – Вакыт, 2022. – 336 с.

10. Анализ вклада джадидского движения в модернизацию и реформу образования в Центральной Азии / С. Абжалов, К. Базарбаев, Ж. Нурматов, Т. Абдрасилов // Адам әлемі. – 2024. – № 1(99). – С. 129–142.

11. Арапов, Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX века) / Д. Ю. Арапов. – М. : Изд-во МГЛУ, 2004. – С. 254–297.

12. Ахтямова, А. В. Медресе «Галия» как общественный институт уфимской мусульманской общины (по материалам газеты «Тормыш») / А. В. Ахтямова // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 104–114.

13. Байдаров, Э. Мустафа Шокай и джадидизм : к идее единого Туркестана через просвещение [Электронный ресурс] / Э. Байдаров. – URL: https://shygystanu.kz/rus/archives/3270 (дата обращения: 23.01.2026).

14. Бартольд, В. В. От редакции (журнал «Мир ислама») / В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 6. – М., 1966. – 784 с.

15. Басыров, А. Х. Джадидизм : социально-философский анализ : диссертация кандидата философских наук : 09.00.11 / Басыров Айдар Хайдарович ; [Место защиты : Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2009. – 140 с.

16. Башаран, В. И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи : исторический аспект / В. И. Башаран // Тюркологические исследования. – 2018. – Т. 1, № 4. – С. 116–122.

17. Бессмертная, О. Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи / О. Бессмертная // Islamology. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 139–179.

18. Биктемирова, Э. И. Педагогические воззрения и деятельность Галимджана Баруди : диссертация кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Биктемирова Элла Ильдаровна. – Казань, 2002. – 180 с.

19. Биринджи, А. Халим Сабит Шибай / А. Биринджи // Научный Татарстан. – 2012. – № 4. – С. 51–56.

20. Брилева, Д. С. Концепция «нового мусульманина» между двумя революциями (по материалам журнала «Шура», 1908–1917) / Д. С. Брилева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 417–433.

21. Брилева, Д. С. О женщине и устами женщины : мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. / Д. С. Брилева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – Т. 36, № 2. – С. 17–36.

22. Брилева, Д. С. Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века : на материалах журнала «Шура» 1908–1917 : диссертация кандидата исторических наук : 07.00.02 / Брилева Диляра Саитгалиевна ; [Место защиты : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан]. – Казань, 2012. – 210 с.

23. Бустанов, А. К. Книжная культура сибирских мусульман / А. К. Бустанов. – М. : Марджани, 2013. – 264 с.

24. Валидов, Дж. Очерк истории образованности и литературы татар / Дж. Валидов. – Казань : Иман, 1998. 160 с.

25. Ведерникова, Т. И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии в XVIII–XIX вв.) / Т. И. Ведерникова // Проблемы истории СССР. – Вып. 12. – М., 1982. – С. 87–95.

26. Вильданова, Р. К. Симбирский татарин Халим Сабитов / Р. К. Вильданова // Краеведческие записки. – 2018. – Вып. 16. – С. 175–180.

27. Владимирова, Л. М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.) : монография / Л. М. Владимирова. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 256 с. – (Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья ; вып. 6).

28. Габдрафикова, Л. Р. Педагоги Хади Атласи и Фазыл Туйкин глазами бугульминской молодежи конца 1910-х гг. / Л. Р. Габдрафикова // Роль творческой интеллигенции в сохранении и развитии национальных языков и культур народов Татарстана : сборник материалов научного семинара (Казань, 29 апреля 2025 г.). – Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ, 2025. – С. 188–195.

29. Газизуллин, Ф. Г. К вопросу об основных принципах соотношения ислама и науки в трудах Аятуллы Баязитова [Электронный ресурс] / Ф. Г. Газизуллин // Проблемы современной экономики. – 2005. – № 3/4 (15/16). – URL: https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=800 (дата обращения: 01.08.2023).

30. Галимов, Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской Исторической мечети (1891–2011 гг.) / Ш. Х. Галимов. – Самара : Книга, 2012. – 216 с.

31. Галимьянова, Р. А. Педагогическая направленность содержания образования медресе Уфимской губернии в начале XX в. (на примере медресе «Усмания») / Р. А. Галимьянова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2008. – Т. 181. – С. 47–51.

32. Галихузина, Д. С. Опыт реформирования образовательных учреждений Османской Турции начала XX века в освещении российской мусульманской прессы (на материалах журнала Шура (1908–1917)) / Д. С. Галихузина // Актуальные проблемы изучения современной Турции : материалы международной научной конференции. – Н. Новгород ; Стамбул : ФМО ННГУ : ИСИ ННГУ : Центр стратегических исследований мудрецов «BILGESAM», 2011. – С. 168–172.

33. Галихузина, Д. С. Религиозное реформаторство и социальные реформы в татарском мусульманском сообществе России в начале XX века (на примере публикаций журнала «Шура» (1908–1917)) / Д. С. Галихузина // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX в.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). – Казань : Ихлас : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 196–201.

34. Галяутдинов, И. М. Свет Истины : история мусульманских общин Самарской области в документах, иллюстрациях, воспоминаниях / И. М. Галяутдинов. – Самара : Офорт, 2009. – 294 с.

35. Ганиева, Р. Габдулла Тукай в контексте мировой литературы [Электронный ресурс] / Р. Ганиева // Официальный сайт, посвященный татарскому поэту «Мир Тукая». – URL: https://gabdullatukay.ru/news/news-tat/gabdulla-tukaj-v-kontekste-mirovoj-literatury (дата обращения: 04.09.2023).

36. Гараева, А. И. Формирование системы преподавания в Казанском медресе «Мухаммадия» в контексте исторического развития / А. И. Гараева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 10-11. – С. 57–63.

37. Гарипов, Н. К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX в. : опыт духовного управления мусульман : дис. … канд. ист. наук : 23.00.01 / Гарипов Наиль Камилевич. – Казань, 2003. – 176 с.

38. Гатин, А. А. Фатих Карими : педагогическая и общественно-политическая деятельность : диссертация кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гатин Аскар Александрович ; [Место защиты : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина]. – Казань, 2008. – 370 с.

39. Гафаров, А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX в.) / А. А. Гафаров. – Казань : Казанский федеральный университет (КФУ), 2014. – 564 с.

40. Гафаров, А. А. Модернистский дискурс в трудах А. Баязитова (80–90-е годы XIX века) / А. А. Гафаров, Р. А. Набиев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, № 3. – С. 85–93.

41. Гафиатуллина, Л. Г. Торгово-экономическая жизнь Чистополя во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гафиатуллина Лейсан Гумеровна. – Казань, 2007. – 325 с.

42. Генезис и динамика развития татарских селений Самарского Поволжья в середине XVI – начале XX в. / Ю. Н. Гусева, Г. Е. Козловская, С. А. Трибунский ; под ред. П. С. Кабытова. – СПб., 2021. – 271 с.

43. Гечер, О. Г. Из Стамбула «По дороге в Алтай» : путешествие по Туркестану / О. Г. Гечер, Г. Эшел // Материалы конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». – Вып. 5. – Казань, 2015. – С. 72–82.

44. Гибадуллин, М. З. Благотворительная инициатива предпринимателей – мусульман Поволжья и Урала в сфере образования (вторая половина XIX –

начало XX века) / М. З. Гибадуллин // Образование и просвещение в губернской Казани : сб. ст. – Вып. 4. – Казань : Институт истории АН РТ, 2012. – С. 58–70.

45. Гибадуллина, Э. М. Мусульманская община г. Бугуруслана Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Э. М. Гибадуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1-2. – С. 173–175.

46. Гибадуллина, Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Э. М. Гибадуллина. – Н. Новгород : Медина, 2008. – 262 с.

47. Гибадуллина, Э. М. Специфика предпринимательских практик татарского купечества г. Троицка Оренбургской губернии в условиях модернизации России (60-е годы XIX – начало XX века) / Э. М. Гибадуллина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2025. – № 1 (53). – С. 83–106.

48. Гибадуллина, Э. М. Участие татар в периодической торговле Казахстана. XVIII – начало XX в. / Э. М. Гибадуллина. – Казань : Школа, 2017. – 384 с.

49. Гильмутдинов, Д. Р. Российские муллы в Османской империи (1685–1924 гг.) по данным татарских историко-биографических энциклопедий / Д. Р. Гильмутдинов // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 717–732.

50. Гимадеев, Р. Р. Педагогическая деятельность Галимджана Баруди в контексте формирования российской мусульманской богословской мысли / Р. Р. Гимадеев // Исламоведение и исламская теология в современной системе образования : проблемы и перспективы. – Болгар : мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», 2022. – С. 300–307.

51. Гимазова, Р. А. Мусульманские учебные заведения Глазовского уезда Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) / Р. А. Гимазова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2012. – № 1/2. – С. 240–242.

52. Гимазова, Р. А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби : конец XIX – начало XX в. : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гимазова Рафиля Алмарисовна. – Казань, 2004. – 215 с.

53. Гимазова, Р. Сочинение Зайнуллы Расулева «Ученые Троицка и новый метод» / Гимазова Р., Сафиуллина Р. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2012. – № 3/4. – С. 211–214.

54. Голубкина, Т. М. Самодержавие и мусульмане Среднего Поволжья в конце XIX в. – 1917 г. : по материалам Казанской, Самарской, Симбирской губерний : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Голубкина Татьяна Михайловна. – Владимир, 2005. – 207 с.

55. Городенко, Д. В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX в. / Д. В. Городенко // Гуманизация образования. – 2009. – № 1. – С. 62–67.

56. Гумеров, М. М. Татарский богослов Халим Сабит Шибай (1883–1946) о реформе исламского образования : оценки отечественной и зарубежной историографии / М. М. Гумеров // Гусевские чтения – 2023. Три измерения политической истории России : идеология, политика, практики : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – М. : МГПУ, 2023. – С. 473–482.

57. Гумеров, М. М. Трансфер идей о реформировании исламского образования в Волго-Уральском регионе в Российской и Османской империях во второй половине XIX – начале XX в. : историографический обзор / М. М. Гумеров // Исламоведение. – 2023. – Т. 14, № 2 (56). – С. 64–77.

58. Гусева, Ю. Н. Ислам в Самарской области / Ю. Н. Гусева. – М. : Логос, 2007. – 112 с.

59. Гусева, Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX в. / Ю. Н. Гусева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2016. – Т. 18, № 3. – С. 161–169.

60. Гусева, Ю. Н. Мухаммед-Фатых Муртазин (1875–1937) : страницы жизни / Ю. Н. Гусева // Самарский краевед. – Самара : Самарский университет, 2011. – С. 137–147.

61. Гусева, Ю. Н. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.) / Ю. Н. Гусева, О. Н. Сенюткина, В. С. Христофоров. – М. : Медина, 2021. – 460 с.

62. Гусева, Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке / Ю. Н. Гусева. – Самара : Офорт, 2013. – 416 с.

63. Гусева, Ю. Н. Социально-демографический и этнический облик тюркских поселений Южного Средневолжья в конце XVIII – первой половине XIX века / Ю. Н. Гусева, П. С. Кабытов, Г. Е. Козловская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 3-2. – С. 592–603.

64. Денисов, Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования / Д. Н. Денисов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, кн. 3, ч. 2. – С. 68–78.

65. Депутат Государственной Думы II и III созывов (1907–1912) Мухаметшакир Тукаев : документы и материалы об общественной и политической деятельности / сост. и автор предисловия А. Г. Салихов. – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. – 76 с.

66. Жестовская, Ф. А. Проблемы татарского просветительства в XIX – начале XX века в историко-политическом измерении : дис. ... кандидата исторических наук : 23.00.01 / Жестовская Фарида Ахатовна. – Казань, 2004. – 187 с.

67. Загидуллин, И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть и Сибирь) / И. К. Загидуллин. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 559 с.

68. Загидуллин, И. К. О динамике численности мусульман в городах Волго-Уральского региона в 1897–1910 гг. / И. К. Загидуллин // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2017. – № 7. – С. 61–80.

69. Загидуллин, И. К. Оренбургское Магометанское духовное собрание и вопросы обновления содержания конфессиональных школ (конец XIX – начало

XX в.) / И. К. Загидуллин // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2022. – № 3. – С. 146–161.

70. Загидуллин, И. К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. / И. К. Загидуллин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. – 423 с.

71. Загидуллин, И. К. Татары-мусульмане и школьная политика российского правительства в последней трети XIX века / И. К. Загидуллин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 14 (369). – С. 62–67.

72. Зайнуллина, Д. Р. Реформаторская деятельность Зайнуллы Расулева в просвещении / Д. Р. Зайнуллина // Материалы Республиканской научно-практической конференции (г. Уфа, 11 декабря 2018 г.) / составители : Д. М. Абдрахманов, З. С. Зинурова, К. Х. Шахметова. – Уфа : Мир печати, 2018. – С. 27–32.

73. Зайцев, И. В. Суфизм без границ / И. В. Зайцев. – М. : Восточная литература, 2020. – 262 с.

74. Закиров, А. А. Религиозный реформизм и джадидизм в Волго-Уральском регионе Российской империи (XIX – начало XX в.) / А. А. Закиров, Ш. Р. Кашаф, Р. М. Мухаметшин // Orientalistica. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 543–556.

75. Закирова, Л. Р. Художественные детали в «Современных рассказах» Фатиха Амирхана (1886–1926) / Л. Р. Закирова // Вестник Костромского государственного университета. – 2007. – Т. 13, № 1. – С. 137–142.

76. Зарипов, И. А. «Икътисад» – первый российский журнал по исламской экономике / И. А. Зарипов // Филология и культура. – 2013. – № 1. – С. 193–197.

77. Зябиров, Р. М. Государственная политика в области народного просвещения нерусских народов Казанской губернии во 2-й половине XIX – начале XX в. : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Зябиров Радик Мустафович ; [Место защиты : Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. – Казань, 2018. – 182 с.

78. Зябиров, Р. М. Интеллектуальные поиски путей развития татарского общества конца XIX – начала XX в. в контексте проблемы «Восток – Запад» : дис.

... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Зябиров Радик Мустафович. – Казань, 2014. – 171 с.

79. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье : история и современность. Очерки : сб. ст. – Казань : Мастер-Лайн, 2002. – 452 с.

80. История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая) : материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В. В. Амелина. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2011. – 296 с.

81. История ислама в России : [коллективная монография] / под общ. ред. Р. М. Мухаметшина. – Казань : Российский исламский ин-т ; Киров : Кировская обл. тип., 2022. – 616 с.

82. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе : учебное пособие / под ред. Л. И. Алмазовой, Г. Г. Идиятуллиной, А. Г. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2015. – 374 с.

83. История Среднего Поволжья [Электронный ресурс]. – URL: https://povolzje.yartel.ru/biblioteka/samarskaya-letopis/275-2010-11-05-15-27-44 (дата обращения: 21.02.2026).

84. Источники существования исламских институтов в Российской империи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – 272 с.

85. Исхаков, Д. М. Феномен татарского джадидизма : введение к социокультурному осмыслению / Д. М. Исхаков. – Казань : Иман, 1997. – 80 с.

86. Кабытов, П. С. Земля Самарская : очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции / П. С. Кабытов, Л. В. Храмков. – Куйбышев : Куйбыш. кн. изд-во, 1990. – 320 с.

87. Кейн, А. Российский хадж : империя и паломничество в Мекку / А. Кейн ; пер. с англ. Р. Ибатуллина. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 289 с.

88. Кемпер, М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством / М. Кемпер ; пер. с немецкого И. Гилязов. – Казань : Российский исламский университет, 2008. – 675 с.

89. Коблов, Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар / Я. Д. Коблов. – Казань : Типолитография Имп. Казанск. ун-та, 1916. – 119 с.

90. Колесникова, Л. А. История появления и формирования этнических общин, традиционно проживающих в Самарской области / Л. А. Колесникова // Вестник СамГУ. – 2009. – № 7(73). – С. 131–138.

91. Крымский, А. Е. Мусульманство и его будущность / А. Е. Крымский. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1899. – 127 с.

92. Крымский, А. Е. Школа, образованность и литература у российских мусульман / А. Е. Крымский // Этнографическое обозрение. – 1904. – № 4. – С. 1–22.

93. Кулбахтина, А. З. Традиционная школа мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX веков / А. З. Кулбахтина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2012. – 149 с.

94. Курмакаев, Р. Ф. Становление и развитие системы начального и среднего образования мусульман Южного Урала : 1888–1917 : диссертация кандидата исторических наук : 07.00.02 / Курмакаев Руслан Фаритович. – Челябинск, 2004. – 208 с.

95. Лаза, В. Д. Исламское образование в контексте государственной национальной политики Российской Федерации / В. Д. Лаза, А. А. Беломыцев // Вестник Российской нации. – 2021. – № 4. – С. 56–71.

96. Легчилин, А. А. Теория культурного трансфера – новый взгляд на межкультурную коммуникацию / А. А. Легчилин // Материалы V Международной научно-практической конференции «Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании» Минск, 13–15 мая 2021 г. – Минск : БГУ, 2021. – С. 241–246.

97. Маликов, Р. Ш. Педагогическая деятельность просветителя конца XIX – начала XX в. Габдуллы Тукая и борьба за обновление образования / Р. Ш.

Маликов, А. А. Галиакберова // Педагогика и просвещение. – 2022. – № 2. – С. 63–70.

98. Марданова, Д. З. Русский язык в рукописи Хасан-Гата Габаши «Нур ал-хакика» / Д. З. Марданова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2018. – № 1. – С. 152–163.

99. Марджани, Ш. Мулла Хусаин Фаизхан : биографический очерк / Ш. Марджани. – М. : Медина, 2023. – 112 с.

100. Махмутова, А. Х. Пора и нам зажечь зарю свободы! (Джадидизм и женское движение) / А. Х. Махмутова. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2006. – 254 с.

101. Минеева, И. Н. Культурный трансфер : от истории идеи к методологии / И. Н. Минеева // Профили III : «Космос братьев Гримм : немецкое слово в культуре современности» : материалы Международной научно-практической конференции (г. Петрозаводск, 22–23 мая 2014 г.) : сборник научных статей / отв. ред. Л. И. Мальчуков ; ПетрГУ. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. – С. 133–144.

102. Морозов, В. Ю. Ориентиры в истории Самары [Электронный ресурс] / В. Ю. Морозов // Электронный научно-практический журнал «История и археология». – 2014. – № 3. – URL: https://history.snauka.ru/2014/03/931 (дата обращения: 15.02.2026).

103. Муртазина, Л. Р. «Единство языка, мысли и действий» : вклад Исмаила Гаспринского в развитие просвещения мусульманских народов / Л. Р. Муртазина // Minbar. Islamic Studies. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 635–652.

104. Мухаметдинов, Р. Ф. Татары в общественно-политическом движении Османской империи / Р. Ф. Мухаметдинов // Тюркологические исследования. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 8–22.

105. Мухаметдинов, Р. Ф. Юсуф Акчура, эпоха перемен и формирование турецкой нации / Р. Ф. Мухаметдинов // Тюркологические исследования. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 23–40.

106. Мухаметдинова, А. Х. Педагогическая и общественно-политическая деятельность Хади Атласи / А. Х. Мухаметдинова // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15, № 11. – С. 295–299.

107. Мухаметзянова, Д. С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах / Д. С. Мухаметзянова. – Казань : Институт истории АН РТ, 2008. – 216 с.

108. Мухаметшин, А. Г. Просветительская и педагогическая деятельность Галимджана Баруди (Галиев Галимджан) (1857–1921) / А. Г. Мухаметшин // Вестник Башкирского университета. – 2006. – Т. 11, № 2. – С. 131–135.

109. Мухаметшин, Р. М. Кластеризация образования – это ориентация Татарстана на исламский рынок, который начал активно развиваться. [Электронный ресурс] / Р. М. Мухаметшин // Миллиард.татар. – 26.10.2022. – URL: https://milliard.tatar/news/klasterizaciya-obrazovaniya-eto-orientaciya-tatarstana-na-islamskii-rynok-kotoryi-nacal-aktivno-razvivatsya-2287 (дата обращения: 21.08.2023).

110. Мухаметшин, Р. М. Мусульманское образование у татар в дореволюционной России : состояние, проблемы и перспективы / Р. М. Мухаметшин // Minbar. Islamic Studies. – 2009. – Т. 2, № 2. – С. 79–93.

111. Мухетдинов, Д. В. Джадидизм как новый тип религиозности : опыт предварительной концептуализации / Д. В. Мухетдинов // Ислам в современном мире. – 2022. – № 18(4). – С. 43–64. – DOI: https://doi.org/10.22311/2074-1529-2022-18-4-43-64

112. Наврузов, А. Р. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. / А. Р. Наврузов // Orientalistica. – 2024. – № 7 (4-5). – С. 743–757.

113. Наврузов, А. Р. Мусульманские просветители Дагестана первой трети XX века и «женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан» (1913–1918)) / А. Р. Наврузов // История, археология и этнография Кавказа. – 2022. – № 18 (2). – С. 371–387.

114. Насыров, И. Р. Хильми Зия Улькен о мусульманском реформаторе Мусе Бигиеве / И. Р. Насыров // Ислам в современном мире. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 59–78.

115. Насыров, Р. Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Насыров Рафик Гумерович. – Казань, 2005. – 248 с.

116. Ногманов, А. И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) / А. И. Ногманов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 35–48.

117. Нуриманов, И. А. Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. / И. А. Нуриманов // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2019. – № 2. – С. 74–90.

118. Османова, М. Н. Казань – центр мусульманского книгопечатания в Российской империи в XIX – начале XX века / М. Н. Османова // Исламоведение. – 2013. – № 1(15). – С. 54–63.

119. Павлова, А. Н. Система Н. И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века) : учеб. пособие / А. Н. Павлова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 203 с.

120. Помелов, В. Б. Особенности просвещения татарского народа в конце XIX – начале XX века / В. Б. Помелов // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2019. – Т. 5, № 3 (19). – С. 248–256.

121. Реформы образования : татары Нижегородчины и мусульманский мир России : сб. ст. – Н. Новгород : Медина, 2008. – 232 с.

122. Сайфулина, Ф. С. Татарско-турецкие культурные и научные взаимосвязи : история и современность / Ф. С. Сайфулина // Филология и культура = Philology and Culture. – 2014. – № 2 (36). – С. 322–326.

123. Салахов, И. Ж. Модернистские тенденции в татарском обществе в XIX – начале XX вв.: историко-политический анализ : диссертация кандидата исторических наук : 23.00.01 / И. Ж. Салахов ; [Место защиты : Казан. гос. ун-т]. – Казань, 2007. – 172 с.

124. Салихов, Р. Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани, вторая половина XIX – начало XX в. : дис. … канд. ист. наук / Р. Р. Салихов. – Казань, 1997. – 190 с.

125. Салихов, Р. Р. Служилая Ура : рождение татарского капитализма / Р. Р. Салихов. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 280 с.

126. Салихов, Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – XX в. / Р. Р. Салихов. – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2004. – 260 с.

127. Саматова, Ч. Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв.: на примере Казанского учебного округа : диссертация кандидата исторических наук : 07.00.02 / Саматова Чулпан Хамитовна ; [Место защиты : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан]. – Казань, 2010. – 263 с.

128. Саматова, Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа) / Ч. Х. Саматова. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2013. – 239 с.

129. Самигулин, М. Г. Баруди и медресе «Мухаммадия» / М. Г. Самигулин // Minbar. Islamic Studies. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 69–74.

130. Сартори, П. Эксперименты империи : адат, шариат и производство знаний в Казахской степи / П. Сартори, П. Шаблей. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 280 с.

131. Сафаргалеев, И. Ф. Возрождение тасаввуфа в Урало-Поволжье и медресе «Расулия» / И. Ф. Сафаргалеев // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. – Уфа : Мир печати, 2017. – С. 305–310.

132. Сенюткина, О. Н. Архивные документы по истории взаимоотношений государственной власти и мусульманского сообщества на примере 25-летнего

юбилея служения муфтия М. М. Султанова (1911 г.) / О. Н. Сенюткина // Отечественные архивы. – 2022. – № 6. – С. 50–59.

133. Сенюткина, О. Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) / О. Н. Сенюткина // Исламоведение. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 15–29.

134. Сенюткина, О. Н. Дискурс о российских мусульманах в материалах особых совещаний 1905–1914 гг. / О. Н. Сенюткина, Ю. Н. Гусева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 231–254.

135. Сенюткина, О. Н. Личность Хусаина Фаизханова : историко-культурологический дискурс / О. Н. Сенюткина // XX «Фаизхановские чтения» : материалы международной научно-образовательной конференции. – М. : Медина, 2024. – С. 54–65.

136. Сенюткина, О. Н. Нижегородская ярмарочная мечеть : [центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – нач. XX в.)] : к 180-летию со дня открытия Нижегородской ярмарочной мечети и к 785-летию со дня основания Нижнего Новгорода / О. Н. Сенюткина, И. К. Загидуллин ; Духовное упр. мусульман Нижегородской обл., Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханова. – Н. Новгород : Медина, 2006. – 176 с.

137. Сенюткина, О. Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения) / О. Н. Сенюткина. – Н. Новгород : Махинур, 2005. – 76 с.

138. Сенюткина, О. Н. Третий съезд мусульман России / О. Н. Сенюткина. – Н. Новгород : Махинур, 2006. – 52 с.

139. Сибгатуллина, А. Т. «До сих пор вы славились своим верноподданничеством и с этим прекрасным качеством не расставайтесь!» (О путешествии Махмуда Эсада эфенди в 1913 г. по России) / А. Т. Сибгатуллина, А. Алп // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2008. – № 3-4. – С. 280–284.

140. Сибгатуллина, А. Т. «Тюркист в чалме» : Халим Сабит Шибай / А. Т. Сибгатуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 98–101.

141. Сибгатуллина, А. Т. В гостях у султана : Стамбул как часть паломнического маршрута из России / А. Т. Сибгатуллина // Ислам в современном мире. – 2024. – № 20 (2). – С. 87–97.

142. Сибгатуллина, А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. / А. Т. Сибгатуллина. – М. : Институт востоковедения РАН, 2010. – 264 с.

143. Сибгатуллина, А. Т. Суфизм в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX – начале XX в. / А. Т. Сибгатуллина // История татар с древнейших времен в 7 томах. – Т. VI. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 383–390.

144. Сибгатуллина, А. Т. Человек на минбаре. Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.) = Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.) / А. Т. Сибгатуллина. – М. : Садра, 2018. – 271 с.

145. Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. – М. : Вольная типография Федора Любия, 1807. – 654 с.

146. Смыков, Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е гг. XIX в. / Ю. И. Смыков. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1973. – 270 с.

147. Сюков, А. В. Безенчукская опытная станция : история создания и первые годы деятельности / А. В. Сюков // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 82 (109). – С. 159–164.

148. Татарские села Самарского края. Исторические очерки / Самарская областная татарская национально-культурная автономия ; под общей редакцией Ш. Х. Галимова. – Самара : Слово, 2020. – 199 с.

149. Татары Самарского края : историко-этнографические и социально-экономические очерки / Самар. обл. татар. нац.-культур. автономия ; под общ. ред. Ш. Х. Галимова. – Самара : [Книжное изд-во], 2017. – 615 с.

150. Тухватуллин, А. Х. К проблеме вклада Х.-Г. Габаши (1863–1936) в модернизацию духовной культуры татарского народа в конце XIX – начале XX

века / А. Х. Тухватуллин // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2018. – Т. 38, № 3-4. – С. 69–84.

151. Фархшатов, М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е годы XIX в. / М. Н. Фархшатов. – М. : Наука, 1994. – 144 с.

152. Фахреддин, Р. Кутуб ситта и их составители / Р. Фахреддин. – М. : Собрание, 2023. – 311 с.

153. Федотова, В. Г. Роль модернизации в цивилизационном проекте для России / В. Г. Федотова // Вопросы социальной теории. – 2020. – Т. XII. – С. 222–236.

154. Хабутдинов, А. Ю. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. / А. Ю. Хабутдинов. – Н. Новгород : Махинур, 2005. – 60 с.

155. Хабутдинов, А. Ю. От общины к нации : татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX в.) / А. Ю. Хабутдинов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. – 214 с.

156. Хабутдинов, А. Ю. Реформы образования у мусульман Российской империи нового времени : от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского / А. Ю. Хабутдинов // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11, № 1. – С. 11–18.

157. Хабутдинов, А. Ю. Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар / А. Ю. Хабутдинов, Д. В. Мухетдинов, О. Н. Сенюткина. – Н. Новгород : Медина, 2006. – 96 с.

158. «Хайрия – Благотворительное общество» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Самарской исторической мечети. – URL: https://www.tarihi-mechet.ru/хайрия-благотворительное-общество/ (дата обращения: 15.08.2021).

159. Хайрутдинов, А. Г. Социально-философские аспекты татарского мусульманского религиозного реформаторства : на материалах творческого наследия Мусы Джаруллаха Бигиева : дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович. – Казань, 2004. – 176 с.

160. Хайрутдинов, Б. Ю. Сельские новометодные школы и их преподаватели на страницах журнала «Шура» (1910-е гг.) / Б. Ю. Хайрутдинов //

Образование и просвещение в губернской Казани : сб. ст. – Вып. 4. – Казань : Институт истории АН РТ, 2012. – С. 195–200.

161. Хамидов, Е. Н. Новаторство Зайнуллы Расулева в педагогической деятельности / Е. Н. Хамидов // Minbar. Islamic Studies. – 2012. – Т. 5, № 1. – С. 8–10.

162. Хасанов Мухаммад-Сабир Мухаммеджанович [Электронный ресурс] // Tatarica. Татарская энциклопедия. – URL: https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novoe-vremya/personalii/hasanov-muhammad-sabir-muhammedzhanovich (дата обращения: 21.02.2026).

163. Хисамутдинова, Л. С. Общественно-политические взгляды татарского просветителя Галимджана Баруди : дис. ... кандидата исторических наук : 23.00.01 / Хисамутдинова Лейля Салиховна. – Казань, 2004. – 172 с.

164. Хутарев-Гарнишевский, В. В. «Прежние цели теперь не имеют значения». Путешествие в Россию турецкого министра-панисламиста Махмуда Эсада летом 1913 г. в освещении царской полиции / В. В. Хутарев-Гарнишевский // Исторический вестник. – 2019. – Т. 30. – С. 42–79.

165. Ценюга, С. Н. Нормативно-правовое обеспечение деятельности национальных школ в России в пореформенный период (1860–1917 гг.) / С. Н. Ценюга // Genesis : исторические исследования. – 2024. – № 2. – С. 30–39.

166. Шагавиев, Д. А. Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Шагавиев Дамир Адгамович ; [Место защиты : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан]. – Казань, 2010. – 187 с.

167. Шагавиев, Д. А. Шигабутдин Марджани как суфий / Д. А. Шагавиев // Minbar. Islamic Studies. – 2008. – Т. 1, № 1. – С. 35–46.

168. Шангараев, Р. Р. Газета «Нур» как интегрирующий татарское общество в российское социокультурное пространство элемент / Р. Р. Шангараев // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 90–92.

169. Шихалиев, Ш. Научные и религиозные контакты мусульман Дагестана и Волго-Уральского региона во второй половине XIX – первой трети

XX в. (по материалам арабографичных источников) / Ш. Шихалиев, И. Каяев. – Махачкала : ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2024. – 184 с.

170. Шихалиев, Ш. Ш. Зарубежная историография о джадидизме / Ш. Ш. Шихалиев, А. Р. Наврузов // Ориенталистика. – 2024. – № 7(1). – С. 9–26.

171. Шихалиев, Ш. Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) / Ш. Ш. Шихалиев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3 (35). – С. 134–169.

172. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань ; пер. с франц. ; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой ; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.

173. Юзеев, А. Н. Проект реформы мусульманского образования Х. Фаизхана / А. Н. Юзеев // Ислам в современном мире. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 181–190.

174. Юзеев, А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков : Эволюция, основные направления и представители : дис. ... доктора философских наук : 09.00.03 / Юзеев Айдар Нилович. – М., 1998. – 270 с.

175. Юсупов, М. Х. Галимджан Баруди / М. Х. Юсупов. – Казань : Татарское книжное изд-во, 2003. – 208 с.

176. Якушенко, О. Мишель Эспань. Что такое культурный трансфер? [Электронный ресурс] / О. Якушенко. – URL: https://republic.ru/posts/l/1109349 (дата обращения: 23.02.2023).

177. Ямаева, Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний) / Л. А. Ямаева. – Уфа : Гилем, 2002. – 300 с.

Литература на татарском языке

1. Госманов, М. Г. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. – Төзәтелгән икенче басма / М. Г. Госманов, Р. Ф. Мәрданов «Шура» журналының библиографик күрсәткече. – Төзәтелгән икенче басма. – Казан : Милли китап, 2014. – 273 б.

2. Миркасыйм Госманов : тарихи-биографик, фәнни-документаль җыентык. – Казан : Җыен, 2014. – 800 б.

3. Bargan, H. Әхмәт Мидхәт Әфәнде һәм идел-урал төркиләре / H. Bargan, T. S. Gilazov // Tatarica. – 2014. – № 1. – С. 62–80.

Литература на английском языке

1. Algar, H. Shaykh Zaynulla Rasulev : The Last Great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Urals Region / H. Algar // Muslims in Central Asia : expressions of identity and change. Durham and London: Duke University Press, 1992. – P. 112–133.

2. Almazova, L. A Requiem for “Jadidism”? Debates on Islamic Education in Contemporary Tatarstan / L. Almazova, M. Kemper // Journal of Central Asian History. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – P. 199–231.

3. Amurtayeva, K. The Impact of Jadidism as an Enlightenment Movement to the Status and Role of Women in Society in late 19th and early 20th centuries / K. Amurtayeva // Proceedings of the XIX International Scientific Conference of Students and Young Scholars «ǴYLYM JÁNE BILIM – 2024» (Astana, April 12, 2024). – Astana : L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2024. – P. 2750–2754.

4. Amurtayeva, K. The Impulses of Modern Jadidism and the Role of Printing [Electronic resource] / K. Amurtayeva. – URL: https://bulletin-irr.ablaikhan.kz/index.php/j1/article/view/488/307 (accessed: 17.01.2026).

5. Ben-Rafael, E. From Multiple Modernities to Multiple Globalizations / E. Ben-Rafael // ProtoSociology. – 2018. – No. 35. – P. 295–313.

6. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization / S. N. Eisenstadt // Grenzenlose Gesellschaft? / C. Honegger, S. Hradil, F. Traxler (eds). – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1999. – P. 37–50.

7. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities in the Framework of a Comparative Evolutionary Perspective / S. N. Eisenstadt // Understanding Change / Ed. by A. Wimmer, R. Kössler. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 199–218.

8. Frank, A. Muslim Cultural Decline in Imperial Russia: A Manufactured Crisis / A. Frank // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 2016. – Vol. 59, No. 1/2. – P. 166–192.

9. Gimadeev, I. Musa Jarullah Bigiev. Islahat asaları (Foundations of Reforms). Introduction, translation from Tatar and commentaries by Ilshat F. Gimadeev / I. Gimadeev // Islamology. – 2008. – T. 1, № 1. – C. 32–44.

10. Gökçek, M. A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam : The Life and Works of Halim Sabit Şibay / Mustafa Gökçek. – Madison : University of Wisconsin-Madison, 2008. – 296 p.

11. Gordon, P. E. What Is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field [Electronic resource] / P. E. Gordon. – URL: https://ces.fas.harvard.edu/uploads/files/Reports-Articles/What-is-Intellectual-History-Essay-by-Peter-Gordon.pdf (accessed: 23.02.2023).

12. Jung, D. A Theory of “Islamic Modernities” : Religion and Modernisation in Muslim History / D. Jung // Intellectual Discourse. – 2024. – Vol. 32, No. 1. – P. 31–55.

13. Jung, D. Islam in Global Modernity : Sociological Theory and the Diversity of Islamic Modernities / D. Jung. – Wiesbaden : Springer, 2023. – 216 p.

14. Kemper, M. Liberal Islamic Theology in Conservative Russia : Taufik Ibragim’s “Qurʾānic Humanism” / M. Kemper, G. Sibgatullina // Die Welt Des Islams. – 2021. – Vol. 61, No. 3. – P. 1–29.

15. Lazzerini, E. J. Defining the Orient : A Nineteenth-Century Russo-Tatar Polemic over Identity and Cultural Representation / E. J. Lazzerini // Muslim Communities Reemerge : Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by Andreas Kappeler, et al. – Durham : Duke University Press, 1994. – P. 33–45.

16. Lazzerini, E. J. Gadidism at the turn of the twentieth century : a view from within / E. J. Lazzerini // Cahiers du Monde russe et sovietique, 1975. – Vol. 16, No. 2. – P. 245–277.

17. Lazzerini, E. J. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia / E. J. Lazzerini // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. – Oxford, 2023.

18. Lazzerini, E. Rethinking the advent of jadidism // Казанское исламоведение / E. J. Lazzerini // Kazan Islamic Review. – 2015. – T. 1. – P. 132–148.

19. Meyer, J. H. Turks Across Empires : Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914 / J. H. Meyer. – Oxford University Press, 2015. – 225 p.

20. Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri / Ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. – Paderborn : Brill | Schöningh, 2022. – 448 p. – DOI: 10.30965/9783657793778.

21. “My Biography” of Rida'al-Din b. Fakhr al-Din (Ufa, 1323 AH) with an Introductory Essay and Indexes / Ed. by M. Farkhsatov, I. Masumi, R. Bulgakov // TIAS Central Eurasian Research Series No. 11. – Tokyo : Tokyo press, 2016. – 122 p.

22. Ross, D. Tatar Empire : Kazan’s Muslims and the Making of Imperial Russia / D. Ross. – Bloomington : Indiana University Press, 2020. – 288 p.

23. Ross, D. Who’s Afraid of Jadidism? : Reckoning with the Legacy of a Cold War Paradigm / D. Ross // Journal of Central Asian History. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – P. 131–169.

24. Sadriddinovna, S. S. The Role of the Jadids in Elevating the Spirituality of the People of Turkestan / S. S. Sadriddinovna // Jurnal ISO : Jurnal Ilmu Sosial, Politik Dan Humaniora. – 2024. – Vol. 4, No. 2. – DOI: 10.53697/iso.v4i2.2074

25. Schmale, W. Cultural Transfer [Electronic resource] / W. Schmale. – 05.12.2012. – URL: http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/cultural-transfer#MacroHistoryandMicroHistoryofCulturalTransfers (accessed: 24.08.2023).

26. Sibgatullina, G. When the Other Speaks : Ismāʿīl Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation / G. Sibgatullina // Journal of The Economic and Social History of The Orient. – 2022. – Vol. 65, No. 1-2. – P. 214–247.

27. Sözer, B. An overview of research methods and topics used in Turkological studies / B. Sözer, Z. Sakhi // Turkic Studies Journal. – 2024. – Vol. 6, No. 3. – P. 196–218.

28. Tuna, M. Madrasa reform as a secularizing process : A view from the late Russian empire / M. Tuna // Comparative Studies in Society and History. – 2011. – Vol. 53, No. 3. – P. 540–570.

Литература на турецком языке

1. Aktaran, N. II. Meşrutiyet Dönemi İslamcilik Akiminin Medrese Algisi (1908–1918) (Doktora Tezi) / Nesrin Aktaran. – İstanbul, 2021. – 345 s.

2. Ata, B. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi Inşasi // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. – Bahar 2009. – № 7 (2). – S. 377–392.

3. Birinci, A. Halim Sabit Şibay / Ali Birinci, Tuba Çavdar // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. – 1997. – C. 15. – S. 336–337.

4. Bulut, E. Sırât-ı Müstakîm ve Sebilürreşad Dergilerinde Yayımlanan Makaleler Bağlamında Son Dönem Osmanlı Medreseleri ve Islâh-ı Medâris Hakkındaki Düşünceler (Yüksek Lisans Tezi) / Ekrem Bulut. – Sakarya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2011. – 152 s.

5. Çalkan, M. Halim Sabit Şibay'ın İslâm Hukuku İle İlgili Görüşleri (Yüksek Lisans Tezi) / Murat Çalkan. – Çorum : Hitit Üniversitesi, 2013. – 261 s.

6. Çetinkaya, B. A. Musa Kazım Efendi'nin Dini, Siyasi ve Felsefi Düşüncesi / B. A. Çetinkaya // Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – 2007. – C. 11, issue 2. – S. 75–141.

7. Koca, F. Mûsâ Kâzım Efendi / F. Koca // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. – 2020. – C. 31. – S. 221–222.

8. Öztürk, C. “Selim Sâbit Efendi” / C. Öztürk // DİA, Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2009. – Vol. 36. – S. 429–430.

9. Öztürk, Z. Ahmet Mithat Efendi'nin Paris'te bir türk adli romaninda oryantalist ve oksidentalist izler / Z. Öztürk // Journal of International Social Research. – 2017. – C. 10, issue 48. – S. 99–105.

10. Şişman, A. Galatasaray Mekteb-i Sultânîsi / A. Şişman // TDV İslam Ansiklopedisi. – 1996. – C. 13. – S. 323–326.

11. Uyanık, N. Halim Sabit (Şibay) ve Türk Milliyetçiliğindeki Yeri (1883–1946) / N. Uyanık // Türkler. – C. 14. – Ankara, 2002. – S. 869–877.

12. Yiğit, Y. Selim Sabit'in Naĥv-i Oŝmānî Adli Eseri ve Türk Gramerciliğine Getirdiği Yenilikler : Yüksek Lisans Tezi / Y. Yiğit. – Afyon : Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2015. – 161 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Учебная программа медресе «Мухаммадия» в начале XX в.

Ступень образования	Изучаемые дисциплины
Подготовитель-ный курс (1 год)	Основы религии, **турецкий язык, старотатарская письменность, арифметика, история, правописание, черчение.**
Ибтидаия – начальное (5 лет)	Коран, основы религии, **турецкий язык, старотатарская письменность, изложение прочитанного, арифметика, история, правописание, черчение, счет**, заучивание Корана, **русский язык,** хадис, персидский язык, чтение Корана, **правила турецкого языка, география, физика**, роль/значение религии, **история русского и татарского народа, природоведение,** заучивание сур Корана и хадисов.
Санавия – среднее (6 лет)	Коран, арабский язык, **метрика, риторика** и арабская литература, **турецкий язык, русский язык, правописание, география**, история ислама, **история турецкого народа, история русского народа, всеобщая история, история буржуазии и рабочего класса**, ислам и другие религии, **арифметика, геометрия**, шариат, наследие, методы шариата, священный хадис, методы хадиса, книга про пророков и халифов, вероучение, толкование Корана, исламская этика, **гигиена, физика и природоведение, философия, методика и педагогика,** Коран и интонация.
Галия – высшее (1 год)	Арабская литература, **турецкий язык**, история ученых и мазхабов, фикх, методы фикха, тафсир, философия, **способы преподавания и воспитания**, ислам и другие религии, вероубеждение, **педагогика и методика**, священный хадис.

*Составлено по: Гараева А. И. Формирование системы преподавания в Казанском медресе «Мухаммадия» в контексте исторического развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 10-11. – С. 58–59; Самигулин М. Г. Баруди и медресе «Мухаммадия» // Minbar. Islamic Studies. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 69–74.

Приложение 2

Учебная программа джадидских мектебе Самарской губернии в начале XX в.

Класс обучения	Изучаемые дисциплины и навыки
1-й класс	Азбука по учебнику «Мугаллим-и-эввель» (Первый учитель), арифметика (счет до 100), тюркское чтение, келиме-и-таухид, заучивание Корана наизусть (суры: Фатиха, Ихлас, Каусар), правописание и чистописание.
2-й класс	Коран по книге «Мугаллим-и-сани» (Второй учитель), хафтияк (1/7 часть Корана), чтение Корана нараспев, вероучение (догматы, правила омовения), тюркское чтение по книге «Рахбер-и-Сыбань» (2 часть), арифметика (счет до 1000, сложение и вычитание), диктовка (правописание слов), заучивание Корана наизусть (от суры Филь и до конца) и декламация по книге «Койло иман».
3-й класс	Изучение Корана и его чтение нараспев, вероучение (об общественном богослужении), тюркское чтение по книге «Мугаллим-и-гибадат» (2 часть), арифметика (умножение и деление), правописание по книге «Имля мугаллимы», изучение наизусть Корана и декламация по книге «Манзум ильм-и-халь», история пророков по книге «Тарих-и-анбия», география по книге «Джаграфия мугаллимы» (Учитель географии), объяснительное чтение по книге «Донья» (Мир).
4-й класс	Коран (упражнения в чтении его нараспев), Вероучение (Ураза – пост, Хадж – паломничество, Закят – милостыня), арифметика (решение задач), правописание по книге «Имля мугаллимы», сочинение, история ислама по книге «Аср-и-Саадат» (Блаженный век), география, объяснительное чтение по книге «Донья» (2 часть), тюркское чтение по книге «Кыраат-ве зираат китабы» (Книга для чтения по земледелию).

*Составлено по: Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 80–82.

Приложение 3

Реконструированная учебная программа джадидских высших школ Бугульминского уезда Самарской губернии и медресе «Мухаммадия» в начале XX в.

«Мухаммадия» (Казань)	**Медресе «Гобайдия», «Гарабия», Тайсугановское медресе Бугульминского уезда**
Ступень образования и изучаемые дисциплины	
Подготовительный курс (1 год) Недельное расписание – основы религии, тюркский язык, старотатарская письменность, арифметика, история, правописание, черчение. Ибтидаия – начальное (5 лет) Коран, основы религии, тюркский язык, старотатарская письменность, изложение прочитанного, арифметика, история, правописание, черчение, счет, заучивание Корана, русский язык, хадис, персидский язык, чтение Корана, правила тюркского языка, география, физика, роль/значение религии, история русского и татарского народа, природоведение, заучивание сур Корана и хадисов. Санавия – среднее (6 лет) Коран, арабский язык, метрика, риторика и арабская литература, тюркский язык, русский язык, правописание, география, история ислама, история тюркских народов, история русского народа, всеобщая	1–4-е классы Рушди (среднее отделение) сарфи гараби (этимология арабского языка), наху (синтаксис арабского языка), гыйльме халь (обязанности мусульманина), арифметика, таджвид (правильное чтение Корана), Коран, священная история, география, чистописание, диктант, чтение на татарском и арабском языках. 5–9-е классы Игдади (отделение выше среднего) наху (синтаксис арабского языка), магани баян бадигъ (арабская словесность), мантык (логика), арифметика и алгебра, география, всеобщая история, хадисы (предание, которое рассказывает о действиях и словах Пророка Мухаммада), фикъх шаригать (мусульманский закон), ахлякъ (нравоучение), фараиз (законность наследства), калям (догматика), гакаид (символ веры), история ислама, Коран, история магометан, история России, тафсир (толкование Корана)

история, история буржуазии и рабочего класса, ислам и другие религии, арифметика, геометрия, шариат, наследие, методы шариата, священный хадис, методы изучения хадисов, книга про пророков и халифов, вероучение, толкование Корана, исламская этика, гигиена, физика и природоведение, философия, методика и педагогика, Коран и тартиль (неторопливое, размеренное и красивое чтение Корана). Галия – высшее (3 года) Арабская литература, тюркский язык, биографии ученых и история создания мазхабов, фикх, методы фикха, тафсир, философия, способы преподавания и воспитания, ислам и другие религии, вероубеждение, педагогика и методика обучения, священный хадис.	и чистописание, начальный курс бухучета и экономики.

***Составлено по: Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 113; Галяутдинов И. М. Указ. соч. С. 47; Гараева А. И. Формирование системы преподавания в Казанском медресе «Мухаммадия» в контексте исторического развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 10-1. – С. 58–59; Саттарова З. М. Джадидистская реформа образования И. Гаспринского // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2015. – № 1. – С. 142–144.

Приложение 4

Грамотность мусульманского населения и турецко-татарской языковой группы Самарской губернии

Показатель	Мужчины	Женщины	Итого	Примечание
«Магометане» по вероисповеданию	145 870	142 785	288 655	Общая численность мусульманского населения губернии по переписи 1897 г.
Грамотные среди «магометан»	38 348	33 228	71 576	Около 24,8% мусульман губернии были грамотными; это значительная, но не массовая читательская среда.
Турецко-татарская языковая группа	188 291	187 183	375 474	Шире конфессиональной уммы: включает часть немусульманских носителей тюркских языков.
Грамотные «на других языках» среди турецко-татарской группы	35 212	32 812	68 024	Именно эта группа наиболее важна для оценки потенциального чтения татарской/арабографической периодики и литературы.
Грамотные по-русски среди турецко-татарской группы	7 165	722	7 887	Русскоязычная грамотность была заметно ниже. Это объясняет важность татароязычной прессы как канала трансфера идей.

*Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI: Самарская губерния. – СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1904. – С. 63, 81.

Приложение 5

Количество мектебе и медресе Самарской губернии с 1881 по 1915 г.

№ п/п	Название уезда	Открытые с 1881 по 1900 гг.	Открытые с 1901 по 1915 гг.	Всего
1	Новоузенский	7 мектебе	2 мектебе	9 мектебе
2	Бугульминский	26 мектебе 11 медресе	81 мектебе 16 медресе	107 мектебе 27 медресе
3	Самарский	7 мектебе 1 медресе	2 мектебе 1 медресе	9 мектебе 2 медресе
4	Бугурусланский	12 мектебе 4 медресе	18 мектебе 8 медресе	30 мектебе 12 медресе
5	Бузулукский	3 мектебе	5 мектебе	8 мектебе
6	Ставропольский	8 мектебе 1 медресе	12 мектебе 1 медресе	20 мектебе 2 медресе
7	Николаевский	2 мектебе	4 мектебе 1 медресе	6 мектебе 1 медресе
ИТОГО		65 мектебе 17 медресе	124 мектебе 27 медресе	189 мектебе 44 медресе

*Составлено по: ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. Л. 1–168.

Приложение 6

Джадидские учебные заведения Самарской губернии, 1898 г.

№ п/п	Уезд	Волость	Населенный пункт
1	Самарский	Бобровская	д. Нижний Нурлат
2	Ставропольский	Высококольская	д. Абдреевка
3	Ставропольский	Старобесовская	д. Старый Сентемир
4	Бугурусланский	Матвеевская	г. Бугуруслан
5	Бугурусланский	Султангуловская	д. Асекеево
6	Бугурусланский	Ивановская	д. Кармала Кутлуево
7	Бугурусланский	Больше-Сурьметьевская	д. Чеганла
8	Бугурусланский	Больше-Сурьметьевская	д. Мочалейка
9	Бугурусланский	Старососновская	д. Старое Ермаково
10	Бугурусланский	Байтуганская	д. Балыкла
11	Бугурусланский	Сосновская	д. Новое Мансуркино
12	Бугульминский	Салиховская	г. Бугульма
13	Бугульминский	Альметьевская	д. Альметьево
14	Бугульминский	Мордово-Афонькинская	д. Верхняя Чегодайка
15	Бугульминский	Мордово-Афонькинская	д. Подлесное Утямышево
16	Бугульминский	Мордово-Кармальская	д. Старое Утямышево
17	Бугульминский	Мордово-Кармальская	д. Сарабиккулово
18	Бугульминский	Нижнечершилинская	д. Верхняя Чершила
19	Бугульминский	Мордовско-Ивановская	д. Менлибаево
20	Бугульминский	Чеканская	д. Урманлы
21	Бугульминский	Четырлинская	д. Денискина
22	Бугульминский	Спиридоновская	д. Сугушла
23	Бугульминский	Спиридоновская	д. Юлтемирово
24	Бугульминский	Спиридоновская	д. Каркали
25	Бугульминский	Сходневская	д. Токтарова Урдала
26	Бугульминский	Тумутуковская	д. Еланкулево
27	Бугульминский	Салиховская	д. Татарский Кандыз
28	Самарский	Чернореченская	г. Самара

*Составлено по: Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 111.

Приложение 7

Учебные дисциплины и литература кадимистских медресе Волго-Уральского региона

№ п/п	Наименование предмета	Примерная литература к науке	Классификация наук
1	Сарф (морфология арабского языка)	Бидан (Знай), автор неизвестен Шарх-и Габдулла (Комментарии к «Бидану»), Г. Мухаммада	Арабият
2	Наху (синтаксис арабского языка)	Анмузадж, Махмуд Замахшари Кафийа (Достаточная книга), Ибн аль-Хаджиба Шарх-и Мулла (Комментарии к Кафии), Г. Джами ас-Сугати	Арабият
3	Лугат (лексика)	Могли использовать знания из имеющихся книг по арабияту	Арабият
4	Гильму-уль-гаруз ва касрия (наука о размерах и рифмах)	Могли использовать знания из имеющихся книг по арабияту	Арабият
5	Фанн-уль-маган (наука о благозвучии слов)	Могли использовать знания из имеющихся книг по арабияту	Арабият
6	Мантык (логика)	Исагуджи ал-мантик (Введение в категории Аристотеля) Порфирия, автор Асираддин Ал-Абхари Хисамадина ал-Кати (Комментарии к Исагуджи), автор неизвестен Мулла садыйк (супракомментарий (хашия) к Исагуджи), автор неизвестен Нугман (альтернативный комментарий к Исагуджи), автор неизвестен Шамсия, автор неизвестен	Аклият

№ п/п	Наименование предмета	Примерная литература к науке	Классификация наук
		Шархи шамсия (Комментарии к Шамсия), автор неизвестен Хашия-и Кутби, автор неизвестен Тахзиб ал-мантик, Тафтазани Шархи Тахзиб (Комментарии к Тахзиб), Джаляледдин Даввани Суллям ул-Голум, автор неизвестен	
7	Хисаб (математика)	Фараиз, автор неизвестен Шамсия, автор неизвестен	Аклият
8	Иляхия (метафизика)	Могли использовать знания из имеющихся книг по аклияту и наклияту	Аклият
9	Калям (догматика)	Гакаид (вероубеждение) и Насафи (Догматика, написанная Насафи), Н. Насафи Шарх гакаид (Комментарии к гакаид), ан-Насафи Шарх гакаид, Сагдуддин Тафтазани Гакаид ал-Гиздия, Гизеддин ал-Иджи Шарх-и Гакаид ал-Гиздия (Комментарии к «Догматике», написанный Гизди, более известный как «мулла Джалал» Дж. Давани)	Наклият
10	Фикх (право)	Мухтасар ал-викая (Сокращенная книга о соблюдении прав и обязанностей), Убейдуллы ибн Масгуда Садр аш-Шария младший Шархи викая (Комментарии к ал-викая), автор тот же Джами ар-румуз (Комментарии к ал-викая), Шамсуддина Кухистани	Наклият
11	Усуль-уль-фикх	Танких ал-усул, Садр аш-	Наклият

№ п/п	Наименование предмета	Примерная литература к науке	Классификация наук
	(основы и методология фикха)	Шария младшего с его же толкованием Таузих ал-усул Талвих (Комментарии к Танких и Таузих), Сагдуддин Тафтазани Зубдат аль Асрар, автор Абу Ас-Сана Ахмад Ас-Сиваси	
12	Фараиз (наука о разделе наследства)	Фараиз Сираджия, автор Сираджуддин Сиджаванди Шархуль сираджия (Комментарий к Сираджия), автор Джурджани	Наклият
13	Кыраат (рецитация Корана)	Священный Коран	Наклият
14	Хадис	Мишкат ал-масабих, автор Хатиб аль-Табризи Сахих ал-Бухари, автор Бухари	Наклият
15	Тафсир (толкование Корана)	Тафсир Байдави, автор Байдави	Наклият
16	Ахляк (этика, нравственность)	Гайнел Голум (Извлечения из Ихъя), составлен по произведению Имама Газали Шаригаталь Ислам, Мухаммад Имам-заде Тарикат аль-Мухаммадия, автор неизвестен	Наклият

*Составлено по: Гибадуллина Э. М. Указ. соч. – С. 105; Мухаметзянова Д. С. Указ. соч. – С. 113–117, Коблов Я. Д. Указ. соч. – С. 17–19; Валидов Дж. Указ. соч. – С. 35–36.

Приложение 8

Количество мусульманских учебных заведений Самарской губернии в 1915 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
Новоузенский уезд			
д. Лятошинка (Салтовская волость)	1	мектебе	1840 г.
с. Савинка (Савинская волость)	1	мектебе	1845 г.
с. Александрово Гай (Александовская волость)	1	мектебе	1909 г.
г. Новоузенск	1	мектебе	1903 г.
с. Осипово-Гай (Осипова Гайская волость)	1	мектебе	1887 г.
	2	мектебе	1815 г.
	3	мектебе	1835 г.
	4	мектебе	1869 г.
	5	мектебе	1897 г.
д. Алтата (Осипова Гайская волость)	1	мектебе	1835 г.
	2	мектебе	1838 г.
	3	мектебе	1803 г.
	4	мектебе	1841 г.
	5	мектебе	1856 г.
д. Верховозовка (Осипова Гайская волость)	1	мектебе	1882 г.
	2	мектебе	1884 г.
	3	мектебе	1855 г.
	4	мектебе	1888 г.
	5	мектебе	1888 г.
д. Новопенделка (Осипова Гайская волость)	1	2 мектебе	1864 г.
	2	мектебе	1861 г.
	3	мектебе	1884 г.
Итого		23 мектебе	
Бугульминский уезд			
д. Лашманкино (Верхнекармальская волость)	1	мектебе	1852 г.
	2	мектебе	1909 г.
	3	мектебе	1913 г.
д. Амирово (Верхнекармальская волость)	1	медресе	1894 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Чупаево (Мордово-Ивановская волость)	1	медресе	1877 г.
д. Минлебаево (Мордово-Ивановская волость)	1	медресе	неизвестно
д. Дымская (Дымская волость)	1	мектебе	1866 г.
	3	мектебе	1913 г.
д. Каразерик (Чеканская волость)	1	мектебе	1870 г.
	2	мектебе	1908 г.
	2	мектебе женское	1913 г.
д. Байряки (Чеканская волость)	1	мектебе	1899 г.
	1	медресе	1899 г.
	1	мектебе женское	1899 г.
	2	мектебе	1907 г.
	3	мектебе	1807 г.
	3	медресе	1807 г.
	4	мектебе	1914 г.
	5	мектебе женское	1912 г.
д. Нов. Митряево (Чеканская волость)	1	мектебе	1876 г.
	2	мектебе женское	1911 г.
	2	мектебе	1911 г.
д. Нов. Урманаево (Чеканская волость)	1	мектебе	1836 г.
	1	мектебе женское	1902 г.
	2	мектебе	1878 г.
д. Азнакаево (Азнакаевская волость)	1	медресе	1850 г.
	3	мектебе	1913 г.
д. Сапеево (Азнакаевская волость)	1	мектебе	1785 г.
д. Уразаево (Азнакаевская волость)	1	мектебе	1885 г.
	2	мектебе	1901 г.
	2	мектебе женское	1911 г.
д. Асеево (Азнакаевская	1	мектебе	1825 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
волость)	2	мектебе	1840 г.
	3	мектебе	1908 г.
д. Тойкино (Азнакаевская волость)	1	мектебе	1829 г.
	2	мектебе	1907 г.
д. Балтачево (Азнакаевская волость)	1	мектебе	1829 г.
	2	мектебе	1912 г.
д. Агирзи (Азнакаевская волость)	1	мектебе	1888 г.
	2	мектебе	1906 г.
д. Альметево (Альметьевская волость)	1	медресе	1850 г.
	2	медресе	1880 г.
	3	медресе	1900 г.
	3	мектебе	1900 г.
д. Бигашево (Альметьевская волость)	1	мектебе	1915 г.
	2	мектебе	1903 г.
д. Кульшарипово (Альметьевская волость)	1	медресе	1870 г.
	2	медресе	1910 г.
д. Нижняя Махтама (Альметьевская волость)	1	медресе	1869 г.
	2	медресе	1905 г.
д. Верхняя Махтама (Альметьевская волость)	1	мектебе	1839 г.
	2	медресе	1911 г.
д. Абдрахманово (Альметьевская волость)	1	медресе	1860 г.
	2	медресе	1907 г.
д. Кама Исмагилово (Алькеевская волость)	1	мектебе	1880 г.
	2	мектебе	1883 г.
	3	мектебе	1903 г.
д. Алькеево (Алькеевская волость)	1	мектебе	1874 г.
	2	мектебе	1910 г.
д. Мальдагушево (Алькеевская волость)	1	мектебе	1875 г.
д. Ниж. Якеево (Алькеевская волость)	1	мектебе	1908 г.
д. Шерлапа (Алькеевская волость)	1	мектебе	1906 г.
д. Катимово (Масягутовская волость)	1	мектебе	1895 г.
д. Какры Елга (Масягутовская волость)	1	мектебе	1835 г.
	2	медресе	1913 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Урсалыбашева (Масягутовская волость)	1	мектебе	1735 г.
	2	мектебе	1914 г.
д. Сулеево (Масягутовская волость)	1	медресе	1829 г.
	2	медресе	1908 г.
д. Масягутово (Масягутовская волость)	1	мектебе	1754 г.
	2	мектебе	1889 г.
д. Ильбяково (Масягутовская волость)	1	мектебе	1892 г.
д. Кудашево (Мукулинская волость)	1	мектебе	неизвестно
	2	мектебе	1907 г.
д. Бишь-Мунча (Мукулинская волость)	1	медресе	неизвестно
	2	мектебе	1866 г.
	3	мектебе	1908 г.
д. Тайсуган (Мукулинская волость)	1	медресе	неизвестно
	2	мектебе	1887 г.
д. Верхний Стерлитамак (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1893 г.
д. Нижний Стерлитамак (Стерлитамакская волость)	1	медресе	1900 г.
д. Сююндюк (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1906 г.
	2	мектебе	1908 г.
д. Сарлы (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1828 г.
	1	медресе	1828 г.
	2	мектебе	1884 г.
	2	медресе	1884 г.
д. Учаллы (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1899 г.
д. Агирово (Стерлитамакская волость)	1	медресе	1897 г.
д. Большой Сухояшь (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1830 г.
	2	медресе	1871 г.
	2	медресе	1914 г.
д. Банки-Сухояшь (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1907 г.
д. Нижний Сухояшь (Стерлитамакская волость)	1	мектебе	1902 г.
д. Урсаево (Тумутукская	1	медресе	1908 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
волость)	2	мектебе	1892 г.
д. Чалпы (Тумутукская волость)	2	медресе	1835 г.
	5	мектебе	1894 г.
д. Муслюмкино (Тумутукская волость)	1	мектебе	1909 г.
д. Тумутук (Тумутукская волость)	1	медресе	1865 г.
	3	мектебе	1889 г.
	3	медресе	1889 г.
д. Сысыкуль (Тумутукская волость)	1	мектебе	1877 г.
д. Куптяки (Тумутукская волость)	1	мектебе	1907 г.
д. Еланкуль (Тумутукская волость)	1	мектебе	1893 г.
	1	медресе	1893 г.
д. Ново Надырово (Урсалинская волость)	1	медресе	1865 г.
	1	медресе	1865 г.
	1	медресе	1865 г.
	1	медресе	1911 г.
	1	медресе	1911 г.
	2	мектебе	1865 г.
	2	мектебе	1901 г.
	3	мектебе	1903 г.
д. Нов. Каширово (Урсалинская волость)	1	мектебе	1855 г.
	2	мектебе	1885 г.
	3	мектебе	1903 г.
д. Денискино (Урсалинская волость)	1	медресе	1880 г.
	2	медресе	1895 г.
	4	мектебе	1909 г.
	5	мектебе	1911 г.
д. Урмышлы (Варваринская волость)	1	мектебе	1907 г.
	2	мектебе	1845 г.
	3	мектебе	1913 г.
	4	мектебе	1911 г.
д. Кичучатово (Варваринская волость)	1	мектебе	1900 г.
д. Маметово (Варваринская волость)	1	мектебе	1885 г.
	2	мектебе	1865 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Сарабикулово (Мордов.-Кармальская волость)	1	медресе	неизвестно
	2	медресе	1890 г.
д. Стар. Утямышево (Мордов.-Кармальская волость)	1	мектебе	1875 г.
	2	мектебе	1904 г.
д. Сеитово Керлигач (Нижне-Чершелинская волость)	1	мектебе	1850 г.
	2	мектебе	1850 г.
д. Верхн. Чершилы (Нижне-Чершелинская волость)	1	мектебе	1878 г.
	2	мектебе	1912 г.
д. Нижн. Чершилы (Нижне-Чершелинская волость)	1	медресе	неизвестно
	2	медресе	1904 г.
д. Подласное Утямышево (Мордов.-Афонькинская волость)	1	мектебе	неизвестно
	2	мектебе	1908 г.
д. Нижняя Чегодайка (Мордов.-Афонькинская волость)	1	мектебе	1867 г.
д. Верхняя Чегодайка (Мордов.-Афонькинская волость)	1	мектебе	1829 г.
	2	мектебе	1912 г.
д. Кармала Илга (Сумароковская волость)	1	мектебе	1877 г.
	2	мектебе	1910 г.
д. Каракашлы (Сумароковская волость)	1	мектебе	1868 г.
	2	мектебе	1851 г.
	3	мектебе	1909 г.
д. Нов. Муртазино (Александровская волость)	2	мектебе	1907 г.
д. Апсалямова (Александровская волость)	1	мектебе	1903 г.
	1	медресе	1903 г.
	1	мектебе женское	1903 г.
д. Нов. Байлярово (Александровская волость)	1	мектебе	1910 г.
д. Акбаш (Александровская волость)	1	мектебе	1875 г.
д. Дымтамак (Александровская волость)	1	медресе	1909 г.
	2	мектебе	1913 г.
д. Уруссы (Александровская волость)	1	медресе	1882 г.
	2	медресе	1906 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Стар. Чути (Александровская волость)	1	мектебе	1904 г.
д. Татарская Тумбарла (Бавлинская волость)	1	мектебе	1911 г.
	2	мектебе	1914 г.
д. Исергапово (Бавлинская волость)	1	мектебе	1911 г.
	2	мектебе	1898 г.
	3	мектебе	1909 г.
д. Бавлы (Бавлинская волость)	1	мектебе	1901 г.
	2	мектебе	1908 г.
д. Кызыль-Ярово (Бавлинская волость)	1	мектебе	1887 г.
	2	мектебе	1903 г.
	3	мектебе	1901 г.
д. Крыжлы (Кряжлинская волость)	1	медресе	1878 г.
	2	медресе	1907 г.
д. Ибряево (Кряжлинская волость)	1	мектебе	С 1909 г.
д. Салихово (Салиховская волость)	1	мектебе	1890 г.
д. Татарский Кандыз (Салиховская волость)	1	мектебе	1829 г.
	2	мектебе	1914 г.
д. Сулейманово (Салиховская волость)	1	мектебе	1832 г.
д. Нов. Шалты (Салиховская волость)	1	медресе	1864 г.
д. Хансверкино (Салиховская волость)	1	мектебе	1832 г.
д. Нов. Чути (Салиховская волость)	1	медресе	1906 г.
д. Бакир Иштеряково (Кузайкинская волость)	1	медресе	1829 г.
д. Куакбаш (Кузайкинская волость)	1	медресе	1829 г.
	2	мектебе	1904 г.
	3	мектебе	1908 г.
д. Чути (Кузайкинская волость)	1	мектебе	1829 г.
д. Мукмень Каратай (Кузайкинская волость)	1	мектебе	1829 г.
д. Старый Иштеряково	1	мектебе	1829 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
(Кузайкинская волость)	2	мектебе	1908 г.
	3	мектебе	1908 г.
д. Ромашкино (Ново-Письмянская волость)		мектебе	1828 г.
д. Токтарова Урдала (Сходневская волость)	1	мектебе	1904 г.
	2	мектебе	1902 г.
	3	мектебе	1911 г.
	3	мектебе женское	1914 г.
д. Зай Каратай (Каратаевская волость)	1	мектебе	1883 г.
	2	мектебе	1885 г.
д. Карабаш (Каратаевская волость)	1	медресе	1870 г.
д. Татарская Абдикеево (Абдикеевская волость)	1	мектебе	1903 г.
	1	мектебе	1914 г.
	2	мектебе	1911 г.
д. Карабикулово (Абдикеевская волость)	1	мектебе	1904 г.
д. Нов. Иштеряково (Спиридоновская волость)	1	мектебе	1865 г.
	2	мектебе	1905 г.
д. Шугурово (Спиридоновская волость)	1	мектебе	1907 г.
	3	мектебе	1905 г.
	4	медресе	1912 г.
д. Каркали (Спиридоновская волость)	1	мектебе	1872 г.
	2	мектебе	1895 г.
	3	мектебе	1913 г.
д. Шугушла (Спиридоновская волость)	1	мектебе	1856 г.
	3	мектебе	1903 г.
д. Юлтемирово (Спиридоновская волость)	2	мектебе	1906 г.
	3	мектебе	1911 г.
	4	мектебе	1900 г.
Итого		151 мужских мектебе 8 женских мектебе 55 медресе	
Самарский уезд			

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Спиридоновка (Бобровская волость)	1	мектебе	неизвестно
д. Старая Тюгальбуга (Степ.-Шенталинская волость)	1	мектебе	1715 г.
	2	мектебе	1911 г.
	3	мектебе	1888 г.
д. Новая Тюгальбуга (Степ.-Шенталинская волость)	1	мектебе	1825 г.
	2	мектебе	1891 г.
д. Верхняя Тюгальбуга (Степ.-Шенталинская волость)	1	мектебе	1913 г.
д. Моисеевка (Степ.-Шенталинская волость)	1	мектебе	1840 г.
д. Старое Фейзуллово (Степ.-Шенталинская волость)	1	мектебе	1715 г.
	2	медресе	1882 г.
д. Новое Фейзуллово (Степ.-Шенталинская волость)	1	медресе	1910 г.
д. Мулловка (Елховская волость)	1	мектебе	1885 г.
д. Нижний Нурлат (Шламская волость)	1	мектебе	1884 г.
	2	мектебе	1888 г.
д. Верхний Нурлат (Шламская волость)	1	мектебе	1830 г.
д. Нов. Иглайкино (Шламская волость)	1	мектебе	1885 г.
Итого		14 мектебе 2 медресе	
Бугурусланский уезд			
г. Бугуруслан	1	мектебе	1899 г.
д. Мочалейка (Подбельская волость)	1	медресе	1859 г.
	2	мектебе	1890 г.
д. Новое Мансуркино (Сосновская волость)	1	мектебе	1866 г.
	2	мектебе	1895 г.
	3	мектебе	1905 г.
д. Ново Ермаково (Вечкановская волость)	1	мектебе	1884 г.
д. Бакаево (Сок-Кармалинская волость)	1	медресе	1829 г.
	1	мектебе женское	1829 г.
	2	мектебе	1889 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
	2	мектебе женское	1911 г.
д. Алькино (Стюхинская волость)	1	медресе	1876 г.
	1	медресе	1895 г.
	1	медресе	1906 г.
д. Татарский Байтуган (Байтугановская волость)	1	мектебе	1828 г.
д. Старо-Усманово (Байтугановская волость)	1	2 мектебе	1899 г.
д. Балыкла (Байтугановская волость)	1	мектебе	1745 г.
	2	мектебе	1902 г.
	3	мектебе	1911 г.
д. Ново-Усманово (Байтугановская волость)	1	мектебе	1814 г.
	3	медресе	1910 г.
д. Старое Ермаково (Старо-Сосинская волость)	1	мектебе	1910 г.
	2	мектебе	1891 г.
	3	мектебе	1903 г.
д. Камышла (Старо-Сосинская волость)	1	мектебе	1829 г.
	2	мектебе	1877 г.
	3	мектебе	1885 г.
	4	мектебе	1912 г.
д. Абдрахманово (Баклановская волость)	1	медресе	1901 г.
д. Старые Шалты (Баклановская волость)	1	мектебе	1905 г.
	2	медресе	1905 г.
д. Шалтинские Выселки (Баклановская волость)	1	мектебе	1909 г.
д. Чиганлы (Больше-Сурметовская волость)	1	медресе	1874 г.
д. Новый Тирис (Сарай-Гирская волость)	1	мектебе	1895 г.
д. Ново-Якупово (Сарай-Гирская волость)	1	мектебе	1850 г.
д. Старо-Якупово (Сарай-Гирская волость)	1	мектебе	1889 г.
	1	медресе	1880 г.
	2	медресе	1911 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Тирис Усманово (Мартыновская волость)	2	мектебе	1911 г.
д. Ново-Султангулово (Султангуловская волость)	1	мектебе	1879 г.
	2	мектебе	1902 г.
	3	мектебе	1907 г.
д. Старо-Султангулово (Султангуловская волость)	1	медресе	1884 г.
д. Старо Кульшарипово (Султангуловская волость)	1	медресе	1849 г.
	2	медресе	1890 г.
	3	медресе	1912 г.
д. Мукменево (Султангуловская волость)	1	мектебе	1872 г.
	2	медресе	1890 г.
	3	медресе	1907 г.
д. Карамали Кутлуево (Ивановская волость)	1	медресе	1850 г.
	2	медресе	1909 г.
д. Старое Аширово (Матвеевская волость)	2	мектебе	1912 г.
д. Верхне-Ново-Кутлумбетово (Емельяновская волость)	1	медресе	неизвестно
д. Нижне-Ново-Кутлумбетево (Емельяновская волость)	1	медресе	неизвестно
	2	медресе	1906 г.
д. Старо-Кутлумбетево (Ефремово-Зыковская волость)	1	мектебе	1909 г.
	2	мектебе	1903 г.
	2	мектебе женское	1913 г.
д. Азаматова (Тимошкинская волость)	1	мектебе	1908 г.
д. Ново Аширово (Тимошкинская волость)	1	медресе	1830 г.
д. Наурузовка (Пономаревская волость)	1	мектебе	1760 г.
	2	мектебе	1891 г.
с. Абдулино (Сарай-Гирская волость)	1	мектебе	1912 г.
Итого		38 мужских мектебе 3 женских мектебе	

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
		23 медресе	
Бузулукский уезд			
г. Бузулук	1	мектебе	1897 г.
д. Старо-Юлдашево (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1840 г.
д. Ново-Юлдашево (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1889 г.
д. Исмагилово (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1908 г.
д. Юлтыево (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1913 г.
д. Абдулево (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1850 г.
д. Старо-Гумирово (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1791 г.
д. Бабичево (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1903 г.
д. Верхне-Ильясово (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1902 г.
д. Средне-Ильясово (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1832 г.
д. Карьяково (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1830 г.
д. Нижне-Бахтиярово (Юмурань-Табынская волость)	1	мектебе	1913 г.
д. Старая Белогорка (Матвеевская волость)	1	мектебе	1815 г.
д. Новая Белогорка (Матвеевская волость)	1	мектебе	1826 г.
д. Медведка (Матвеевская волость)	1	мектебе	1897 г.
д. Сайфутдиново (Богдановская волость)	1	мектебе	1857 г.
д. Амерханово (Богдановская волость)	1	мектебе	1820 г.
д. Мало-Бикулово (Богдановская волость)	1	мектебе	1874 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Старо-Бикулово (Богдановская волость)	1	мектебе	1868 г.
д. Мулюково (Богдановская волость)	1	мектебе	1804 г.
д. Баширово (Богдановская волость)	1	мектебе	1820 г.
д. Имангулово (Богдановская волость)	1	мектебе	1850 г.
д. Кизиль-Мечеть (Любимовская волость)	1	мектебе	неизвестно
д. Кундузлутамак (Любимовская волость)	1	мектебе	неизвестно
д. Саиново (Любимовская волость)	1	мектебе	неизвестно
Итого		25 мектебе	
Ставропольский уезд			
с. Посад Мелекес (Мулловская волость)	1	медресе	1898 г.
с. Выселки (Выселская волость)	1	мектебе	неизвестно
	2	мектебе	1865 г.
д. Кубань-Озеро (Высококолковская волость)	1	мектебе	1830 г.
	2	мектебе	1909 г.
д. Елховый Куст (Высококолковская волость)	1	мектебе	1891 г.
	2	мектебе	1909 г.
д. Лабитово (Высококолковская волость)	1	мектебе	1898 г.
д. Абдреево (Высококолковская волость)	1	мектебе	1867 г.
д. Теплый Стан (Высококолковская волость)	1	мектебе	1895 г.
	3	мектебе	1906 г.
д. Новая Урайкино (Ташелская волость)	1	мектебе	1880 г.
д. Асаново (Бряндинская волость)	1	мектебе	1900 г.
д. Абдуллово (Бряндинская волость)	1	мектебе	1765 г.
д. Ертуганово (Бряндинская	1	мектебе	1765 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
волость)	2	мектебе	1854 г.
д. Верхний Сентимир (Старо-Бесовская волость)	1	мектебе	1897 г.
д. Средний Сентимир (Старо-Бесовская волость)	1	мектебе	1875 г.
д. Старый Сентимир (Старо-Бесовская волость)	1	мектебе	1875 г.
д. Нижний Сентимир (Старо-Бесовская волость)	1	мектебе	1815 г.
д. Боровка (Старо-Сахчинская волость)	1	мектебе	1886 г.
д. Татарское Урайкино (Помряскинская волость)	1	мектебе	1896 г.
	2	мектебе	1837 г.
	3	медресе	1905 г.
д. Уразгильдино (Помряскинская волость)	1	мектебе	1829 г.
	2	мектебе	1906 г.
д. Чувашский Калмаюр (Коровинская волость)	1	мектебе	1895 г.
	2	мектебе	1901 г.
д. Новая Уразгильдино (Коровинская волость)	1	мектебе	1912 г.
пос. Сентимир (Коровинская волость)	1	мектебе	1912 г.
д. Татарский Калмаюр (Коровинская волость)	2	мектебе	1860 г.
	3	мектебе	1896 г.
	4	мектебе	1906 г.
	5	мектебе	1904 г.
д. Старый Уренбаш (Озерская волость)	1	мектебе	1856 г.
	2	мектебе	1904 г.
д. Новый Уренбаш (Озерская волость)	1	мектебе	1886 г.
д. Мулеев Враг (Ташелская волость)	1	мектебе	1903 г.
д. Мордовское Озеро (Ташелская волость)	2	мектебе	1913 г.
д. Аллагулово (Лебяжинская волость)	1	мектебе	1815 г.
	1	медресе	1815 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Сабакаево (Лебяжинская волость)	1	медресе	неизвестно
д. Моисеевка (Ново-Маинская волость)	1	мектебе	неизвестно
	3	мектебе	неизвестно
д. Филлиповка (Ново-Маинская волость)	1	мектебе	неизвестно
	1	мектебе женское	неизвестно
	4	мектебе	неизвестно
Итого		42 мужских мектебе 1 женское мектебе 4 медресе	
Николаевский уезд			
д. Максютово (Кузябаевская волость)	1	мектебе	1832 г.
д. Габдулино (Кузябаевская волость)	2	мектебе	1890 г.
д. Кунакбаево (Кузябаевская волость)	1	мектебе	1795 г.
д. Кузябаево (Кузябаевская волость)	1	мектебе	1795 г.
д. Кочумбетово (Кузябаевская волость)	1	мектебе	1815 г.
д. Ишимбаева (Кузябаевская волость)	1	мектебе	1904 г.
д. Байгундинова (Кузябаевская волость)	1	мектебе	1903 г.
д. Бобровый Гай (Кузябаевская волость)	1	мектебе	неизвестно
	1	медресе	неизвестно
д. Новая Елюзань (Камен.-Сарминская волость)	1	мектебе	1845 г.
	1	мектебе	1875 г.
д. Имильево (Имильевская волость)	1	мектебе	1874 г.
д. Кинзягулово (Имильевская волость)	1	мектебе	1832 г.

Населенный пункт	Номер прихода	Тип учебного заведения	Дата основания
д. Хасяново (Имильевская волость)	1	мектебе	1914 г.
д. Тажбулат-Кустяново (Имильевская волость)	1	мектебе	1895 г.
д. Денгизбаево (Имильевская волость)	1	мектебе	1879 г.
д. Утекаево (Имильевская волость)	1	мектебе	1832 г.
д. Кочкиново (Имильевская волость)	1	медресе	1904 г.
г. Николаевск	1	мектебе	1848 г.
Итого		17 мектебе 2 медресе	
Итого по Самарской губернии		408 учебных заведений: 310 мужских мектебе 12 женских мектебе 86 медресе	

*Составлено по: ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. Л. 1–168.

Приложение 9

Учебные дисциплины в реформированном медресе,

согласно проекту Х. Фаизханова

Год обучения	Наименование дисциплин с указанием количества часов в неделю
1	**Тюркский язык** – 6; предписания ислама (фараид) – 6; каллиграфия (чистописание) – 2; рассказы о праведных – 4. Всего в неделю – 18
2	**Тюркский язык** – 4; предписания ислама – 4; **счет** – 4; персидский язык – 4; арабский язык – 2. Всего в неделю – 18.
3	**Тюркский язык** – 2; шариат – 4; персидский язык – 2; **русский язык** – 4; **арифметика** – 3; арабский язык – 2. Всего в неделю – 17. (Вторая группа избавлена от одного часа шариата и двух часов арабского языка.)
4	Шариат – 3; **география** – 3; **логика** – 2; **геометрия** – 3; арабский язык – 4; **история** – 2. Всего в неделю – 17. (Вторая группа избавлена от одного часа шариата, логики и арабского языка.)
5	Шариат – 3; **география** – 3; **логика** – 2; **геометрия** – 3; арабский язык – 4; **история** – 2. Всего в неделю – 17. (Вторая группа избавлена от одного часа шариата, логики и арабского языка.)
6	Арабский язык – 2; теология – 3; **логика** – 3; шариат – 3; **геометрия** – 3; **история** – 2. Всего в неделю – 16. (Вторая группа изучает только шариат и историю.)
7	Шариат – 4; **естествознание** – 3; **математика** – 2; теология – 2; **науки Европы** – 2. Всего в неделю – 13
8	Основы фикха – 4; хадисы – 3; тафсир – 3. Всего в неделю – 10
9	Основы фикха – 3; фикх – 2; хадисы – 2; тафсир – 2. Всего в неделю – 9
10	Фикх – 4; тафсир – 2; хадисы – 2. Всего в неделю – 8

*Составлено по: Фаизханов Х. Реформа медресе / пер. со старотат. И. Ф. Гимадеев; под ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород: Медина, 2007. – С. 34–35.